

СОЮЗ ИСКУССТВА И СПОРТА

Олимпиада

№ 5 МАРТ 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ

НАКАЗ КОМСОМОЛЬСКОГО СЪЕЗДА

«...воспитывать у молодежи уважение ко всем народам и нациям и народностям. Комитетам ВЛКСМ развивать социалистическое соревнование молодежных коллективов родственных предприятий республик и областей, проводить вечера интернациональной дружбы, фестивали».

Вячеслав ЦУГБА,
первый секретарь Абхазского
обкома комсомола Грузии

Если вам доведется побывать в Абхазии в последнее воскресенье июня, заезжайте в село Лыхны, Гудаутского района, — удивительной торжественности праздник увидите вы здесь.

Для лыхненских комсомольцев это уже традиция — приглашать в День советской молодежи в свое село сверстников из близлежащих городов Российской Федерации — Сочи, Хосты, Адлера, отдыхающих из многочисленных здравниц Черноморского побережья Кавказа. Кажется, вся страна проходит в этот день перед тобой со своими заботами и интересами, самобытными плясками и песнями.

Я поставил бы перед собой слишком сложную задачу, если бы решил перечислить все города и села, станции и поселки, станицы и аулы, с которыми поддерживает сегодня дружеские связи молодежь Абхазии. Письма и телеграммы, бандероли и посылки, на которых уместно ставить штемпель со словом «дружба», летят ежедневно из нашей республики в самые разные концы страны.

«В нашей школе создан музей Владимира Ильича Ленина, — пишут своим сухумским сверстникам ребята из школьного музея села Чугинка, Станично-Луганского района, Ворошиловградской области. — Мы собрали работы Ильича на языках многих народов СССР. Хочется, чтобы на полках нашего музея стояли томики ленинских произведений и на вашем, абхазском языке».

К старшеклассникам сухумских

школ обращаются выпускники бизякинской сельской школы Елабужского района, Татарской АССР: «Нас очень интересует ваш край, жизнь и быт абхазского народа. Хотелось бы завязать узы дружбы с вами, друзья».

Прошлые непременно выполняются. Так возникает переписка, рождаются узы дружбы. Растет комсомольская и пионерская почта, а вместе с ней еще сильнее становится желание ребят лучше узнать Родину, ее самые отдаленные места. Поддерживая тесные связи со своими сверстниками из различных республик Советского Союза, обсуждая с ними волнующие вопросы, с любовью рассказывая о своих родных местах, наши комсомольцы, юноши и девушки исподволь проходят важнейший урок — урок советского патриотизма.

Крыльцо родного дома, искоженная тропинка в селе, где родился, кварталы города, где прошла юность, — это только глубоко личное начало Родины. Когда растешь, изучаешь свою страну, знакомишься с ее просторами, познаешь историю, начинаешь понимать, что Родина для тебя и для каждого советского человека начинается и с оживленной московской магистральной, и с берегов Ангары, и с опушки темного бора в Белоруссии, и с тропы, ведущей к Марухскому перевалу Кавказа... Ты прописан в СССР, и весь Союз — в сердце твоём.

И разве не об этом почта наших комсомольцев?

Наверное, скептик усмехнется: стоит ли так много говорить о письмах, о переписке школьников разных городов и республик?

Я вспоминаю историю одной переписки.

Несколько лет назад газета «Советская Абхазия» рассказала об истории знакомства двух девушек. Выпускница сухумской средней школы Светлана Кешениди познакомилась по переписке с Маргит Мачари, окончившей будапештскую гимназию имени Михаила Фазекаша. Светлана пригласила девушку из Венгрии в гости, и новую подругу сухумские школьники встречали на вокзале чуть ли не всем классом.

Видимо, поездка по нашей республике, новые друзья произвели на Маргит самое лучшее впечатление. Во всяком случае, вернувшись домой, Мачари рассказала о путешествии многим своим друзьям, и вскоре ее одноклассница Юдит Хорват стала переписываться с подругой Светланы Валеи Тамбия. Юдит потом тоже приезжала в Сухуми.

Светлана и Маргит переписывались на русском языке. Отец Маргит — шофер такси, а его дочка решила стать преподавателем русского языка и литературы. Кстати, и отец Светланы работал шофером.

Маргит писала Светлане, что окончила гимназию с золотой медалью. Затем — и снова из письма — Светлана узнала, что ее подруга поступила на факультет русской и венгерской литературы педагогического института в городе Сегеде, что учится она отлично.

Письма пересекали границы, и Маргит была в курсе всех событий жизни Светланы, знала, что Кешениди работает инженером в строительном управлении и учится во Всесоюзном заочном инженерно-строительном институте.

Позже Маргит писала, что выходит замуж, что жених ее, Ференц Бакони, учится в Будапештском университете и через год станет инженером-электриком.

Прошло еще какое-то время, и Светлана познакомилась с мужем подруги уже не по письмам, а воочию...

Я вспомнил историю зарождения этой дружбы, потому что убежден: в интернациональном воспитании нет мелочей. Интернациональное воспитание — это не только лекции или многолюдные митинги, не только лагеря дружбы или вахты солидарности, интернациональное воспитание — это и личные контакты, это и письма, идущие в Абхазию из Минска или Варшавы или в Ташкент и Прагу из Сухуми.

Тысячи писем летят ежедневно из конца в конец нашей необъятной Родины. Как же единодушны и близки друг другу советские юноши и девушки, если, даже будучи неизвестными, они откровенно делятся друг с другом сокровенными мечтами, планами на жизнь, советуются, как с близкими друзьями! Как же оно прекрасно, это удивительное чувство сердечной близости людей, которым неизвестны отчужденность и недоверие!

Я думал об этом, участвуя в работе XVII съезда комсомола, который, напоминая, отметил «важность работы комсомола по воспитанию молодежи в духе дружбы народов СССР, социалистического интернационализма, гордости за великий советский народ — новую историческую общность людей».

В воспитательной работе комсомольские организации Абхазии стремятся использовать социалистическое соревнование между коллективами родственных предприятий различных республик, областей и районов нашей страны. Богатые плоды для укрепления дружбы приносит традиционное соревнование комсомольцев и молодежи Сухуми, Батуми и Кировакана, заводов «Сухумприбор» и «Электроприбор» из Грозного, колхозов «Церетели» из Абхазии и «Адажи» из Латвийской ССР, Гудаутского района и Скадовского района Херсонской области. Характерная

черта такого соревнования — расширение связей нашей молодежи с молодежью других республик, областей, городов и районов. Это боевое состязание в труде и учебе, взаимопомощности, проведение целого ряда совместных мероприятий можно по праву назвать школой социалистического интернационализма.

Слово КИД — одно из самых популярных в нашей республике. Клубы интернациональной дружбы создаются в каждой первичной комсомольской организации завода, фабрики, шахты, вуза, техникума, школы.

Кидовцы восьмилетней школы № 1 села Беслахуба, Очамчирского района Абхазии, рассказывают о своих полезных делах сверстникам из заплавской средней школы Октябрьского района, Ростовской области; юные интернационалисты сухумской шестой средней школы поддерживают связь с членами КИДа имени Эрнста Буша при даниловской школе-интернате Ровенского района...

Таких примеров можно привести много. Особая страница в летописи интернациональной дружбы абхазских школьников связана с операцией «Чукотка», в ходе которой пионеры Абхазии отправили на строительство Дворца пионеров заработанные на сборе чайного листа, макулатуры и металлолома более 12 тысяч рублей. Ребята гордятся своей причастностью к этой операции, завершившейся открытием прекрасного Дворца в городе Анадырь. Еще одним доказательством верности юных традициям интернационализма стало их участие в операции «Богатства лесной аптеки — детскому госпиталю в Ханое».

Абхазия — гостеприимный край. Каждый день к нам приезжают сотни людей из различных концов страны и из-за рубежа. Живущие на разных меридианах и широтах, они летят, едут, плывут к нам, чтобы отдохнуть, познакомиться с нашим краем, понежиться под ласковыми лучами солнца. Мы гордимся, что тепло нашего гостеприимства живой волной распространяется во все концы нашей страны, пересекает границы государств и континентов.

В то же время это ставит перед комсомольскими организациями Абхазии ответственные задачи, которые нельзя решать разовыми встречами с гостями, концертами дружбы, торжественными приемами.

Планомерной, систематической работе, направленной на интернациональное воспитание, в значительной мере способствовало создание в Абхазии Бюро молодежного туризма «Спутник».

Прошел короткий срок, но бюро уже зарекомендовало себя центром, развивающим массовый молодежный туризм как действенное средство, способствующее воспитанию

С САМОГО ПР

ДЕТСЯ

юношей и девушек в духе советского патриотизма, пролетарского интернационализма, верности революционным, боевым и трудовым традициям советского народа, Ленинского комсомола. Создание благоприятных условий для распространения среди зарубежной молодежи правдивой информации о жизни советского народа посредством туристского обмена — это тоже наша задача. В минувшем году посланцы молодежи Абхазии побывали в Польше, Югославии, Ливане, Иране, Кувейте, и мы стремились, чтобы каждый комсомолец Абхазии, выезжающий за рубеж, был настоящим пропагандистом успехов коммунистического строительства в СССР.

Важнейшим своим долгом Бюро молодежного туризма считает привлечение юношества к участию в туристской экспедиции «Моя Родина — СССР». Комитеты комсомола предприятий, колхозов и совхозов, вузов и школ нашей республики организуют массовые походы, путешествия и экскурсии юношей и девушек, рассчитанные на выходные дни и на время отпусков и каникул.

Успешной деятельности в значительной мере способствует опыт, накопленный обкомом комсомола в работе с иностранными гостями. А таких у нас бывает немало. Достаточно вспомнить советско-английский молодежный лагерь, который располагался на берегу моря, в селе Эшера. Думаю, что дни, проведенные в Абхазии, не забудутся нашими гостями. И дело вовсе не в радушном гостеприимстве, которым всегда славилась Абхазия, и не в теплом море. В памяти навсегда останутся дружные, напряженные будни в поле, товарищеская спайка, которые сделали студенческий отряд подлинной школой интернационализма. Были споры, были диспуты, мнения не всегда совпадали, но в этом искренности, товарищеском споре рождалась истина.

Разнообразные по форме контакты нашей молодежи со сверстниками из зарубежных стран с каждым годом расширяются и крепнут. Это и обмены делегациями, и встречи студентов и молодых научных сотрудников, и декады солидарности, и международные рабочие лагеря-семинары, ставшие наиболее эффективными формами укрепления международных связей молодежи.

Особенно тесные узы дружбы связывают юношество Абхазии с молодежью социалистических стран. Пять лет дружат учащиеся средней профтехшколы города Кутна Гора из ЧССР с учащимися Сухумского индустриального техникума. Пятый раз 20 молодых людей из Чехословакии приезжают на свой трудовой семестр в Сухуми, где успешно проходят

производственно-ознакомительную практику. В свою очередь, наши ребята проходят практику в ЧССР. Дружеские отношения сложились у сухумских авиаторов и чешских швей. А в прошлом году гостем коллектива Сухумского аэропорта стала женская бригада имени Нади Курченко с трикотажной фабрики Варнедорфа. Хорошие дружеские связи установились и у молодых тружеников села Шешелети, Гальского района, с кооперативом Ленин села Марцана из ГДР.

Тесные контакты поддерживают наши ребята с аспирантами и студентами Вьетнама и АРЕ, обучающимися в Грузинском институте субтропического хозяйства. Зарубежные студенты принимают участие в наших акциях солидарности с борьбой народов Ближнего Востока, Вьетнама, Латинской Америки за свободу и независимость.

Формы контактов с друзьями из социалистических стран многообразны, и я затрудняюсь в выборе самых впечатляющих. Может быть, это школа молодых физиков социалистических стран, а может быть, поразительно интересные выступления молодого ученого из ГДР, посвященные проблемам молодежного движения и месту молодежи в жизни современного общества.

Я бы особо отметил конкретность, результативность усилий наших юношей и девушек, тех усилий, что направлены на выполнение интернационального долга. Я говорю сейчас и о шефстве сухумских комсомольцев над заказами социалистических стран и о работе бригады девушек-механизаторов из совхоза-техникума Гальского района, возглавляемой делегатом XVII съезда комсомола Назибролой Хасая: собирая чайный лист на машине «Сакартвело», они день трудились в фонд солидарности с Вьетнамом.

Мы всегда поддерживаем наших зарубежных друзей, мы — интернационалисты, и потому сейчас, когда развертывается важнейшая всесоюзная кампания — обмен комсомольских документов, мы вновь и вновь напоминаем юношам и девушкам о тех словах, что внесены в наш комсомольский билет: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Сохранять и приумножать традиции дружбы и интернационального братства — значит, как подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «воспитывать себя в духе пролетарского, социалистического интернационализма, в духе братской дружбы с народами социалистических стран, боевого союза со всеми борцами за дело мира и свободы народов в духе классовой солидарности с трудящимися всего мира».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 5 [1147]

МАРТ

1975

Наша обложка: Двукратная чемпионка мира по художественной гимнастике Галима ШУГУРОВА.

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

РЕПОРТАЖ «СИБИРЯЧКА»
НА СТРАНИЦАХ 24—25.

2

РАБОЧАЯ ТРИБУНА «СМЕНИ».
ШАХТЕР Г. Н. СМЕРНОВ:
ДЕЛИСЬ СВЕТОМ.

6

ФРОНТОВЫЕ ФОТОГРАФИИ
ЕВГЕНИЯ ХАЛДЕЯ:
ЖЕНЩИНЫ НА ВОЙНЕ.

12

В ОБЛАКА НА КОЛЕСАХ.

20

ДОМА ДЛЯ ДАЛЬНИХ ШИРОТ.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР ПОСВЯЩАЕТСЯ
VI ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ
МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Заместитель главного редактора В. В. ЛУЦКИЙ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Л. И. Курлыкова

ОСТОЮ

ПЯТИЛЕТКЕ- УДАРНЫЙ ФИНИШ!

ПЛАН КАЖДОГО ДНЯ, КАЖДОГО МЕСЯЦА ЗАВЕРША- ЮЩЕГО ГОДА — ДОСРОЧНО!

Что ненавижу больше всего! — переспросил Смирнов и тут же ответил. Мгновенно, зло, жестко ответил: — Ненавижу вранье.

Как отрезал.

Последний этот вопрос я мог бы Смирнову и не задавать — ответ предполагал заранее, но любопытно было услышать именно смирновскую формулировку Смирнов и тут остался верен себе.

Прощались мы на улице. Ветер гнал потоки снега. Смирнов не отворачивался, не прятал лицо, держался так, словно и ветра никакого не было.

Который уже день подряд кружила по Кузбассу метель. «Такой бы природный вентилятор да на шахту приспособить», — улыбнулся Смирнов, когда речь вскользь зашла о погоде. И в этом замечании своя характерность — любую тему Смирнов поворачивает «профессионально»:

С Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета СССР, бригадиром шахтоуправления «Юбилейное» комбината «Южкузбассуголь» ГЕННАДИЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ СМИРНОВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Сергей СМОРОДКИН

Фото Альберта ЛЕХМУСА

на уголь, на добычу, на горную технику.

— Снег какой! — сказал он вдруг восторженно как-то, удивленно даже, будто снег увидел впервые, и я подумал про себя: «Все-таки как молод он еще, шахтерский бригадир Смирнов, знаменитый на всю страну. И как это, в сущности, здорово, что он молод — и Герой и член Президиума Верховного Совета страны».

— На лыжах бы пойти. Такая зима снежная, а я на лыжи еще и не вставал. Не успеваю.

И я на мгновение представил, что вот уляжется завтра метель, и мы, забросив все городские дела, пойдем со Смирновым на лыжах.

Но завтра я уже должен улетать, да и Смирнову в конце месяца не до лыж, и деланно весело я сказал, что впереди у нас еще не одна зима, что еще накатаемся...

Но Смирнов не принял веселый мой тон.

— Не о том я, — сказал он, пода-

вая свою громадную и все равно такую легкую руку. — ЭТОЙ зимы уже не будет.

«А, так вот о чем...»

И опять весь сегодняшний разговор всплыл в памяти. Детали его лежали ясно, зримо, как части машины на остановившемся конвейере. Значит, и Смирнов еще продолжал мысленно наш разговор об этом. О новичке из бригады, о мертвом двигателе, о тех ребятах, что выпустили за ворота брак, лишь бы «сделать» план.

Но об этом разговоре потом. Сначала — о самом главном.

Услышал я о Смирнове года два назад от Алексея Григорьевича Стаханова. Прославленный шахтер, чье имя стало не для одного поколения символом доблести в труде, рассказывал о молодых горняках, радуясь их успехам. Владимир Мурзенко... Григорий Моцак... Анатолий Таценко... Эти имена вожakov комсомольско-молодежных бригад уже гремели по стране.

Рабочая трибуна «Смены»

В этом году исполняется сорок лет начала массового стахановского движения. Многие молодые гвардейцы пятилетки решили отметить этот юбилей ударным трудом, встали на стахановскую вахту.

Среди угольщиков Донбасса, Кузбасса и Караганды развивается одобренное Центральным Комитетом КПСС соревнование за лучшее использование горной техники. Более четырехсот бригад, среди которых много комсомольско-молодежных, ежедневно выдают из каждого забоя не менее тысячи тонн топлива. Комсомольско-молодежная бригада комбината «Южкузбассуголь», которой руководит Герой Социалистического Труда Геннадий Смирнов, первой в стране превзошла миллионный рубеж добычи угля. В завершающем году пятилетки молодые горняки обязались выдать 1 250 тысяч тонн угля.

ДЕЛ

— Заметь себе: в Кузбассе работает еще один замечательный парень, — говорил Алексей Григорьевич, и лицо его, иссеченное морщинами, как шрамами, вроде становилось моложе. — Замечательный, судя по всему, шахтер. Фамилия — Смирнов. Я тебе говорю: не раз услышишь эту фамилию. Работает его комплексная бригада на гидрошахте. Это тоже важно. У нас гидродобыча медленно развивалась. Да и в других странах тоже не спешили. Дело новое, а «сухой» способ столетиями проверен. Потому все силы и средства бросали на «сухие» шахты. Я сам всю жизнь в таких проработал, но считаю: за гидродобычей большое будущее.

Алексей Григорьевич достал изрядно распухшую записную книжку, нашел нужную запись.

— Вот смотри, какие у Смирнова комбайновые проходки. 1969 год. За 31 день прошли комбайном 4 008 метров горных выработок. 1970 год —

ИСЬ СВЕТЛОМ

4 200. За 1971-й у меня данных что-то нет. Ага, семьдесят второй: уже 4 550 метров. Все это мировые рекорды! Будешь в Кузбассе — передай от меня личные поздравления. Хорошо?

В Кузбасс я все не мог выбраться, но по совету Стаханова следил за бригадой. Алексей Григорьевич оказался прав. В 1973 году комсомольско-молодежная бригада Смирнова установила новый мировой рекорд, не побитый до сего дня. За месяц горняки выдали 245 тысяч тонн. Столько угля выдает средняя шахта, на которой работает не одна сотня шахтеров. В бригаде Смирнова чуть больше семидесяти человек...

Такой производительности еще не добивалась ни одна шахтерская бригада страны.

После рекорда выбрался я все же в Новокузнецк, и хоть вроде поздно, но первым делом передаю Смирнову стахановские поздравления. Они и сегодня к месту: бригада

в определяющем году пятилетки добыла около полутора миллионов тонн угля. Один из лучших результатов в отрасли!

— Все мы крестники Алексея Григорьевича Стаханова, — говорит Смирнов. — И Володя Мурзенко, и Гриша Моцак, и Толя Таценко, и Миша Чих, и другие «миллионеры». В школе, помню, на экзамене по истории попался мне билет с вопросом о стахановском движении. Думать не мог тогда, что сам Алексей Григорьевич мне будет приветы передавать. Вот как жизнь повернулась. Кому из шахтеров не лестно получить поздравление от Стаханова!! Лично от Стаханова — подумать только!

— А что, на твой взгляд, главное в стахановском движении?

Смирнов задумывается, достает сигарету, жадно затягивается.

— Я тут письма Пушкина читал. И вот что мне бросилось в глаза: Пушкин пишет, что без вдохновения чело-

веку и жизнь не в жизнь. Ни в какой области работать толком не сможет. Первоосновой стахановского движения был и есть девиз: «Работать сегодня лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня!» Это значит, что только тогда, когда ты вложишь в работу сердечное вдохновение, напряжение ума, совесть свою рабочую, тогда и сработает, как Стаханов. Пушкин, я уверен, и шахтером был бы настоящим. Он же любое дело с вдохновением делал. Хоть на коне скакал, хоть сочинял, хоть на дуэли дрался. Еще мальчишкой меня просто поразило: ранен поэт был тяжело, а выстрел свой все же сделал. И не промахнулся.

— Интересно, — сказал я. — Пушкин и соцсоревнование. Не перегибаешь?

— Во-во... Другие тоже улыбаются. А я больше скажу. У Александра Сергеевича есть слова, ну, вроде как про стахановское движение: «Писать

книги для денег, видит бог, не могу...»

В самую точку попал. Стаханов тоже не ради добавочной получки пошел на рекорд в ту августовскую ночь. По вдохновению пошел. И все нормы перекрыл. В этом была, есть и будет сила соревнования. Не о наградах, не о лишней сотне людей думают. Если хочешь, я тоже так бы сказал: «Добывать уголь только для денег не могу...» Скучно. Представь только: всю жизнь — для денег. Уж лучше в управдомы, что ли. Хотя зачем я их обижаю! И там без вдохновения квартиры не отремонтируешь... Только людей заму-чаешь...

— А материальная заинтересованность? «От каждого — по способностям, каждому — по труду» — это же наш принцип. Социалистический.

— Все так. И я за материальную заинтересованность. Но сейчас речь

о другом. Стаж у меня — семнадцать лет. Из них пятнадцать под землей. Видел «маяков на час». Ничего не скажу, работали здорово. Вернее, не работали, а зарабатывали. Гнали рубль. Ну и что получилось? А ничего. Вытащат такого в «герон», стараются его сделать образцом для других, а «маяк» не светит. В глазу у него копейка. Всем же ее видно. Ну, а какой от копейки свет! Копеечный.

— На рубле человеческие отношения не построишь. Это верно. Обязательно «прокол» будет.

— Точно. Работал у нас шахтер один. Грамотный технически парень. Руки умелые. Надо починить комбайн — починит. Надо заварить — заварит. А когда гидромонитором или комбайном дистанционно управлял — на выносном пульте, как на баяне, играл. «Баянистом» так и звали. Работает «баянист» на гидромониторе. Хвалим его за работу. В пример ставим. Ты нашу технологию видел. Пласт разрабатываем короткими очистными забоями без крепления выработанного пространства. В последнюю очередь гасятся целики по контуру заходки и выбирается уголь, оставленный в пологачнике и в заградительных целиках. Выбирается до тех пор, пока порода не обрушится.

И тут, конечно, все зависит от мастерства. Настоящий мастер и уголь возьмет и технику не загубит. Вот, к примеру, Паша Глазырин. Он заходку всегда чисто «вымоет», нигде уголь не оставит. Конечно, тут и слух, и реакция, и глаз — все важно. Особенно слух. Гидромонитор ревет. Давление под сто атмосфер. По чему он бьет: по уголю или по пустой породе, — слышать надо. «Закапала» сверху порода — счет на секунды идет. Прозеваешь, растеряешься — машину «похоронишь» и сам в неприятную историю попасть можешь. Бывали такие случаи. Кузбасс — он не шутит.

Так вот про «баяниста». Быстрее всех гасил заходки, пока не выяснилось, что только метры гнать старался «баянист». Установит монитор, струю в потолочину направит и ждет, пока порода не повалится. Метры есть, а уголь — на бумаге.

— Впустую, значит, «играл»? — Впустую. Начал я с «баянистом» говорить по-шахтерски, а он свою линию гнет. Рисует вроде графика что-то. На оси икс откладывает рабочий стаж, а на оси игрек — совесть. И по этому графику получается, что чем больше шахтер работает, тем «кривая совести» опускается ниже. При стабильном заработке, между прочим. Я тогда совсем молодой был, горячий. В общем, из-за этого «графика совести» чуть большой конфликт у нас не вышел. Понятное дело!

— Дело-то понятное. А все же откуда берутся лояльщики со своими графиками? Выгнать-то их из бригады просто. Только ведь они и дальше по своему «графику» жить будут. Это раз. А, во-вторых, кое на кого могут своим «графиком» подействовать? И так бывает.

— Я думаю, что у человека должен быть выработан иммунитет от этой заразы. И выработать его молодому нашему рабочему должны помочь и семья, и школа, и комсомол, и наставники, и печать, и радио с телевидением. И еще одно. Есть такое слово — «самовоспитание». Я его так понимаю: у каждого своя голова на плечах должна быть и он должен этой головой думать. У нас в деревне, рассказывали, был один чудак. Такой вспыльчивый парень, что если ему квас не в той чашке дадут, он чуть на стенку не лез. И вот задумал он побороть в себе вспыльчивость, решил стать сдержанным, справедливым, спокойным, молчаливым и так далее человеком. На каждую неделю брал он одну из этих добродетелей человеческих и всю неделю настойчиво упражнялся, чтобы ввести ее в привычку. И так несколько лет подряд.

Рассказывали потом, что односельчанин наш работал у Главного конструктора Сергея Павловича Королева и больше всего Королев ценил в нем выдержку.

Но это я так вспомнил. К случаю. Кто прошел настоящую рабочую школу, того никакой ловкий «баянист» не собьет с толку. Для Паши Глазырина такой школой, по-моему, было строительство дороги Абакан — Тайшет. Для Бориса Колядко, которого вывезли из Ленинграда по «Дороге жизни» вместе с другими пацанами, мне кажется, был тот неллишний кусок хлеба, которым делились с ним незнакомые люди, пока он сам на ноги не встал. Для Жени Мусоханова, наверное, такой школой была ответственность за семью, за мать, которой он помогал расти, учить, воспитывать братьев и сестер, хотя самому очень хотелось учиться в институте...

Каждый по-своему приходит к человечности, выдавливая из себя раба, как говорил Чехов. А рабы привычки — это лень и равнодушие, жадность и эгоизм, вранье и... В общем, все, что мешает человеку жить по вдохновению, работать по призванию, делать свое дело как можно лучше.

Об этом хорошо писал в вашем журнале московский рабочий Юрий Кортнев: «Не лежит сердце к работе — и теряется ее количество. Делается она без души — страдает качество. Одним словом, без призвания сплошные убытки».

— Вот насчет так называемого призвания, мне кажется, мы немного перебарщиваем. И в семье, и в школе, да и на производстве мы стараемся внушить юноше или девушке мысль о труде прежде всего как о способе удовлетворения своих личных склонностей, как о чем-то, что в первую очередь должно доставлять удовольствие. И очень мало, словно стесняемся чего-то, говорим о труде-долге, труде-обязанности. Между прочим, домарксовы социалисты четко разграничивали различный характер труда. Они писали, что есть труд тяжелый, обыкновенный и приятный. В первых, подчеркивали утописты, все должны заниматься обыкновенным трудом, по очереди — тяжелым, а в оставшееся время или в награду — трудом приятным. Конечно, наивность утопических построений очевидна, но реализма в них все же, пожалуй, побольше, нежели в широко распространенном утверждении о труде-призвании.

Взять этот последний случай с электромотором. На одном из комбайнов сгорел мотор. Привезли со склада новый, спустили его в шахту, а он оказался «мертвым». Посмотрели паспорт. Штамп ОТК. Подпись. Как положено, испытания прошел. Только вот дата — тридцатое июля. Предпоследний день месяца. И все ясно. Весь график рабочей совести налицо. «Горел план», вот и выпустили «мертвый» мотор. Я думаю, что мотор этот делали работники, которым не только призвания к профессии, а просто и до труда-долга далекоаго еще.

— Я все думаю об этом моторе, — говорит Смирнов. — Ведь получается, что рабочие обманули и нас и себя. Государство — это мы. Наш комбайн — государственный — из-за этого мотора всю смену простоял. Мы все понесли убытки. И все же работники этого завода, наверное, получили премии за выполнение или перевыполнение плана. За брак, который отравили нам. Это же чепуха: премии... за брак. За то, что мы целую смену потеряли. Недаром читинский бригадир Шубин предлагал ввести в оплату коэффициент полезности труда. Ведь не любой труд нужен обществу. В первых, нужен только тот труд, который дает для него больше продукции в единицу времени. Во-вторых, высокая производительность нужна обществу не вообще, а только на изготовление того продукта, в котором

оно нуждается в данный момент. И, в-третьих, продукт этот должен быть получен в разумно необходимом количестве и качестве при наименьших затратах моральных и материальных ресурсов. Это и есть социалистический хозяйственный расчет...

— А если взять моральную сторону этого случая с двигателем. Помнишь, как тебя один паренек «успокаивал»? Чем, интересно, разговор с ним закончился?

— Помню-помню. Этот паренек недавно у нас. Пришел со своей философией: «А сколько заплатят!» «Чего мне больше всех горбатиться!» Взгляды, как у «баяниста».

— Что с такими ребятами делать? Как на них повлиять?

— Думаю, только примером. Примером, а не нотациями. Может, даже основной упор с такими ребятами надо делать не на то, как правильно сбойку производить — это они сейчас быстро схватывают после десятилетки, — а на отношение к товарищу, к делу.

Паренек раз, другой, десятый столкнется с бескорыстием в бригаде, с взаимопомощью не на словах, а на деле, когда товарищ подставляет свое плечо, протягивает свою руку... И сдвиг хоть и небольшой, но произойдет. Пришли мы в тот день с Мусохановым в нарядную, расстроенные из-за этого случая с мотором, а парень-то и попытался нас успокоить по-своему. «Ну, чего там... Не по нашей же вине... Подгоним в ночную смену...» По своему разумению он прав. Действительно, в ночную смену подогнали. Да только он еще главного принципа нашего не понимает: работа — это сама жизнь. И существует она для людей, для хорошей их жизни, и потому, если кто-нибудь скалтурил, или сработал вопльсы, или пошел на сделку с своей рабочей совестью, как же становится обидно.

Я тогда и постарался ему объяснить, что комбайн простоял из-за халтурщиков и ЭТОЙ смены уже никогда не будет. Тут он сообразил. Говорит: «А это вроде того, что нельзя дважды войти в один и тот же поток. Грек какой-то древний говорил. Это мы проходили в школе...»

Я ему, правда, грубовато тогда ответил. В том смысле, что не проходить надо, а понимать. Ну, думаю, парень не обиделся. Неглупый он человек, только работать и работать с ним надо. Тогда шахтером станет.

— Разные ребята приходят в шахты, на стройки и заводы. И с каждым должен, наверное, работать умный, авторитетный человек — наставник, который поможет юноше или девушке стать личностью. Гражданином. Разговаривал я в комитете комсомола шахтоуправления, а мне пожаловались: не хватает наставников, потому и не можем еще дойти, так сказать, до каждого. Отсюда вроде и отрицательные явления: прогулы, брак в работе, пьянство...

— Как это не хватает наставников? Да у нас в шахтоуправлении передовиков, людей с огромным опытом и знаниями не один десяток. Конечно, есть и такие, которые, пока были в зените славы, охотно работали с молодежью, а когда те же ребята их обогнали, обиделись. Дескать, мы свое сделали, теперь вы давайте. Но главное не в том, кто кого обогнал по результатам-труда. Если ты настоящий передовик — значит, у тебя особая сознательность, опережающая других в нравственном отношении. Да, твой, предположим, рекорд уже не исключительное явление, но твой опыт, твоё мастерство, твоя профессиональная вдумчивость всегда при тебе. Так зачем же ждать, когда к тебе с поклонном придут ребята из комитета комсомола! Нужно самим идти, самим предлагать...

Не использовать нравственный, так же как и производственный, опыт передовиков — бесхозяйственно.

— Я вот о чем сейчас подумал: а почему в наставниках только рабочие? Почему бы инженеру не стать наставником бригады или молодежного участка? Случается так, что бригадир неплохой, но знаний у него не хватает, чтобы организовать производство на современном уровне. Тут бы очень кстати оказался совет специалистов. И инженеры тогда бы участвовали в живом соревновании. Появился бы у них объективный показатель для сравнения: чья подшефная бригада станет образцовой по организации труда?

— Если ты хочешь принять участие в соревновании, прежде всего с самого себя соревнование и начни. Сам постарайся так работать, чтобы у других появилось желание идти за тобой. Это сильнее всяких призывов, лозунгов и обещаний действует. Покажи, на что ты сам способен прежде всего. А потом посмотрим...

У нас, шахтеров, есть такое старое правило: делись... светом. Это чуть ли не главное, чему меня в шахте в первый день научили. Смысл такой: если у соседа в забое погасла лампа, ставь свою к нему ближе.

Правило это, думается мне, не только под землей, в шахте, должно действовать.

— Партия не раз обращала наше внимание именно на эту сторону. «Передовой рабочий сегодня — это человек, обладающий глубокими знаниями, широким культурным кругозором, сознательным и творческим отношением к труду, он чувствует себя хозяином производства, человеком, ответственным за все, что происходит в нашем обществе», — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — Идеалы партии, идеалы коммунизма стали для такого рабочего сутью всего его мировоззрения, они определяют его поступки, его отношения с людьми, всю его жизненную линию».

— Вот таким человеком был и остался лично для меня Алексей Григорьевич Стаханов. Он-то всю свою жизнь делился светом.

Встретился я со Смирновым снова уже в Москве, куда он приехал по своим депутатским делам. Только что в «Правде» был опубликован трудовой рапорт шахтеров страны Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза. И первым подписать этот рапорт шахтеры доверили Геннадию Смирнову. В принятом постановлении Центральный Комитет КПСС одобрил положительный опыт организации социалистического соревнования в угольной промышленности и особо отметил шахтерские коллективы Г. Смирнова, В. Мурзенко, М. Чиха и А. Таценко, которые первыми в стране превзошли миллионный рубеж.

— Наш почин поддержан Центральным Комитетом партии. Чего скрывать, конечно, радостно на душе. Но и ответственность какая! Не раз и не два с ребятами взвешивали свои возможности, прежде чем решили: дать миллион двести пятьдесят тысяч тонн угля в 1975 году — нам по силам! Помнишь, Стаханов говорил о большом будущем гидродобычи!

— Помню, конечно. — Есть одна, можно сказать, международная новость: американцы заинтересовались нашей технологией гидродобычи.

Между прочим, американцы, когда на нашем участке были, долго наблюдали, как Паша Глазырин уголь берет. Разублабились. «О'кей», — говорят, — кузбасский метод!» Ну, мы маленько капиталистов тогда поправили: «У этого способа давно название есть. С августа тридцать пятого года. Шахтер Стаханов так работал. И способ у нас один — стахановский!»

Фазу АЛИЕВА,
народная поэтесса Дагестана

ПТИЧЬЯ ТРЕЛЬ

Посредине роскошного лета
Виртуозно поющая птица
Не в новинку нам,
Будто бы это —
Только времени года частица.

Как бы птицы прелестно ни пели
Возле солнцем овечьей сажли,
Так внимаем им,
Будто бы трели —
Лишь природы ликующей капли.

Но когда в угасанье осеннем
Неожиданно слуха коснется
Птичья трель,
То с каким изумленьем
Все твоё существо встрепенется!

Вся душа твоё в слух превратится,
До весны сохранив пенье птицы,
Что покинуть еще не успела
Эти горы и лес опустелый.

ВОЗРАСТ

Может быть,
Не к радости смеюсь,
Может быть, и плачу я
Не к горю...
С юностью своей не расстанусь,
Музыке ее все время вторю.
В сердце
Ритм лезгинки не погиб,
И танцую я самозабвенно.
Легкость ног моих и рук изгил
Многих возмущают откровенно.
Эй, Фазу,
Ведь ты не молода,
Возраст — это строгое понятие,
Что же надеваешь ты всегда
Пестрые девические платья?!
По колено у меня подол,
Но лускай вам бестревожно
Спитя,
Это наименьшее из зол —
Неумение с юностью проститься.
Рву я в поле алые цветы,
Чтоб румянец становился гуще.
О, признайтесь,
Юности черты
Ведь и вам, наверное, присущи!
Так зачем понадобилось вам
Толковать про зрелость
И солидность?
Душу приспособлявать к летам —
Легкомысленная дальновидность.
Быстро мчится времени река,
По ее теченью не в новинку
Плыть и плыть...
И мы наверняка
Постареть успеем, а пока
Лучше спляшем легкую лезгинку!

Перевела с аварского
Инна ЛИСНЯНСКАЯ.

Алла ТЕР-АКОПЯН

БАЛЛАДА

Стоял айяр¹, весенний месяц.
Цвели в Ниневии сады.
А воздух был из тонкой смеси
благоуханья и беды.

А воздух был из смеси тонкой —
что далее: война или мир!
С тревогой золотил ягненку
копытца местный ювелир.

¹ Ассирийское название апреля — мая.

Гребенкой из слоновой кости
ягненку расчесали шерсть.
И краткой сменной царской злости
явилась царственная лесть.

— О бог Шамаш, владыка солнца!
Угодна жертва ли моя!
Пусть в пене конница несется
туда, в урартские края!
Ты одари меня победой,
добычей ценной одари
и красным цветом битвы этой
цвет посрами самой зарей!
Пусть будет власть моя бездонна
назло бесчисленным врагам!..

Молитвою Асархаддона
старинный потревожен храм.

А царь стоит, свое итожа,
раздумий темных полон взгляд:
Саргон Урарту уничтожил
всего лишь тридцать лет назад!

Но поднялась лоза из пепла,
дыханье в трещинах сквозит.
Страна очнулась и окрепла —
живет, и строит, и грозит!

Умрет один — другой родится.
Залог тому: земля, лоза...
И сузились у ассирийца
его прозревшие глаза.

СЕМЬЯ

Чета жирафов — шен в облаках —
дитя ласкает в душном
зоопарке —
оранжевое солнышко. Помарки
происхождения на его боках.
А ноги на копытцах-каблуках
разъехались, образовав две арки.

Чета жирафов — нежность
во плоти —
срывает ветки и спешит найти
ребяческие губы жирафенка.
А он нет-нет да и захнычет
звонко
и смотрит, как ровесница
девчонка
зовет его к решетке подойти.

Чета жирафов преданно глядит
на теплое единственное чадо
и рада: сын — пусть клетью —
все же скрыт
от всех опасностей; прочна
ограда...

Семья молчит, а может,
так и надо:
язык любви древнее,
чем санскрит.

Ирина ПАНОВА

Люди с особым талантом
к будням не требуют специй
и безразличия латы
не надевают на сердце.
Шуткой ошибку поправят,
плащ свой подарят в не²стье,
друга с удачей поздравят,
не позавидуют счастью.
Их не пугают морозы,
будни бессонной тревоги.
Станет поэзией проза
новой нелегкой дороги.
Море высокого хлеба,
самое трудное дело,
землю и чистое небо
можно доверить им смело.

Веселые волны и пена резная —
ничто не сравнится с морской
синевой.

Моряк усмехнулся:
— Ты моря не знаешь,
ты с берега любишь смотреть
на него.

Тебе не знакома работа морская,
где стены воды и туман за кормой.
Те волны, которые бьются о скалы,
твой берег считают своею тюрьмой.
Легко им дышать только там,
на просторе.
В любви ты клянешься с прибрежных
каменей,
не зная, какое оно непростое,
бездонное море. И кажется мне,
что первым бы штормом тебя
укачало,
забыла б ты сразу слова о любви
и думала только о тверди причала.
Уж лучше ты отзвуки шторма лови.

Я с ним не согласна, но все же
не спорю,
ведь с берега каждый с волною
на «ты».

Пусть так. Все равно я люблю тебя,
море,
хоть видела каплю твоей красоты.
Всех любящих капли такие подводят,
от глаз укрывая приметы беды.
Но люди гадать не хотят на восходе,
какне закят нарисует следы.

Гнутся ветви под тяжестью снега,
все стволы — по колено в зиме,
ветер тычется в окна с разбега
и тревогу рождает в уме.
И вчера он в объимку со снегом
так кружился над белой землей,
что забыло усталое небо
встретить утро веселой зарей.
Что-то в пропасть знымы провалилось,
мысли мчатся, за вьюгой спеша.
Но в метельном чаду не покрылась
ледяною коростой душа.

Бледнеют октябрьские выси,
тепло на ветру хороня.
Спокойствию сердца и мысли
учить будут снова меня
полей отдыхающих праздность,
туманный дымок без огня
и эта холодная ясность
осеннего тихого дня.

Дождь из капель строит фразу
и стучится к нам в окно.
Может, все сказал бы сразу,
да уменя не дано.
Надоедливым соседом
он заходит каждый час
и опять ведет беседу
для себя, а не для нас.
Он страницы дней листает —
не поймешь, где явь, где сны —
и открытиями считает
капли истин прописных.
Замолчал бы! Но куда там...
Пухнут лужи на траве,
ветер серые заплаты
пришивает к синеве.
Но, быть может, капель точность
учит нас уметь в пути
в нужный миг поставить точку
или вовремя уйти!

Кари УНКОВА

АРАНЬЯКА

Не состоялся — скажут,
Не состоялся — встретят.
Ах, как он был прекрасен!..
А он живет еще,
А он еще прекрасен,
Но он уже не властен,
Но он еще не вечер, —
Он подождет еще.
Вот облака над лесом,
Проходит бык над пашней,
Потом идет все стадо
Вечерних облаков, —
А он еще не вечер,
Но он уже не вечен,
Тяжелым летом ворон
Ему задел лицо.
Оно светилось будто...
Он перешел пороги,
Он повернул все стадо
Или пошел за ним.
Пустая флейта свистнет,
Откроет лес чертоги,
И нам теперь не надо
Уже идти за ним.

Вот май напористый,
И перистость снегов,
И плотный сбивень туч
замысловатых...

Под ветром крыши хлопают крылаты.
Дни без ночей,
Ручьи без берегов.
Клокочет небо, пенится туман,
За вспухшие деревья задевая,
На гулкой мост опасливо трамвай
Спускаются, предчувствуя обман...
Вот шальные умножились стада,
Пополнившись ягнятами «фнатов»,
Ревут, смирясь под железом
полосатым, —

Навстречу им проносится вода...
Так плотный день на ощупь оцутим,
Что меркнут драгоценные страницы
И корешок заслуженно гордится
Телесным преимуществом своим.
Не вырубая буквы топором,
Весна их делает и тише и прозрачней,
И каждой хочется сказать себе иначе:
То ль прорасти, то ль обрасти пером.

Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

ЖЕНЩИНЫ НА ВОЙНЕ

...В этой необыкновенной войне женщины не только поддерживали армию своим трудом в тылу, но и непосредственно участвовали в борьбе с оружием в руках.

Женская молодежь, непосредственно участвовавшая в войне, отбиралась в армию из многих миллионов — отбиралась по образованию, по культурности, по состоянию здоровья, по физической закалке, по склонности к той или иной воинской специальности. Одним словом, я думаю, что на фронт пошла лучшая часть нашей женской молодежи, и вполне естественно, что на фронте она показала себя выше чем удовлетворительно.

М. И. КАЛИНИН

Из выступления в ЦК ВЛКСМ на встрече с девушками-воинями, демобилизуемыми из Красной Армии и Военно-Морского Флота.

«ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!»

ЕКАТЕРИНА КРАСНОКУТСКАЯ.

Более 30 лет прошло с тех пор, как сделаны эти снимки. Листаю пожелтевшие страницы фронтовых блокнотов. Записи короткие: фамилия, имя, отчество, военное звание, место встречи... Вот, пожалуй, и все. Остальное подсказывает память. Гляжу на фото, и девушки эти вновь встают передо мной — удивительные своей красотой, скромностью, героизмом.

ЛИЗА МИРОНОВА. Впервые я ее встретил в 1942-м в дни обороны Севастополя. Она только начинала воевать, была ученицей знаменитой Людмилы Павлюченко. В 1943-м я вновь сфотографировал ее — на Малой земле под Новороссийском. Лиза уже была известным снайпером 255-й бригады морской пехоты, а по вечерам в землянке показывала солдатам кинофильмы. Оказывается, она на фронте... освоила специальность киномеханика. Была она красивая, скромная, добрая — такая, как на этом снимке. После штурма Новороссийска я узнал, что она тяжело ранена. Прошло много лет, и однажды в Геленджике на обелиске над братской могилкой я прочитал затуманенными от слез глазами

ми знакомое имя: снайпер Лиза Миронова.

КАТЮША МИХАЙЛОВА. Медсестра, главстаршина. Мы встретились в ноябре 1943 года в дни боев за Керчь. Здесь начался ее боевой путь, который она завершила в столице Австрии — Вене. Несколько лет назад о судьбе Катюши рассказал в телевизионной передаче писатель Сергей Сергеевич Смирнов, разыскавший ее по просьбе моряков-однополчан. Сделан великолепный фильм о Катюше Михайловой (теперь она Демина), о ее семье, фронтовых друзьях. Она живет в городе Электростали, работает врачом в городской поликлинике.

КАТЯ КРАСНОКУТСКАЯ. Летчик самолета ПО-2, под крыльями которого было два контейнера, в которых она вывозила раненых непосредственно с поля боя. Начала войну на Северо-Кавказском фронте, а потом я ее встретил в Болгарии, Югославии, Венгрии. Говорят, живет она сейчас в Киеве. Может быть, увидит эту фотографию и откликнется?

ТАТЬЯНА ШМОРГУНОВА. Рано утром у переправы через Одер колонна

машин, среди которых была и наша, подверглась налету фашистских бомбардировщиков. Тут же заработала зенитная батарея, стоявшая неподалеку от переправы. Свист грохот орудий я услышал звонкий женский голос: «Дальность — 3 000, высота — 320!» Я поспешил к зенитчикам. Самой старшей из них — командиру дальномерного отделения Татьяна Шморгуновой — было почти девятнадцать. Я сделал несколько снимков и успел лишь записать, что родом она из Марьяновки на Житомирщине.

...Сто километров от Житомира до Марьяновки еду по заснеженной дороге, но в воздухе уже чувствуется весна. Нахожу ее — бывшую зенитчицу Татьяну Шморгунову. Совсем девочкой была она угнана в Германию, но по дороге откупилась единственным золотым колечком, которое у нее хранилось в память о матери, и вернулась обратно в деревню. Когда Марьяновка была освобождена советскими войсками, попросилась на фронт, и вот от Брянска через Минск, Барановичи, Брест и Варшаву шла она до Берлина вместе со своей зенитной батареей. В августе 1945-го вернулась в родное село, работала, растила детей,

которые теперь уже сами стали самостоятельными людьми.

МАРИЯ ЛИМАНСКАЯ. Ее пост был у Бранденбургских ворот, в самом центре Берлина. Толпы людей собирались в этом месте только для того, чтобы посмотреть на девушку, регулировавшую движением сотен машин, прибывавших на экскурсию к рейхстагу.

В июле 1945-го ехал я в кавалькаде машин в Потсдам, где проходила конференция руководителей трех держав. Неожиданно все машины остановились. Чтобы узнать, в чем дело, прошел немного вперед и увидел главу английского правительства Уинстона Черчилля, беседующего с регулировщицей Марией Лиманской, которая начала войну с фашизмом в 1942 году в своем родном селе Старая Полтава, Сталинградской области, а закончила ее в Берлине.

Евгений ХАЛДЕЙ,
бывший фронтовой
фотокорреспондент
Фото автора и ТАСС

ТАТЬЯНА ШМОРГУНОВА.

ЕЛИЗАВЕТА МИРОНОВА.

ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВА.

ПЯТОЕ ОКНО ОТ УША

Вера МОРОЗОВА

РАССКАЗ

Рисунок Владислава ПРОВОТОРОВА

8 СМЕНА

В постановлении ЦК КПСС «О 70-летию революции 1905—1907 годов в России» говорится: «Это была первая народная революция эпохи империализма. Она показала, что начался новый период всемирной истории, период политических погресений и революционных битв... «Без «генеральной репетиции» 1905 года, — подчеркивал В. И. Ленин, — победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна».

Я стала профессиональной революционеркой, когда мне было 17 лет. С тех пор всю свою долгую жизнь я стремилась быть вместе с народом, жить его думами и чаяниями.

В рассказе Веры Морозовой вы найдете правдивое описание одного из моментов моей жизни, революционной деятельности моих товарищей состоящей не только из боевых эпизодов, но также из упорного, подчас незаметного повседневного труда...

*Т. Ф. ЛЮДВИНСКАЯ,
член КПСС с 1903 года*

Татьяна держала в руках книгу. Фолиант открывался описанием герба города Одессы. «Щит разделен на две равные части: в золотой верхней части щита с тремя коронами; в нижней червленой части щита серебряная о четырех концах с таковым же кольцом ковш (якорь)». А далее — «один из самых благоустроенных русских городов, вымощен гранитом и известняком», «отличается большим количеством роскошных зданий». Лучшие улицы — Дерibasовская, Екатерининская, Старопортофранковская и Ришельевская... Площади — Соборная с Кафедральным собором, памятником князю Воронцову... Сквер... Фонтан... Площадь Биржевая со зданием Думы, Городской Публичной библиотекой и Английским клубом. Перед зданием Думы памятник — фонтан А. С. Пушкина. Площадь Театральная с великолепным зданием театра и цветочным сквером. Пазль-рояль — род крытого двора с тенистыми аллеями и фонтанами... Лучший из бульваров — Николаевский с прекрасным видом на море. Гигантская лестница в двести ступеней...

Бой часов прервал чтение. Девушка подняла глаза. Ба, скоро три! Она си-

дела в здании Публичной библиотеки, куда частенько забегала, и с увлечением листала историю этого поистине прекрасного города, с которым она связала свою судьбу. Приехала наивной девушкой из Тального, местечка близ Умани, а теперь уже член Одесского комитета...

Время тревожное. Революционный шквал 1905 года подобен девятому валу Черного моря. Как-то ей довелось видеть штормовое море. Зачарованно смотрела она на море с Николаевской лестницы. Волны подобны грозному обвалу. Пеннистыми гигантскими языками поднимались до самого неба и, круша все, падали, грозясь разрушить город. А потом зло бились о надолбы вдоль пристани.

И опять рвались волны, опять поднимались на безумную высоту, чтобы вызвать на единоборство притихший город. Налетали миллиарды брызг. Ветер рвал крыши домов, пригибал к земле кроны деревьев, выворачивал скамьи в приморской части и отступал пристыженный и рассерженный людским бездействием. И, словно на поле брани, набегали новые всеокрушающие волны. Девятый вал!.. Она не могла сдержать своего восхищения перед его безудержной силой и ясностью.

И вот наступил девятый вал в революционном движении. Татьяна хотела с отрядом боевиков выехать на помощь рабочим в Москву, с жадностью просматривала газеты; сообщения поступали скупо, но она научилась читать между строк. Нужно добыть оружие — и с отрядом в Москву. На Пресне кровавые бои. Полковник Мин возглавил карателей, громил баррикады, ввел «чрезвычайное положение».

В комитете Татьяна получила задание — доставить оружие в Матросскую слободку. Район рабочий, и охранка побивается там бесцеремонно хозяйничать. К тому же рабочие научились после «Потемкина» хранить оружие. Привезли оружие из-за границы (товарищ был глубоко законспирирован), и выбор пал на Татьяну. Парик и мужской костюм сослужили немалую службу.

В комитете дали адрес. Полицейская. Пятое окно от угла. Дом с гербом Одессы. Гербы украшали богатые дома. Обычно она не обращала на них внимания, но номера дома в комитете не знали. Вот и забиралась в Публичную библиотеку, чтобы и герб посмотреть и время скоротать.

Она шла по Дерибасовской, параллельной Полицейской. Снег сыпал с дождем. Ноги разбегались, и она ежесекундно страшилась упасть. Мороз — обычный редкий гость в декабре, но в этом году все изменилось. Уже не впервой заковывали морозы улицы и площади Одессы, серебрили деревья и разлапистые каштаны. Заковывали, но ненадолго, начиналась оттепель, и прохожие с проклятием месили грязь. На заснеженных газонах проступала зеленая трава, а серое небо все сыпало и сыпало снег.

На явку идти равноту, да Татьяна и не посмела бы прямым ходом окатиться на Полицейской. Она выбралась на Старопортофранковскую, подковой охватывающую город, и начала бродить. Прохожих немного, и хотя она старалась провериться, оснований для тревоги не было.

И все же она волновалась: очень серьезно ее предупредили об осторожности в комитете. Девушка подняла воротник мужского пальто, пожалев, что отказалась от помощника. Обычно ее помощником был Ванюша. Широкоскулый. Усыпанный веснушками. Они вместе работали в мастерской. Сегодня она отказалась от помощи. Он будет поджидать на извозчике у проходного двора. Почему?! Сама толком не могла бы ответить — скорее всего боялась впутывать парня в такое серьезное дело. Тяжелые предметы она переносила легко, да и речь-то шла об одном чемодане... Чемодан браунингов! Ванюша обиделся, хотя согласился, что в таких делах лишний человек — помеха.

Татьяна поставила ногу на скамью и старательно принялась затягивать шнурок. Прием старый, если нужно провериться. Улица пустынная. Только каштаны, затканые льдом, охраняли ее.

Она шла по Пушкинской. Торопливо. Теперь она умела рассчитывать время. На явке должна быть минута в минуту. Неточности она, подпольщица, не могла себе позволить. А нужно пройти восемь перекрестков, на девятом Пушкинская перекрещивается с Полицейской.

Поглазела на витрины магазинов. Модная одежда на манекенах. Распоясанные и нагло улыбающиеся. Магазины принадлежали французам. Толстенькому. На коротеньких ножках. Вот и сейчас он стоял у витрины и натягивал мужское пальто на манекен. Витрина магазина зеркальная. Слава богу, никого.

Девушка свернула направо и пошла вдоль Полицейской улицы, цепко глядя в дом с гербом города Одессы. Прошла около трехэтажного особняка и, вернувшись, уверенно толкнула калитку. Особняк, длинный, с большим количеством окон, скрывался за ажурной оградой.

Над входом герб. Яркий. Омытый мокрым снегом. Квартира на первом этаже. Она отсчитала пятое окно от ворот. Вот красная герань. Значит, все в порядке. Старательно вытерла ноги. Дернула ручку звонка. Послышались приглушенные шаги. Дверь приоткрылась, и она быстро прошла в переднюю.

Мужчина внимательно осматривал девушку. Барин. Холодное лицо. Усы закручены в колечко. Черный костюм. На руке перстень. Запонки золотые. Строгий галстук бабочкой и накрахмаленные манжеты. Девушка оробела. Хитрые смешинки прыгали в умных глазах. Конечно, поняла ее состояние.

— Могу я повидать доктора Чувилова? — простуженным голосом спросила Татьяна, боясь наследить мокрыми ногами. — Чувилова Алексея Петровича?

— Доктор Чувилов еще не возвращался с вызова, — условленной фразой ответил мужчина. Смешинки в его глазах прыгали все озорнее и озорнее.

— Не оставил ли он для слесаря кое-какие инструменты? — закончила Людвинская, невольно улыбаясь.

— Пожалуйста, здесь сумка для вас. — Мужчина крепко пожал руку и решительно потребовал: — Скорее на кухню... Там горячее молоко... Не день, а тюрьма...

— Да-с, погодка... семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, рвет, сверху льет, снизу метет, — сказала Татьяна, — так у нас говаривали дома...

— А вы откуда, товарищ?!

— Из Тального... Такое местечко... — Девушка вытерла лицо и спросила: — А где же чемодан?!

— Сразу и чемодан?! — с иронией ответил мужчина. — Конспираторы! Зачем слесарю чемодан?! Ему сумка с инструментами нужна — так проще и надежнее. Да, кстати, мне сказала, чтобы я поджидал женщину... Что-нибудь случилось?!

— Нет, я в мужском костюме. Так лучше. Шпики заприметили из-за

кос меня, вот и приходится выкручиваться. — Татьяна почувствовала, что краснеет.

— А как же косы?!

— Небольшая женская хитрость...

— А...

— Где сумка?!

— Вы думали, что сумка вас при входе будет поджидать?! — Мужчина улыбнулся и дружелюбно положил руку ей на плечо: — А вы молодца. Вот уж не думал, что в такую погоду придете, да еще с такой пунктуальностью... Молодчага...

Незнакомец с явным удовольствием рассматривал девушку. Потом потащил на кухню, испугавшую блестящими кастрюлями и цветными изразцами. Предложил снять пальто, Татьяна отказалась — время было рассчитано до минуты. Обжигаясь, проглотила молоко. Почувствовала, как голодна. Мужчина нарезал ломтиками хлеб. Заставил выпить еще стакан. Молоко с черным хлебом было очень вкусным. И девушка вновь оглядела незнакомца. Барин, а молоко горячее приготвил... Человек! Ничего не скажешь...

— Как у вас дела? — Мужчина достал портсигар. — Вы не курите?! — засмеялся, увидев испуг на ее лице, закурил.

— Дела идут, товарищ, — сказала девушка и, не скрывая нетерпения, потребовала: — Давайте сумку... По такой погоде-то проскочу...

— На море погода поднялась. Видючи погоду, за реки не ездят. Разыгралась погодка верховая, молновая! — речитативом пропел незнакомец, и в глазах грусть.

«Да, видно, немало досталось ему в жизни, — подумала Татьяна. — Песня-то каторжная... А человек он прекрасный! В такое время оружие доставил...»

Сумка ничем не отличалась от обычных, с которыми ходят мастера по Молдаванке. Потертая. С оборванной ручкой, закутанной для прочности проволокой. Но тяжесть-то какая... Нести нужно легко, не показывая виду, — никому и в голову не должно прийти, что, кроме инструментов да завтрака в старой газете, в сумке еще что-то есть.

Девушка петляла проходными дворами да проулочками, не зря все свободное время над картой Одессы проводила. И, так сказать, зачем мастерскому человеку шагать по барским улицам, да в плохую погоду! Рука затекла. Если бы не счастливое сознание, что в сумке оружие, то вряд ли бы она сумела ее дотащить. Потом долго дивилась: через Пушкинскую пуд пронесла без малого!

На углу Преображенской и Почтовой — она возвращалась другим путем — должен поджидать Ванюша на извозчике. Оставался один проходной двор. Ворота наглухо закрыты, лишь калитка приоткрыта. «Устала, конечно, устала, вот и дворовые колодцы кажутся тюрьмой, — подумала Татьяна. — Прыгнешь в такую калиточку и останешься года на три... А были ли закрыты ворота утром?» Нет, вспомнить не могла.

«Учили тебя, учили, — сетовала она, — а научить толком не могли. Утром и нужно было бы пройти мимо этих ворот. Глухость! Так можно научиться бояться собственной тени, да и попробуй-ка обойди все подворотни и подъезды!»

Вдохнув, девушка толкнула калитку. Прошла по длинному каменному коридору и оказалась на внутреннем дворе. Дома затанцали, как часовые. Дворик казался глубоким колодецем, куда и солнце не попадает. И в этом дворике солдаты... Солдаты! Да, солдаты плотно набились в этом мешке. Продрогшие. Заме.

У противоположных ворот, тех, которые выходили на Почтовую, для порядка парочка городовых. Это, конечно, для объяснений с «чистой публикой». И действительно, толстак-городовой что-то старательно объяснял дамочке с крохотной собачонкой на руках. Дамочку пропустили, городовой взял под козырек.

С каждой минутой Людвинская постигала всю глубину опасности. Из мышеловки, в которую она попала, не было выхода. Западня в проходном дворе?! А у нее оружие! Браунинги! Браунинги, которые с таким трудом доставили из-за границы... Стрелять?! Пистолет у нее в боковом кармане. Так, сразу? Нет, нужно выждать. Бежать на Преображенскую улицу, дескать, ошиблась домом. Ворота заняли городовые. Стоят, нахохлились, словно снегири. Мышеловка... Нырнуть в подъезд? Но там двери наверняка заперты и в каждом филеры да дворники.

Она замедлила шаг, борясь с волнением. Слушала, как гулко бьется сердце. Идти стало трудно, но тяжесть сумки исчезла, вернее, она просто уже не ощущала ее. От волнения не различала лиц солдат. Серые пятна. Она остановилась, стараясь выиграть время, поставила сумку на талый снег. Вдохнула. Стрелять или нет?!

Она убьет одного — вот этого надувшегося индюка-городового... Но до ворот далеко. Пробежит несколько шагов, и ее схватят. Больше одного выстрела сделать не дадут... А оружие, все это богатство, окажется в полиции. В полиции, а не у рабочих. О смерти не думала. Нет, надо держаться. Мало ли что может преподнести господин случай? Она всегда надеялась до последнего. Надеялась и на этот раз, казалось, вопреки здравому смыслу.

Татьяна подняла сумку и пошла вперед. Длительная задержка казалась бы подозрительной. Теперь она отчетливо видела городовой. Лицо помятое. Припухшее. С красными веками и склеротическими прожилками на носу. Она больше не замедляла шага. Расстояние между ней и солдатами, охранявшими ворота на Преображенскую, сокращалось с невообразимой быстротой...

Вот и солдаты. Погоны с капельками мокрого снега. Унтер прохаживается вдоль оцепления, три шага направо и три шага налево. Равномерно, словно маятник. Служака бравый. Щеки надуты, грудь колесом. У пояса пистолет. Такой раздавит и не заметит... Сердце мучительно ноет. Еще несколько шагов — и конец. Ба, на что надеяться: они же обыскивают каждого! Вот студент, выскочивший из парадного, со злостью выворачивает карманы. Но ее, женщину, тоже будут обыскивать? Женщину?! На беду, она в мужском платье, а так можно было бы еще повоювать. Хотелось кричать, повернуться и спрятаться в любом подъезде: бывают же в жизни чудеса!

И все же она шла вперед. Внешне спокойная. Потом, через годы, она сама удивлялась собственной выдержке. Если есть на спасение один шанс из ста, то она обязана им воспользоваться. Оружие — главное. Все остальное казалось неважным, все отступило на второй план.

Дальше идти некуда. Девушка остановилась. Городовой зло выговаривал студенту, не желавшему отвечать на вопросы. Студент язвил, хохотал, как при щекотке, и чем-то умудрялся дразнить городского. Потом сел на снег и принялся расшнуровывать ботинки:

— Господи городского, вот сниму ботинки, и увидите, что и там нет оружия...— Студент шутовски бил себя в грудь и, закатив глаза, крестился.— Господи, преврати меня в соляной столб, коли совру...

Унтер, подкрутив ус, бросил солдату:

— Обysкать!— Он равно не одобрял поведения студента, как и медлительности городского.— Да, да, обysкать...

Татьяна опустила сумку на землю. Поставила на сухое местечко и приготовилась ждать развязки.

Солдат козырнул и сделал шаг вперед. Говорил деревянным голосом, подражая унтеру:

— Оружие есть? Литература?

— Мы мастеровые с Молдаванки... Зачем нам оружие?! Здесь у господ водопровод чинили, потолок протек...— Татьяна отвечала не спеша.

— Подними руки!— приказал солдат, не выпуская из поля зрения рассеянного унтера.

Студент сбросил шинель на мокрый снег и грозился снять не только мундирчик, но и рубаху. Злонамеренность была явная, хотя студент выказывал великое старание.

— Подними руки!— повторил солдат, невольно прислушиваясь к крикам студента.

— Смотри, ваше благородие!— с вызовом бросила Людвинская, устав от долгого ожидания несчастья.— Смотри... Один черт...

Она подняла руки. Вот и все. Как это быстро и просто! Сейчас солдат обнаружит пистолет и еще в сумку заглянет. Унтер, поди, как обрадуется: пожива! Да еще баба в мужском наряде. Сказки будут в участке рассказывать. Конеч! Сердце билось яростно. Да, конеч!

По чрезвычайным законам, введенным в декабрьские дни, «при обнаружении оружия — расстрел на месте без суда и следствия». Расстрел... Почему бы для нее не сделать исключения?! Лицо исказила болезненная гримаса. Да, действительно, почему?! Оружие есть и в кармане и в сумке. Впрочем, она пощады и не думает просить: как все, так и она.

Солдат невысокого роста. С чернявым лицом. Быстрыми глазами в густых ресницах. Рот крупный. В уголках губ сердитые складки. «Небось ему и расстрелять поручат,— промелькнуло у девушки.— Что ж? Такой расстреляет. Вот и винтовку перекинул через плечо. На шинели осталась полоса от ремня. Неужто такой снег? Солдат-то, как дед-мороз в пушистой вате».

Татьяна с какой-то болезненностью всматривалась в солдата, стараясь его запомнить. Впрочем, зачем? Если так скоро наступит небытие... И все же она не отводила глаз от солдата.

— Рррас-тег-ни пальтишко, парень!— Солдат повторял несколько раз. Шея покраснела, и голос звенел:— Рррастегни... Одурел от страха, вишь, ничего не слышит...

Татьяна с безразличием расстегнула пальто. Очевидно, от волнения она плохо понимала, что требовал солдат. Унтер довольно кивнул солдату и направился к неугомонному студенту, который, словно на торгах, в расстегнутой рубахе бросил о сырую землю скомканную шапку.

Руки солдата начали прощупывать карманы пальто. Пистолет лежал в правом кармане. Под тяжестью его карман провисал. И сразу же руки солдата налетели на оружие. Глаза его расширились от волнения. Испуганно забегали зрачки. Для верности или от неожиданности он заглянул в карман. Да, заглянул — в этом она была свято уверена. И отпрянул. Рука, вздрогнув, отлетела.

Глаза их встретились. Ее, усталые и спокойные, и его, встревоженные и безумные. Она не могла больше страдать. Казалось, он кричал: «Нет... Нет... Нет...» А она, посмеиваясь, твердила: «Да... да... да...» Вот глаза солдата сузились, беспокойно метнулись и оцепенели.

— Ты что, бабу щупаешь?!— загоготал унтер, пресытившись разговором со студентом.

Студент лез обниматься с городовым. Он выражал радость, что все смутьяны Российской империи будут выловлены таким хитрым манером. Он и унтера призывал верой и правдой служить царю и отечеству...

Солдат опустил руки. Крутом захохотали. Конечно, чему не засмеешься, проторчав день-деньской под мокрым снегом да вылавливая смутьянов по приказу начальства.

Солдат подобрался. Грубо выругался.

— Про-ходи, бро-дяга!— гаркнул он.— Кому велено... Носит тут всяких...

Татьяна боялась ослышаться. Вытерла ладонью пот со лба. Она с трудом воспринимала происходившее. Солдат... Оружие... Студент... Унтер... Но сумку подхватила, как перышко, не давая возможности заглянуть в нее солдату. В глазах улыбка. Женская. Беспомощная.

— То-пай... То-пай, браток!— торопил ее солдат, опасаясь приближающегося унтера.— Делов полон рот... Какого черта мешкаешь...

Солдаты, занявшие проход, расступились. Людвинская еще раз оглянулась на своего спасителя и оказалась на Почтовой. Шла торопливо, ожидая погони. Шла, боясь поверить в удачу, поверить в жизнь.

Солнце выкатилось из толщи облаков и, раскидывая широкие лучи, заливало город. И новое, неизведанное чувство радости бытия охватило девушку.

На перекрестке у мясного магазина извозчик. Верх пролетки раскрыт, как гармошка, и залеплен мокрым снегом. В глубине знакомое лицо. Ванюша. С крупными рыжими веснушками. Он с тревогой поглядывал на приближающуюся девушку. Вот соскочил и, нарушая конспирацию, кинулся навстречу. Выхватил сумку и что-то невнятное пробормотал.

Людвинская не сделала ему замечания. Безвольно передала сумку, за которую едва не заплатила жизнью, и свалилась на сиденье. Извозчик хлестнул лошадь. Девушка не удержалась и ударила головой, провела рукой по лицу — слезы...

Она закрыла глаза и старалась забыть, как после кошмарного сна. А город бежал знакомыми улицами и домами, площадями и фонтанами.

— Итак, Танюша, придется уезжать в светлейший град Питер. Там прошлы аресты. Люди нужны.— Степан Михайлович внимательно посмотрел на девушку, потрогал коротенькие усы и закончил:— Жалко расставаться, а приходится. Солдату три деньги в день, куда хочешь, туда их и день... Арестов и в Одессе хватает, но, видно, плохо в Питере — подмоги просят.

— Жалко расставаться.— вцепилась Татьяна, повторяя интонацию Степана Михайловича.— Это не довод... Мне нужны резоны: почему я должна покинуть Одессу, товарищей? Я здесь без малого три года, с фабричными хорошие связи. Новому человеку трудно придется, а меня каждая собака знает.

— Вот в том и дело, что каждая! Гм... Нашла, чем гордиться. С полицией стала часто встречаться. За это время четыре ареста, ссылка в Бендеры, побег...— Степан Михайлович загибал пальцы и, казалось, сам взвешивал правоту своих слов.— При твоём характере скоро опять угодишь, а для Питера ты человек новый. Пока разберутся, сколько дел натворишь... При твоей энергии и молодости...

— Положите две денежки в шапочку, да дядюшке челом, а дядя сам знает о чем.— Людвинская хитровато подмигнула Степану Михайловичу и поклонилась, протягивая записку.— Не высылайте меня... Очень прошу...

Степан Михайлович развернул записку. Отрицательно покачал головой. Они сидели в низенькой комнатке, заставленной самодельной мебелью. С большим столом, накрытым клеенкой. На столе тоненькие пачки прокламаций, приготовленные для районщиков. Был счастливый день получения литературы.

Степан Михайлович, крепкий мужчина, заменял секретаря. Он давненько поджидал откровения разговоры с Татьяной, которая ему искренне нравилась, но ее безрассудство, о котором поговаривали, настораживало. К случаю, взяла фасоль в мешочке и стала громыхать, как дробью, а в доме обыск! И эти хождения по Одессе в мужском костюме! Куда только не забредала с листовками: и в полицейский участок и в воинские казармы...

А этот чайник, и молитвенник, и рыжий парик, и чистое белье для бани... Сама изобретала конспирацию и бралась за любые поручения, от которых и мужчины отказываются.

Татьяна сердито сверкнула черными глазами. Молчание Степана Михайловича поняла правильно: быть грозе. Торопливо рассовывала прокламации по потайным карманам жакета. В душе понимала, что в комитете правы; новый арест на носу. Шпики загоняют ее то в баню, то в церковь, то в чайную... Приходится носить при себе целое хозяйство: молитвенник на случай, если отсиживаешься от слежки в церкви. Узелок с чистым бельем — это если спашешься в бане.

Сколько часов в бане провела! Даже банщица признала и пятака не требует. А эти треклятые чайные! Как грибы на окраинах Одессы! Пьяные грузчики. Матросы, крики, драки. И все же как начинается с полицией игра — кошки и мышки, так укрываешься в чайной. Чайник купила с каемочкой, чтобы деньги на заварку не тратить, кипиток-то бесплатный, да сайки два гроша, и гоняешь чай, как купчиха. А потом черным ходом да в проходной двор...

И все же Одессу покидать больно. Конечно, легко расстаться с теми, кому сердца не отдала.

— Танюша, паспортом снабдим железным. Кое-что наскребем на дорогу. Нужно обезопасить тебя в Петербурге. Больно ты рискованная, так на рожон и на рожон.— Степан Михайлович говорил с расстановкой, и трудно понять, одобрение или осуждение слышалось в его голосе.— Нужно же придумать: фасоль выдавать полиции за патроны?! Шуточки решила шутить! Тебя же арестовывали, тут лишь бы пообчиститься, а ты задумала пугать полицию... Эх, дуреха... А еще просишь: положи две денежки в шапочку, да дядюшке челом...

Степан Михайлович нахмурился. По лицу прошла сердитая ухмылка. Нет, конечно, разговор не из приятных.

Татьяна молчала. Тонкие губы дрогнули в смущении. Но виноватой себя не считала. Слов нет, полиции нужно указывать свое место почаще. Ее привезли на квартиру для опознания. Обыск результатов не дал. Она жила у сапожника, снимала угол с подружкой.

Сапожник был безбожный пьяница и к обыску отнесся с достойным равнодушием. Мычал и блаженно улыбался. Полицейский чин брезгливо перетряхивал ее сундучок. Дворник откровенно зевал. Нашли, мол, в девчонке злоумышленницу. И тут черт попутал: подскочила к шкапчику, где запрятала мешок с фасолью. Мать прислала отборную. Схватила мешочек и преспокойнейшим образом принялась ее встряхивать. Фасоль перекатывалась тяжело. Вдрагивала упруго, как дробь. Полицейский чин рванулся к шкапчику, но сразу присмирел. Выпятив нижнюю губу и схватился за револьвер. Дворник перекрестился — и в дверь. Ветром сдуло. Боятся, мерзавцы, оружие! Все дело испортила напарница, взяла да брякнула: «Фасоль здесь, господин пристав! Фа-соль!» Конечно, испугалась. В камере — их привели в участок — Танюша негодовала и упрекала подружку. Она бы эту фасоль обыграла, полиция наверняка подкрепления попросила бы.

— Молчишь?! В рот воды набрала?! Эдакая тихоня! Девушка-красавица...— подтрунивал Степан Михайлович.

Людвинская распахивала прокламации по карманам юбки, специально сшила поповский карман. Степан Михайлович не выдержал:

— Ненасытная какая... Вас, районщиков, до литературы нельзя допускать: как дорветесь, так о других забываете...

— Чем ворчать, лучше бы типографию поставили. На фабрики стыдно приходиться с пустыми руками. Работницы ждут с такой радостью, а ты... А о других — пускай другие и думают.— Людвинская покосилась на новую пачку прокламаций.

Степан Михайлович перехватил ее взгляд и, рассмеявшись, накрыл пачку фуражкой:

— Голубушка, пора и честь знать. Типография — дело нужное, но тебя туда направить нельзя. Зацапают... Дело погубишь. Кстати, после возвращения твоего из ссылки покой лишился. Боюсь за тебя. Под замком буду держать, пока все толком не уладим... Я делом займусь, а ты посиди да подумай о своем житье-бытье.

Степан Михайлович наклонился над листовкой, той, что она написала о табачной фабрике, правил.

Татьяна с надеждой смотрела на него. Нужно как-то противостоять отъезду. Уехать из Одессы? Легко сказать! Конечно, она и в мужском костюме может работать.

И припомнился ей день ареста. Январский день 1907 года. Ненастный, холодный. В лицо била колючий снег, а их, членов городского комитета, рассовывали по пролеткам. Торопливо. Запрудили все соседние улицы и выводили по одному. Очевидно, заранее решили, кого куда. Как полиция узнала о дне заседания — загадка! Но дом обложили, и ударить — ни малейшей возможности. Благо протокол вела на папиросной бумаге. Решила просто — взяла, скомкала и проглотила. У пристава лицо вытянулось, а важнейшая вещественная улика исчезла на глазах. Товарищи посмеивались.

Она чувствовала себя сильной, способной на безрассудство. Ее частенько корили, призывали к осторожности, но, по правде говоря, значения слова «осторожность» не понимала. Главное — не подвести друзей, а остальное — не для нее.

На поселение в Тирасполь ее привез жандарм. Усатый. Дородный. В дороге он не следил за подопечной. Таких жандармов она еще не встречала. Ходил за книжком, предлагал ситный. «Дитю, совсем дитю», — рассуждал он с проводником, — а, поди, в революцию лезет. Кожа да кости. И родителям крест от земли до самого неба». Она не взяла ситный, хотя голова кружилась от голода, да и в разговоры не вступала. Зато в участке ее сдали под расписку, присвищнули, распечатав пакет из Одессы. Жандарм и пакет доставил. Приказали ежедневно отмечаться, запретили выезжать под страхом сурового наказания.

Работу найти в Тирасполе не удалось. Кто при безработице возьмет поднадзорную? Деньги таяли, и она голодала. Хозяйка оказалась славной женщиной: кормила, как могла, и за каморку денег не спрашивала. Доброта простых людей ее всегда удивляла. А тут из Одессы из партийной кассы прислали пятнадцать рублей. О ней помнили, заботились. Пять рублей она оставила хозяйке. На оставшиеся решила бежать. Купила мужской костюм. Примерила. При ее худобе в самый раз. Вот только косы? Ее вечное зло. Старательно заплела их и спрятала под картуз. Теперь и в путь...

— Почему молчишь? Дуешься как мышь... — вывел ее из задумчивости Степан Михайлович, оттачивая карандаш. — Опять маскарадом занимаешься?

— Как иначе на фабрику попадешь?! — Девушка, хитро прищурившись, стала обстоятельно объяснять: — У вязальщиц веду кружок. Но в кружке-то пять человек, а на фабрике — добрая сотня. Вот и надумала придти в цех в обеденный перерыв для душевного разговора.

— Молодец! Там хозяйин помешался на агитаторах и, говорят, в сторожа напихал бывших городских.

— Вот и беда. Мне об этом Нюра сказывала.

— Нюра?

— Да, кружковка. Девушка приметная. Лукавая. Каждому сторожу глазки строит.

— И что тебе она сказала?

— Дело сказала: «Бери мое платье и косынку в горошек. Здесь мое одеяние каждый знает. Пойдешь мимо сторожа, обязательно платок на глаза опусти». И здорово получилось! Взяла ее платье и прошла. Кстати, на фабрике воды для питья не хватает, а та, что в цехах, тухлая. Так и до холеры недалеко. — Татьяна покопалась в узелке. — Я тут кое-что набросала...

— Правильно... Нужно листовку... Необходимо предъявить требования... Живо дер! — Степан Михайлович поставил в крошечной книжке одному ему понятную закорючку. — Рассказывай, Танюша...

— Листовка необходима: такие безобразия на каждой фабрике — прибили гребут лопатой, а на копейках экономят... В цеху духотища... Пыль... жара... Станки допотопные... Еле до перерыва доработала. Проходила несколько раз мастер, но я нагну пониже голову и воюсь со станком.

— Конечно, ты же из трикотажищи, — довольно подтвердил Степан Михайлович.

— Я привыкла к машинам.

— Ничего, на привычку есть отвычка! — успокоил ее Степан Михайлович.

— И все-таки скажу по станку, — призналась Татьяна, удивляясь, как это не понимает Степан Михайлович. — В перерыв кружковцы меня завели в кладовую. Нюра стояла на часах, а я рассказывала о Государственной думе. Конечно, и о своих делах поговорили — о тех грошах, что получают... Слушай-то как!

— Конечно, не «Одесский листок» им читать... Там о фабричных беспорядках не напишут, а и напишут, так истины не узнаешь.

— Стали меня вопросами закидывать: кто такая, да что слышно о потемкинцах... Тут меня старуха узнала: я на Молдаванке одежду для матросов собирала. Моряков передевали в штатское, чтобы переправить через границу. Я тогда дневала и ночевала в рабочих семьях... Татьяна с удовольствием закончила: — Старуха меня поблагодарила и пригласила еще приходить.

— Это хорошо. А как с фабрики выбралась?

— Обыкновенно. Отстояла всю смену у станка и ушла вместе с работницами. Правда, в проходной меня работницы окружили — сторож не мог и рассмотреть-то толком. Хохотнул да прикрикнул: «Дуры-бабы, как куры шаркают». Так и ходила всю неделю...

— Отчаянная голова! А если городской или сторожа пронюхали бы? Схватили бы... Верный арест. — Степан Михайлович сердито сдвинул брови. — Ты, девка, в игрушки играешь. Нет, сегодня же поставлю на комитете вопрос, и решением, слышишь, решением объежм тебя носа не высовывать до отъезда в Петербург. Опасенье — половина спасенья...

— Степан Михайлович, еще одну листовку посмотри. — Татьяна старалась прекратить разговор, который принял нежелательное для нее направление. — Это о питьевой воде и положении работниц-трикотажищи. Будьте ласковы... — Лиса-патрикеевна...

Провнесло! Оставят в Одессе? Агитатор на фабрике Попова — дело нужное. Фабрика Попова отсталая. Хозяин известен своей жестокостью. Работниц взаперти держит. Сторожа из городских. Крепость, а не фабрика. Ни стачки, ни забастовки. Там и агитаторов не бывает. Разве плохо, если она занялась маскарадом?

Рабочий день на фабрике четырнадцать часов, а кто не согласен — пожалуйте расчет. У фабричных ворот много охотниц. Безработица... А как жить? Детишки голодные, мужья в каталажах — у кого за потемкинцев, у кого за декабрьское восстание. Кто-то должен рисковать? И удобнее всего ей, бывшей трикотажищице. Она и у станка постоит, и с женщинами по душам поговорит.

— За листовку спасибо, Танюша. Хождение с переодеванием прекрати. Глухой да малый без опасу живут. Держи опасу про запас. С опасом — что с запасом. Листовки, что сегодня получила, передашь кружковцам, а сама на фабрику ни-ни. Поняла? — Степан Михайлович для солидарности водрузил очки и развернул плечи.

— А как с отъездом? Может быть, повременим? — с деланным равнодушием спросила Татьяна.

— Нет, я схожу за паспортом к фельдшеру, как и обещал. Кстати, прекрасная мысль: ты поедешь в Петербург акушеркой. А что?! В городе ты побтесалась и вполне сойдешь за акушерку.

— Акушерка?! — Девушка комично передернула худенькими плечами. Брови удивленно взлетели. — Акушерка?!

— Да... Доктор Отт, близкий к императрице, в Петербурге открыл курсы для усовершенствования акушерок. Смертность при родах большая, и Отт надумал доброе дело. Тебе дадим паспорт, а в графе «занятие» напишем «акушерка». — Степан Михайлович, уловив вопросительный взгляд Татьяны, пояснил: — Это наша заботушка... Не такие документы добывали. Комитет вносит пять рублей за обучение, и целый год ты кум королю! Легально посещаешь курсы, слушаешь лекции и работаешь по заданию комитета. Здорово! А?

— Так какая же я акушерка? Грудных детей боюсь, а рожищи... — На лице девушки неподдельный испуг. — Меня заставят принимать роды или экзамены устроят... Провалюсь и всех подведу. Нет, лучше куда-нибудь на фабрику.

— Не торопись с выводами. У тебя будет легальное положение, прописка и прочее. К курсам полиция благоволит. Считают, что их опекает царица, а у тебя появится возможность учиться! Это Петербург, и партии нужны работницы-революционерки.

— О петербургской охранке всякие ужасы распространяют...

— Интересно? — полюбопытствовал Степан Михайлович.

— Строгости ужасные: каждого, кто причастен к революции, за ушко да на солнышко. — Девушка подперла голову рукой, как всегда при сильном волнении. — Акушерка! Для этого нужна интеллигентка, а я работница. Провалюсь...

— Интеллигентность — дело наживное. Ты за себя можешь постоять: грамотная, отзывчивая, в каких переделках побывала! — Степан Михайлович говорил ровным баском. — Комитет квартиру присмотрит и советом поддержит...

— Грамотная... Грамотная, ровно настолько, чтобы понимать, как много я не знаю. — Девушка встала и прошла по комнате. У окна остановилась и принялась выводить узоры на стекле. — Конечно, с настоящим паспортом славно ехать. Спи спокойно и ухом не веди. На вокзале пригласят в комнату жандарма: «Документики, барышники!» — Девушка сделала царственный жест рукой. — «Пожалуйте, судары!»

Степан Михайлович смотрел на девушку добрыми глазами. Конечно, ей трудно. Столица... Интеллигентка... Как-то все сложится? Да и степень риска нельзя принимать... Столичная охранка! И уже большая партийная биография Людвинской: нелегальщина, потемкинщи, многие получили спасение из ее рук; баррикады, где ей прострелили легкое; доставка оружия в дружины... Да мало ли что припомнит ей охранка!

Степан Михайлович давненько наблюдал за ней. Забастовка в мастерской... Это и было ее боевым крещением. Хозяин жульничал: переводил стрелку часов назад и удлинял рабочий день. Кто ни посмотрит на часы — все пять и пять. А солнце упало, глаза слипаются. Тогда Татьяна проследила за хозяином, и что ж?

Негодяй встал на стул и, воровато оглядываясь, переводил стрелку часов! Она накинулась коршуном, закричала. Собрались работницы. Срамили хозяина. Она предложила хозяину оплатить ворованные часы, иначе сообщит в газету «Вечерний курьер». Хозяин огласки не захотел. Деньги выплатил, а ее уволил... И все же она пошла в газету. Огласки не убоилась. Вот она, Танюша! Ей в партии работать и работать... И в Петербург уехать необходимо: дело не в личной безопасности, а в возможности получить образование. Пока все в результате самообразования, пока одни «университеты» революции — тюрьмы да ссылки.

Татьяна молчала. Понимала, решалась ее судьба. Степан Михайлович загасил папироску. Дымок поплыл под потолок. Сизый. Легкий, как облачко. Откашлялся и голосом, не допуская возражения, закончил:

— Завтра утречком забегу. Принесу паспорт и деньги на дорогу... Запаслив да опаслив два века живи! Поняла, к чему речь веду...

— В партийной кассе и денег-то, как кошачьих слез. — Тонкое лицо девушки вспыхнуло румянцем. — Лучше бы явку надежную...

— Явку! Без явки в столицу пока никого не отправляла, явку получишь... Нужно уметь ждать. О деньгах правильно сказала — кошачьи слезы. — Степан Михайлович доверительно засмеялся и махнул рукой. — Не горюй, придумаем...

Татьяна погрузилась. Значит, все. У двери оглянулась и, все еще надеясь на чудо, решила задержаться.

— Пойду в городскую библиотеку. Раздобуду книжонку по акушерству: не краснеть же по пустякам в столице!

— Значит, Танюша, договорились, — подобрел Степан Михайлович, стряхивая пепел с лацкана пиджака.

— Договорились... Лучше в обиде быть, нежели в обидчиках, — улыбнулась девушка, застегивая жакет. — Мне и на французский надобно подвдальч. Столица!

— Французский?! Неужто и самоучитель Пуссена повезешь?

Действительно, толстенный самоучитель французского языка будто прилип к молодой работнице. Каждую минутку над ним колдовала. Товарищи шутили, а девушка сердилась и упорствовала.

— Пуссен? Он барышень для гостиних готовит. Приводит для практики отрывки из Шатобрена... Все изысканно и непонятно. Мне-то с его высочествами не встречаться и на балах менюэты не отплясывать! — Татьяна вздохнула: — Впрочем, профессиональный революционер должен знать все...

— Пуссена не тащи в Петербург. Менюэты танцевать не придется. Кстати, Танюша, неужто тебе написать о событиях в Одессе в партийную газету.

— Мне?!

— Именно тебе. В Одессе ты хорошо обжилась. Повидала дай бог каждому. От событий не пряталась. От пули не бегала. — Степан Михайлович подошел к девушке и притянул ее за пуговицу: — Помнишь, ты писала Надежде Константиновне об этом? Газете нужны рабочие корреспонденты...

НА КОЛЕСАХ В ОБЛАКАХ

Алексей НИКОЛАЕВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Первым человеком, ступившим на ледник Эльбруса в тапочках, был автор этих строк. Пусть, однако, читатель простит ему юмористическую ноту, с которой он вынужден начать репортаж. Дело не в том даже, что это соответствует истине. Как ни парадоксально, это подчеркивает серьезность события. Сам факт, что человек оказался на леднике величайшей вершины Европы в столь легкомысленной обуви, говорит о том, что мы имеем дело с необычным восхождением. Однако... все по порядку.

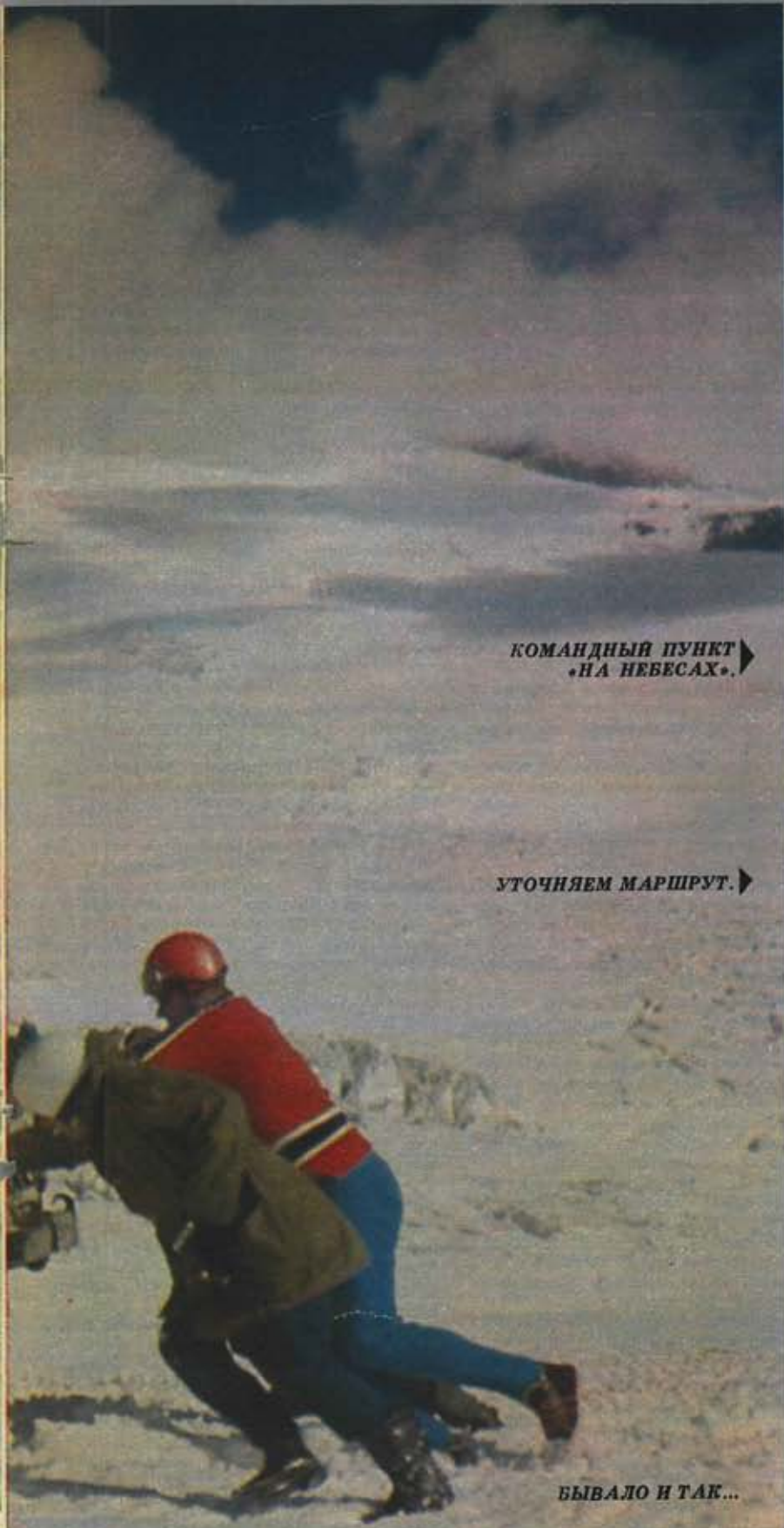
Десять лет назад в Приэльбрусье приехал первый покоритель Эвереста шерп Норгей Тенцинг, прозванный «тигром снегов». В поселке Терскол, на высоте 2 150 метров, гость вышел из машины: тут кончается автомобильная дорога. Дальнейший путь к Эльбрусу с давних времен преодолевал лишь специальный транспорт — «горные Форды», как называют здесь безотказных и выносливых ишаков. Альпинисты используют их для доставки грузов к вершине, хотя путь этот долог. И вот сейчас этот самый путь предстоит проделать... автомобилем. Трех серийным автомобилям «УАЗ-469Б», обыкновенным машинкам,

столь уже привычным на наших дорогах.

...Яркий свет фар выхватывает из темноты ночи наш временный лагерь в поселке Терскол. Непривычно длинные тени человеческих фигур, изламываясь и пересекаясь, скользят по освещенной траве. Три «уазика» равно урчат отлаженными моторами. Идут последние приготовления.

Сквозь густую темноту Баксанского ущелья видно, как где-то высоко вверху горная ночь едва наливаются чуть заметным розовым светом. Там, куда нам сейчас предстоит подняться, занимается утро. Мы должны проделать этот путь, пока скованные ночным заморозком осыпи «держат» дорогу, а снег, граница которого

встретит нас на высоте 3 200 метров, не раскиснет под солнцем. Впрочем, для всех участников восхождения путь к вершине пока загадка. Для всех, кроме одного — консультанта этой несбыточной экспедиции Алексея Павловича Берберашвили. Надо сказать, что роль консультанта выпала ему не случайно. Восемь лет назад он стал первым в мире мотоальпинистом, поднявшись на мотоцикле собственной конструкции на восточную вершину Эльбруса. Это событие широко комментировалось у нас и за рубежом, и каждый из участников нынешнего восхождения знает об этом во всех подробностях. Но знают также и то, что с мотоциклом, если он отказывается идти своим ходом, а

КОМАНДНЫЙ ПУНКТ
«НА НЕБЕСАХ» ▶

УТОЧНЯЕМ МАРШРУТ. ▶

БЫВАЛО И ТАК...

горах может справиться один сильный и хорошо тренированный человек. Автомобиль — другое дело...

— По машинам!

В устах инженера-испытателя Гарифа Халитова команда звучит по-деловому, даже как-то буднично. Может быть, потому, что произносить эти слова ему не раз приходилось под разными широтами страны — в песках Каракумов, Таймырской тундре, на автополигонах и Памирских перевалах. В богатой его практике инженера-испытателя не было только высокогорного бездорожья.

Сейчас он смотрит на часы и потом вверх, где высоко над нами начинают розоветь еще неясные очертания вершины. С глухим стуком захлопы-

ЗАВЕРШИЛИСЬ
ИСПЫТАНИЯ. ▶

ваются дверцы. Халитов пускает секундомер — это старт. Машины одна за другой — оранжевая, зеленая, желтая, со стартовыми номерами «88», «66», «26» — выезжают из лагеря.

Три пары фар высвечивают домики поселка с темными квадратами окон, качаясь, скользят по последним метрам серо-голубого асфальта и упираются в каменный склон. Он не крут, и первые выражки машины проходят легко, четко вписываясь в повороты, следующие один за другим. Свет выхватывает из темноты ночи только небольшие участки дороги, и потому, что не видишь окружающего пейзажа, кажется, что наши «уазики» катят по обычному российскому проселку. В привычном этом движении вовсе не думается о том, что впереди пятнадцать километров подъема с перепадом высот до двух тысяч метров. Впрочем, подумать о том, что «раскрутить» эту двухкилометровую вертикаль с помощью четырех колес еще никому не удавалось, приходится очень скоро.

Когда понемногу светает, вместе с пейзажем меняется ощущение дороги. Льющийся откуда-то сверху молочный, пока непрозрачный свет наполняет ущелье, и скоро не без беспокойства замечаешь, что дорога, минуты назад казавшаяся обычной, идет между пропастью и нависающим каменным карнизом.

Я сказал «дорога» и тут же спешу взять свои слова обратно (если же в дальнейшем вы и встретите это слово, считайте его чисто условным понятием), ибо не рискуя называть дорогой обвивающую гору узкий — в одну колею — серпантин, сплошь состоящий из нагромождения камней и крутых подъемов по коварно шуршащим осыпям. Насколько они коварны, чувствуешь по тому, как «танцуют» машины, делая не очень изысканные «па» преимущественно в сторону пропасти. Здесь нужны руки — в самом широком человеческом понимании этого слова. Но только ли руки!..

Впрочем, подумал я об этом там, наверху. А теперь не знаю, смотреть ли мне, как с каждой минутой светлеет ущелье, обнажая зияющую рядом пропасть с темными гранями скал в сломанных бледно-серых облаках, или следить за движениями сидящего за рулем Володи Дунаева! Смею вас уверить, что решить эту проблему, сидя в кино, значительно проще. Живое присутствие требует других мерок и вынуждает к иным размышлениям. Конечно, я понимаю, что первое автовосхождение на Эльбрус не увеселительная прогулка и не всякому по плечу. Кроме профессионального мастерства, это требует от водителя суммы всех тех качеств, которые в единстве своем определяют такое всеобъемлющее понятие, как «испытатель». И должен сказать, что после первых же километров восхождения все эти качества признаю за Володей Дунаевым с чистой совестью, но не могу все-таки отделаться от смущения, вернее сказать, внутренней неуспокоенности, когда думаю о его возрасте. Испытатель в двадцать шесть лет! Не будоражит ли это наши привычные представления о столь ответственной (не станем подчеркивать — рискованной) и требующей огромного опыта профессии! Сама собой приходит спасительная мысль: нет ли чего-либо особенного в его биографии! Увы, самая обыкновенная...

Повторяю: думалось об этом потом, наверху. А пока — машина, карабкающаяся вверх выраж в выраж, подъем за подъемом, и горы, открывшиеся во всей своей утренней красоте. Внизу, точно смотришь с вертолета, игрушечные домики Терскола, многоэтажная турбаза Азау, какущаяся спичечным коробком, поставленным на пол, извилистая лен-

та бурного Баксана, лесистые склоны, переходящие в широкие зеленые луга с рыжими пятнышками отар, кажущихся неподвижными, отвесные, громады скал друг над другом коричневыми скалы, голубые ниточки водопадов и над нами во всем своем великолепии — сверкающие на солнце снега двуглавого Эльбруса, словно врастающего в ослепительно синее, кажущееся рядом с ним темным, небо. А здесь все перекрывает гул работающих двигателей, разгоняя веками не пуганных желтоклювых альпийских галок. Они летят вниз, наша дорога — к вершине.

Машины идут впритык друг за другом — на случай, если придется подстраховывать. С каждой сотней метров подъемы становятся отвесней, машины все труднее вписываются в выражки, кажется, будто колеса скользят по самой кромке, — тут нужна ювелирная точность расчета. Но как ни стараюсь я следить за неожиданностями дороги, соотнося их с действиями Дунаева, не успеваю заметить, как ухитряется он лавировать на узеньком пространстве между пропастью и отвесной каменной стеной, пропуская большие камни только слева, чтобы не задеть картер и глушитель. Почему-то приходит в голову, что видит он дорогу, как Пеле — футбольное поле. Сидя рядом, ощущаю его мгновенную реакцию, умение в доли секунды принять единственно верное решение. Ведь, входя в поворот на крутом, сыпучем склоне, нельзя остановиться даже на мгновение, чтобы оглядеться, и, уж конечно, нечего думать притормозить — машина тотчас потеряет сцепление с грунтом, пойдет юзом (а горное бездорожье не футбольное поле). Идти можно только на передаче, только на скорости! Забегая вперед, скажу, что за время подъема и спуска (!) нога водителя так и не коснулась тормозной педали...

Однако до спуска еще далеко, и мы не станем торопить события, тем более что разворачиваются они в той единственной рассчитанной последовательности, как предполагалось перед восхождением. Впрочем, учитывались и неожиданности.

— Ну вот, кажется, кончились цветочки, теперь давай ягодки, — говорит Дунаев и плавно включает демультипликатор (в просторечии — «димку»), чтобы за счет потери скорости в два раза соответственно увеличить мощность. Взяв, передними колесами машина вгрызается в снежный занос. Он пересекает дорогу косым склоном, скрывая под собой край пропасти. Снег твердый, с прочным настом, но не настолько, чтобы держать тяжелую машину, поэтому несколько метров мы работаем наподобие пилы, вырезая колею, которая становится все глубже.

Дунаев сейчас особенно сосредоточен, но по-прежнему выглядит спокойным. Кажется, скрытый край пропасти он чувствует и под снегом, чего не могу сказать о себе, но, привыкнув уже к водителю и по достоинству оценив его работу в самых сложных ситуациях, пробую шутить: — Пробьемся. Что ни говори, а у твоей машины счастливый номер — «88».

— Это точно — счастливый. Ребята говорят, когда буду кувиркаться, со стороны не заметят: как ни крути — «88».

— Может, не стоит!

— Кувиркаться подождем, а вылезать надо.

Бампер нашей «восемьдесят восьмой» под снегом, «димка» просит пощады. Стоп. За нами впритык, как шли, останавливаются две другие машины — Юры Булагина и Володи Харужа. Водители глушат двигатели. Выходим. И тотчас, подобно залпу, в уши бьет фантастическая тишина, и... «Кавказ подо мною!» — весь в алмазных гранях снегов, к которым

по-кошачьи ластятся пушистые облака. Облака ходят и в ущелье под нами. От красоты захватывает дух!

— Любоваться, ребята, будем наверху.

Это говорит Гариф Халитов и первым берется за лопату.

Работаем по одному, часто сменяя друг друга, — дает себя чувствовать высота. И хотя сейчас не до шуток, мои тапочки вызывают вполне понятную реакцию.

— Возьми у меня в машине босночки!

Пробую отнестись к этому с тем же юмором, но с завистью смотрю на горные ботинки ребят. (Стоит ли говорить, что подняться на эту гору я рассчитывал не альпинистом, а в качестве пассажира и потому подходящей обувью не обзавелся!)

Когда обработали занос ровно настолько, чтобы сделать попытку пробиться, Берберашвили смотрит на вершину. Он явно недоволен. Солнце светит вовсе, но на юго-западе появились редкие, словно кем-то раскиданные облака. Однако нужно торопиться: солнце пригревает все ощутимее.

Гариф Халитов садится рядом с Дунаевым, и, прежде чем заводят двигатели, инженер обращается к водителям:

— Сейчас, ребята, особенно внимательно. И только вняти! Никаких пробуксовок, иначе зароемся. Только вняти, — повторяет Халитов и захлопывает дверцу.

Пересаживаюсь в машину Володи Харужа. Теперь впереди две машины — оранжевая Дунаева, зеленая Юры Булагина. Наш «желтый цыпленок» замыкающим.

Тишина так же внезапно обрывается, когда заводят двигатели.

Трогаемся медленно, словно крадучись. Володя держит точно в колею передних машин. На снегу между колесами отчетливо виден след «диффера», который оставляют за собой наши ведущие. Машины ползут по узкому заснеженному карнизу: слева — темная пасть пропасти, справа — отвесная каменная стена.

Наконец, занос, заставивший нас основательно поработать лопатой, остается позади. Тут бы и вздохнуть с облегчением, но для оптимизма особых причин нет: выезжаем на скальный грунт, где огромные валуны прямо-таки врыты в осыпи. К тому же начинают сбиваться прогнозы Берберашвили: небольшие облака на юго-западе быстро увеличиваются и закрывают весь горизонт. На нашу колесную саditся туман или облако — понять трудно, но камни покрываются «испаринной»; влажная их поверхность становится предательски скользкой. Мы чувствуем это, когда наш «желтый цыпленок», подтанцовывая, начинает скользить вбок.

Вот тут и проявляется мастерство водителя-испытателя, но мне поначалу кажется, что Харужа действует против логики. Чувствую, как машина скользит в сторону пропасти... Естественная реакция — отвернуть к стене и притормозить! Но логика водителя такого класса оказывается противоположной логике пассажира. Чтобы удержать машину, Харужа доворачивает руль... в сторону обрыва и прибавляет газу! И... ощущаю, как машина вновь обретает сцепление с грунтом.

— А тормозни мы тут — пригодились бы твои тапочки!

Как и говорил Дунаев, цветочки кончились, теперь остается считать ягодки. Выходим из крутого виража и сразу — в сыпучий подъем под тридцать градусов. Интересно, как это выглядит со стороны! Интересно также и то, что с семидесяти двух «лошадей», запряженных в наши четыре колеса, на такой высоте можно смело сбросить двадцать — двигатель, как и человек, подвержен кислородному голоданию. И сейчас он

ревет об этом; его дрожь передается всему телу, заставляя податься вперед, точно это движение облегчит машине невероятный подъем. Харужа словно вырастает в машину, сейчас они едины в своем стремлении — вверх.

— Ну, милая, ну, ласточка, ну, цыпленок! Давай! Ну, еще немного! Еще чуть-чуть!..

«Цыпленок» ревет зверем. Влезли. Но тотчас опять крутой вираж с подъемом и осыпавшимися позади камнями. Дорога в своих подъемах закручивается с такой стремительностью, что идущие впритык машины оказываются над нами сбоку, и двигаться им при этом приходится с ювелирной точностью, чтобы не сдвинуть камня, грозящего обвалом.

А горы продолжают испытывать не только машины, но и водителей. В открытую боковину бьет вдруг резкий, холодный ветер. Он стремительно несет косой снег, образуя метель, которая так и пляшет в густом сером облаке. Облако становится еще гуще и темнее, и вот уже ни пропасти, ни каменной стены по другую сторону, ни машины впереди не видно, хотя по-прежнему идем бампер в бампер...

Внезапность в горах — явление обычное. Выражение «как снег на голову» имеет здесь самое прямое значение. Но... продолжает удивлять. За очередным (каким по счету!) виражом внезапно светлеет. Сивозь тающее на глазах облако фары «цыпленка» нащупывают бампер и зеленый кузов машины Юры Булагина, а секунды спустя проклевывается оранжевая «восемьдесят восьмая». Она заканчивает подъем, и когда мы достигаем этого места, видим впереди, в окружении фирновых снегов, освещенный неогляданным проглянувшим солнцем, блестящий цилиндр Ледовой базы — знаменитый приют всех альпинистов, штурмующих вершину. Четыре тысячи метров — это высота.

Итак, на ледник Эльбруса поставлена печать резинового протектора «уазика». Все мы — на леднике величайшей вершины Европы. Халитов нажимает кнопку секундомера:

— Чистого хода — тридцать восемь минут.

Автослалом с четырех тысяч метров, прошедший, как и подъем, за тридцать восемь минут (ибо, по закону испытателей, спускаться с горы нужно на той же передаче, на которой поднимался), финишировал в Терсколе, в нашем временном лагере. Уставшие испытатели расположились отдохнуть, и за это время я узнал, что необходимость в горнолысочном транспорте, способном быстро передвигаться по бездорожью, назрела уже давно. Он позарез нужен спасателям — по причине, вполне понятной. Необходим он ученым, которые проводят комплексные исследования на Эльбрусе, как, впрочем, и в других горах. Грузов и оборудования стало столько, что «горные форды» уже не тянут.

Когда мы собирались распрощаться с ребятами, в лагерь пришли двое из спасательной службы Приэльбрусья и врач. Разговор был коротким. Нельзя ли просить испытателей доставить на Ледовую базу спасательную группу: в трещину провалились шесть немецких альпинистов. Подниматься спасателям на Ледовую своим ходом — значит потерять уйму времени, подвергнуть риску шесть жизней.

Вечером на турбазе я видел северных немцев мирно пьющими чай. И был последний вечер — в разговорах о том, что в будущем году машину нужно будет модернизировать, дать ей дополнительную гусеничную тягу, возможно, съёмные лыжи...

— Тогда пойдем выше, к самой вершине.

Надеюсь, не забудут и корреспондентов «Смены». Обещаю на этот раз тапочки оставить в Москве...

Писатель и время

Николай Воронов
НЕПОКОЙ

Непокой
заинтересованного
человека

Книга Николая Воронова «Непокой» («Советская Россия», 1974 г.) — новая веха в творчестве писателя, для которого тема рабочего класса, исследование личности современного рабочего человека всегда были главными, определяющими.

Воронов вырос на Магнитке в рабочей семье. На этом мощном металлургическом комбинате, где закладывалась в то время основа нашей социалистической промышленности, начал Воронов свою трудовую деятельность, отсюда и пришел в литературу с подлинным, неземным знанием заводской жизни.

Воронов принадлежит к писателям, которые серьезно изучают и отображают в своем творчестве все многообразие проблем, связанных с веном научно-технического прогресса.

В центре внимания писателя, в новой книге, — директор металлургического завода Корсаков, умелый руководитель нового типа, воплотивший в себе лучшие черты социалистических организаторов народного хозяйства. Перед нами — хорошо эрудированный, образованный специалист, человек высокопартийного долга, чуткий и внимательный воспитатель. Его авторитет — в тесной связи с коллективом, в умении сплотить людей, утвердить на заводе творческую обстановку. Экономическая реформа предъявила и директору требование — быть предприимчивым, вести хозяйство экономически грамотно. Социалистическое предпринимательство выгодно и рабочим, и заводу, и государству.

Автор попадает на завод в момент остроконфликтный, когда столкновение разных методов руководства привело к драматической ситуации: Корсакову пришлось сместить руководящих инженеров завода — главного технолога, главного металлурга и главного энергетика, всячески мешавших работать по-новому. «Современный руководитель — прежде всего организатор, умеющий оценивать людей по их подлинной полезности делу», — размышляет писатель, подтверждая убедительными деталями необходимость применения Корсаковым столь крайних мер по отношению к этим людям, которые увидели в нем лишь счастливого соперника, «высочку». «У ненавистничества нет логики, — негодует Воронов. — Даже умных, талантливых людей ненавистничество заводит в дебри абсурда».

Писатель выносит на суд читателя вопросы животрепещущие. Его «Непокой» — произведение деловое и одновременно глубоко эмоциональное, заставляющее не престанно размышлять о сложных проблемах и противоречиях времени. «Как привести в согласие рукотворное и живое, красоту и технизацию? Как сделать так, чтобы доброе и полезное не оборачивалось злом? Способен ли человек пойти на самоограничение собственной воли, предполагающее возможность держаться учтиво, без вероломства с большинством обитателей планеты, будь то микроорганизмы, насекомые, моллюски, пресмыкающиеся, птицы, рыбы или звери?»

Светлана КУЗНЕЦОВА

ПРОЗА

Особые правила гонки

Прочтение этой книги (Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер, «Гоним по вертикали», «Молодая гвардия», 1973 г.) оставляет парадоксальное ощущение не столько авторского итога, сколько решительного и стремительного шага вперед. Предыдущие книги Вайнеров запомнились читательской аудиторией как мастерским соответствием закону любимого и популярного жанра, так и добротностью жизненного материала, изложенного талантливо и с большой пользой для важного дела морально-нравственного воспитания.

«Гоним по вертикали» не исключение из этого правила. Закрыв книгу, глубоко веришь, что та же добротность писательского труда, та же высокая профессиональность в знании материала придут к нам со следующей работой Вайнеров, бесспорно, ставших в первый ряд литераторов, специализирующихся в жанре криминалистических романов. В «Гоним по вертикали» авторы прошли по острию допустимого, руководствуясь почти запрещенным подходом в детективной литературе. Оговорюсь сразу, что отношу себя к тем, кто считает детективный жанр полноправным солдатом армии настоящей Литературы.

Особенность «Гоним...» в том, что Вайнеры показали на равных внутренний мир двух совершенно разных людей: любимого нами следователя Станислава Тихонова и совершенно нелюбимого, так сказать, априори, рецидивиста Лехи Дедушкина.

И, конечно, мир Станислава Тихонова, если отбросить некоторые специфические особенности его профессии, нам хорошо знаком и понятен. Но вот мир Лехи Дедушкина...

В изображении, тем более художественном, тем более столь подробном, есть зримая опасность — превратить книгу в учебное пособие для глупых подражателей. Но авторам талантливо удалось избежать общепризнанной опасности, превратив недостаток в достоинство, в главное оружие борьбы, которую призваны вести писатели своим пером. Братья Вайнеры показали не только материальный мир

Лехи Дедушкина, они с беспощадной правдивостью обнажили духовный мир «май-данщика». Впрочем, «окраска» вора здесь особой роли не играет. Как сам традиционный сюжет поимки преступника. Леху Дедушкина, по кличке Батон, ловит не Тихонов, олицетворяющий для рецидивиста всех «злых псов закона», Леху ловит сама жизнь, наша действительность, воплощенная в одном из своих достойнейших представителей — Станиславе Тихонове.

Вряд ли можно назвать Вайнеров — впрочем, они на это и не претендуют — пионерами использования идеи о неотвратимости наказания в детективной литературе. Но бесспорен их приоритет в том, что они с удивительной силой смогли показать саму неотвратимость, воспринимая жизнь глазами Лехи Дедушкина. Авторы счастливо миновали многие подводные рифы, сокрытые в подобном литературном построении материала: и соблазнительно облегченный, декларативный подход, и шаблонную трансформацию плохого в хорошее, и заманчивость подсказки читателю, что нравственно и что аморально. Пожалуй, лишь одну фальшивую ноту можно поставить в вину авторам. Даже не сам «хэппи энд», столь правомочный в любой книге, сколь отдающий дешевой мелодрамой «счастливый случай» с отцовскими часами, отведшими роковую пулю на сантиметр от сердца храброго инспектора.

Вот эта цельность, бескомпромиссность авторской позиции и отличное знание предмета изложения делают роман «Гоним по вертикали» заметным явлением в неслезабываемом потоке подобной литературы, общий уровень которой еще, и сожаленно, оставляет желать много лучшего.

Анатолий КАКУРИН

Добрые и злые

Идут лесом две женщины. Точнее, идет одна: вторая сидит у нее на запястьях — она подвернула в лесу ногу. В отличие от известной сказки здесь битый берет битого. Хлебнули в жизни своей горя обе женщины. Разница в том, что молодую жизнь лягала незаслуженно, часто за ее доброту, а старой доставалось поделом за зло. Вот и теперь старуха чуть ли не жалуется, что сидеть ей жестко...

Такова основная ситуация рассказа «Лиюшки» молодой челябинской писательницы Зои Прокопьевой, книга которой «Розовая птица» («Современник», 1974 г.) содержит шесть рассказов и одну повесть.

Итак, две женщины заблудились в лесу, одна боится леса, а другая — нет, но обе хотят поскорее из леса выбраться. А еще ранее узнали мы, что женщины эти — дочь и мать. Но мать когда-то дочь свою бросила, укатив с мужчиной, жила с ним, пока не была брошена сама. Тогда приехала она и дочери, которая уже выросла, хорошо зарабатывает. Дочь приняла беспомощную старуху, не попрекает ее,

только не может называть матерью, зовет Васеной Карповной...

Так подробно пересказал я содержание «Лиюшки» потому, что затронутая в ней тема — повседневных, обычных взаимоотношений между добрыми и злыми людьми — так или иначе проходит через всю книгу. Без однообразия и монотонности писательнице удается каждый раз провести новое исследование в совершенно ином пласте жизни, с иными характеристиками, хотя место действия у нее почти всегда одно — большое сталяплавирующее предприятие с окружающими его поселками и лесами.

Как же в рассказах и повести Зои Прокопьевой живут они рядом — добрые и злые? Добрый начальник цеха в повести «Такая длинная ночь» «везет» на себе бездарного заместителя. Начальник знает, что заместитель его подсиживает, но не включает, что тому, возможно, удастся занять его место, отдаст себе отчет в том, что в проигрыше будет все, даже сам подсиживающий. В заместителе он за чужой спиной, став начальником, обнаружит на виду и быстро свернет себе шею. И бог с ним, с проигравшим злого человека. Начальник цеха знает, что от такой замены проиграет производство, проиграют люди, подчиненные им обом. Но... начальник цеха не способен ничего изменить в этой ситуации.

В рассказе «Гостья» инвазив войны растут двух дочерей, полностью освободив от этой заботы жену, бросившую их и ушедшую и другому мужчине. В «Розовой птице» работящий парень оказывает поддержку ничемному бродяге и ворюшке...

И все же Прокопьева далека от проповеди всепрощенчества. Ее добрые люди никому ничего не прощают. Они просто не поступают так, как поступили бы с ними. Иначе какие же они добры? Когда злой стал курящийся над беззлыми инвалидом, добрые вышвырнули злого из автобуса. Но... в следующий автобус злой уже входит наравне со всеми, едет вместе с добрыми и в ту же сторону! Я не скажу, что здесь просчет писательницы. Давайте оглянемся вокруг. Давайте отдадим себе отчет в том, что слышим часто в жизни злоупотребляют добротой.

Сложные судьбы, сложные взаимоотношения между героями, самоотверженный труд ради прекрасного будущего и досадные пакости рядом, долготерпимые горести, добро и зло, дороги людские: широкие, как большие, и как лесные тропинки, извилистые и узенькие, но так же, как лесные тропинки, прекрасные — вот чем наполнена книга Зои Прокопьевой. И это жизнь...

Владимир ЛЕНЦОВ

ПОЭЗИЯ

В очарованном мире

Для меня эта небольшая книжечка Аллы Корикони («Воробьиное дерево», «Молодая гвардия», 1974 г.) —

первое знакомство со стихами неизвестной раньше поэтессы, хотя, как сказано и в издательской аннотации и в предисловии Ал. Михайлова, она далеко не дебютантка в стране муз. Знакомство приятное — говорю об этом сразу.

Стихи, составившие сборник «Воробьиное дерево», — лирическая исповедь влюбленного в жизнь человека, наделенного зорким поэтическим видением, ведающего «секретом» тех единственно точных слов, которые вызывают у читателя чувство согласия, сопереживания.

Алла Корикона вглядывается в жизнь словно бы разбросано, хаотично, когда ее одинаково очаровывают и ночное море, «как парное молоко», и слепой дождь, под музыку которого хочется сплестись «с естественностью дикарей», и воскресная солнечная Москва, и молдавское лето, где «лебеди кричат, как над Непрядвой». Такая амплитуда восторга может показаться если не легковесной, то излишне быстротечной. Однако, вчитываясь в стихи (следуя совету Андрея Платонова, «бережно и медленно»), начинаешь понимать, что эмоциональная «необузданность» их есть коренная и самая сильная сторона дарования поэтессы («Меня все трогает, волнует, как будто завтра надо мной в последний раз отбалагурит судьба. И в первый раз — по-новому»).

Жажда обновления, стремление как можно скорее познать неизвестное — все это пульсирует в строчках, в их обнаженно торопливой недоговоренности.

...Как хочется праздновать жизнь! — подсолнухами, планетой в шуршании нежном дождя... Не зря все, что было! Не зря!

Многомерность чувства всегда просится выговориться «до дна», и Алла Корикона не стесняется быть предельно откровенной, потому что живет «не на облате», а на многострадальной земле, где много «и не было окраины», на земле, которая всегда поймет и примет человеческую искренность. Тревогу, радость, печаль, первую любовь, предчувствия и узнавания — все поверяет поэтесса родной земле, Родине, а следовательно, и нам, читателям.

Особо хочется отметить стихи Аллы Корикони, в которых звучит взволнованная любовь к России, и ее безбрежным просторам, величавой красоте («И моя снеговая родина», «Дворец в саду стоит...», «Углич»). В них нет громких заклинаний, но есть неподдельность и глубина чувства.

И моя снеговая родина так безмерна, что в сердце тоска... Как на белом плече родина, в поле черная тень леса.

И пространства душой не осидить... Как снега твои, Русь, щедрты. Так от века — зима, Россия, словно вечные две сестры.

Словом, знакомство со стихами Аллы Корикони оставляет самое благоприятное впечатление, но справедливости ради скажу, что не все стихи вызвали у меня чувство сопереживания. Некоторые показались только черновыми заготовками с отдельными удачными строчками («Я ехала домой», «Утренние стихи», «Перед премьерой»), еще не получившими завершенности чистовика. Другие представляются слишком «головными», выглядящими просто инородными в сборнике («Кувшин», например). Но, вероятно, это уже мой субъективные придири...

Николай КУЗИН

ВЕСНА-75

Ксения ВАСИЛЬЕВА,
Сергей НИКОЛАЕВ (фото)

И

все же при всей своей нынешней деликатности и мягкости мода сумела настоять на своем! Уже и юные девушки щеголяют в миди-юбках и платьицах-шенилье, которым многие прочили почитательниц лишь весьма «взрослых». Потихоньку-полегоньку эта непризнанная «втащила» в весенний гардероб полудлинные пальто. И новизна сезона — переосмысление всех знакомых тканей в ассортименте...

Помните плащи-болонья, уныло синие, зеленые и коричневые?

Наверняка вам нравились джинсовые костюмы, но вы считали их рабочей одеждой?

А одноцветный трикотаж, выпускаемый нашими фабриками, считали некрасивым из-за его стертых тонов и «вялой консистенции»?

В новых моделях, которые предлагает, в частности, Всесоюзный институт ассортимента Министрства легкой промышленности, вы не узнаете старых, давно насиженных тканей. Мы беседуем с искусствоведом, художником-модельером и вместе с тем заместителем заведующего отделом теории и перспективного развития моды этого института Ниной Николаевной Дацковской.

— Действительно, болонья изжила себя в плащах и лыжных куртках, но теперь она используется в цельных костюмах разных цветов, в комбинировании цветовых рисунков. Сейчас вообще на сцену выходит мода комбинирования. Это соединение тканей различных структур и фактуры: шелк и бархат, замша — спиллок, мех, трикотаж, искусственная кожа и т. д. «Спиллок» — это распиленная, расщепленная натуральная кожа вида замши, которая, кстати, по-разному прекрасно комбинируется: одна сторона, более «фактурная», с другой, более гладкой. Или же так называемые «лоскутные» решения — соединенные вместе лоскуты спиллка разных цветов образуют острые и интересные конструкции юбок, курток, брюк.

Если говорить о том, что еще модно нынешней весной, то это именно лоскутные композиции, о которых мы сейчас говорим. Сшиваются лоскуты нарочито грубоватым швом, и такую юбку сшить не так уж и сложно, главное, хорошо подобрать лоскуты. Кстати, это, конечно, не обязательно замша, кожа или бархат. Это могут быть и другие материалы — шелк, ситец, штапель, шерсть...

Третий важный момент нынешнего весеннего сезона: джинсовая ткань в непривычном для нас ассортименте моделей.

Наши художники предлагают джинсовые пальто на утеплителе, платье-пальто (о нем я еще скажу), сарафаны, юбки повседневные и вечерние, мужские деловые и выходные костюмы, шляпы, сумки и даже обувь! Джинсовая ткань используется теперь и в элегантных туалетах. Это очень прочная, стойкая, удобная, практичная и недорогая ткань, выпускаемая отраслями льняной и шерстяной промышленности в самом разном оформлении — одноцветная, пестротканая, полосатая, не только синяя, голубая, но и коричневая, песочная, серая, зеленоватая... Она, если можно так сказать, сама себя украшает, ведь у нее двойное использование: одной и другой стороны... К джинсовым изделиям очень идут цветочные аппликации, яркая строчка, различные детали отделки из других тканей, «молнии».

Вначале вы говорили о том, что многие ткани переосмысливаются. Так вот, бывший парадный бархат завоевывает все группы ассортимента, появился недорогой бархат на плотной хлопчатобумажной основе, много вельвета-корда, от мелкого, в еле заметный, узкий рубчик до крупного, декоративного. Наши художники-модельеры предлагают юношам и девушкам брюки, куртки, пиджаки, блейзеры из

ПОВСЕДНЕВНОЕ ПЛАТЬЕ ИЗ ТРИКОТАЖА.

вельвета и бархата, для девушек платье-пальто, для юношей — деловые костюмы...

Платье-пальто — очень удобный вид одежды, можно иметь «множественный» гардероб: платье-пальто с шарфом, платочком, блузкой и... цветной «водолазкой», которая, кстати, вовсе не вышла из моды, а является необходимым аксессуаром для многих моделей.

— Скажите, Нина Николаевна, а как с кофточками «лапша»...

— «Лапша»? Носите на здоровье, и с брюками, и поверх рубашки-батника, и с тем же платьем-пальто...

Нынешняя мода пластична, мягка, это мода женщин, которые уже создали свой облик, и молодежь тоже отказывается от резких мини-моделей, слишком ярких тонов и множества деталей, которые в конце концов не делают одежду элегантнее... Девушки стремятся сейчас выглядеть не угловатыми, озорными подростками, а милыми, грациозными созданиями с нежным характером.

В движениях больше сдержанности и благородства, в лице подчеркнуты «распахнутые» добрые глаза без «чертенят».

Таковы штрихи к портрету «девушка-75».

— Нина Николаевна, посоветуйте, как быть с простым одноцветным трикотажем. Вы обещали и с ним «раскрыть» тайны гармонии...

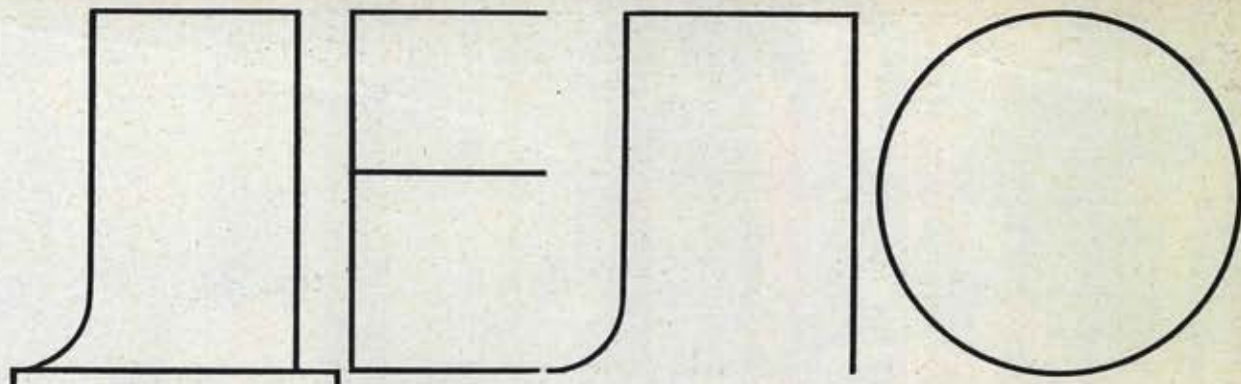
ВЕЧЕРНИЙ АНСАМБЛЬ.

**ДЖИНСОВАЯ ТКАНЬ
ОТЛИЧНО СМОТРИТСЯ
В ЛЮБЫХ ВАРИАНТАХ.**

Юрий ФЕОФАНОВ

В аня + Маша = любовь! Кто не встречал эту знаменитую надпись на заборе в поселке или в лифте многоэтажного дома, на кавказской скале или на таежном кедре! Ее вырезают и царапают по невежеству, от бескультурия, из хулиганских даже побуждений.

Но только ли? А может быть, это любовь? Любовь, не нашедшая более приличной формулы самовыражения? Разве вы абсолютно исключите, что корявые буквы, портящие пейзаж или казенное имущество, — та же повесть о Ромео и Джульетте? Почему вспомнилась мне именно эта лаконичнейшая из песен любви? И не где-нибудь, а в зале суда, разбирающего дело о разводах?

Конечно, кощунственно поднимать свой слабый голос против величайшего из авторитетов в знании человеческой души и утверждать, что счастье тоже всякий раз идет своим путем. Но ведь Лев Николаевич Толстой не столько высказывал истину, сколько формулировал рабочий афоризм к своему великому творению. Так почему бы не усомниться?

И почему бы дальше не пойти в своих сомнениях? Несчастливые семьи, по крайней мере многие из них, распадаются совсем неоригинальным, а скорее очень стандартным, стершимся от износности путем. Причины, возможно, в каждом случае свои сокровенно-интимные. А вот внешние проявления распада союза сердец выглядят в зале, где этот распад фиксируется, как отштампованные: «не сошлись характерами».

Ох, это печально знаменитое «не сошлись...!» Как легко произносятся слова! И как пусты они в сравнении с уязвимой для моралистов, однако же незыблемой для морали заповедью: «...и буду век ему верна». Моды проходят и уходят, меняются времена, а вместе с ними — нравы. Но верность, истинная-то любовь — это же непреходящие категории.

«Да, да, девушки, — писала Марина Цветаева, — признавайтесь первыми, и потом слушайте отповеди, и потом выходите замуж за почтенных раненых, и потом слушайте признания, и не списывайте до них — и вы будете тысячу раз счастливее нашей другой героини, той, у которой от исполнения всех желаний ничего другого не осталось, как лечь на рельсы».

Эта апология Татьяны Лариной не есть ли вместе с тем и рецепт счастья? Впрочем, очевидно, рецепт в наши дни спорный. Быть верными друг другу навек — это почитается некоторыми нашими современниками чуть ли не смешным анахронизмом (хотя, может ли устареть счастье?). Меньше всего я собираюсь спорить с самоновейшими «теориями». Нет, просто несколько бракоразводных дел, которые я слушал, заставили меня не то чтобы сравнить «век нынешний и век минувший», а всего лишь обратить внимание молодых читателей на проблему и побудить их самих к сравнениям и размышлениям.

Разводился Ольга и Николай. Ей двадцать лет, ему на два года больше. Причины?

Она. Николай нагрубил моей маме и не попросил прощения... И вообще он занимается слишком много общественной работой...

Он. Я занимаюсь общественной работой, потому что мне обещали комнату. С ее мамой я жить не стану. Вот подучим комнату...

Она. Я говорила, чтобы не ездил в лагерь пионервожатым, а он...

Судья (е й). А почему вы против пионерлагеря?

Она. Мало ли... Мы, например, в пионерлагере познакомились...

Судья (ему). Так ли обязательно ехать вожаком?

Он. Нет, конечно. Но... (К ней.) Вот ты, Оля, тогда сама была виновата...

Она. А ты совсем изменился, как ребенок у нас родился...

Слушаю и думаю: милые бравятся — только тешатся. Ну, теще нагрубил... Ну, в лагерь поехал вожаком... Ну, приревновала... Ну, она хочет с мамой, а он без тещи жить... Все «нормально», в тысячах семей на тысячи ладов возникают и улаживаются подобные конфликты.

Но перебранка-то идет на бракоразводном процессе!!! Причем на развод подали не безответственный мужчина и не легкомысленная девушка. Заявление написала мать, только что родившая человека, которого предстоит растить и воспитывать и которому не так уж и скоро придется дать ответ, кто его папа, где его папа и почему не с ними их папа.

Судья. Может быть, истица, вы все же не будете торопиться? Взвесил ли вы все последствия шага, который делаете? Разведутся-то обычно на всю жизнь.

Она. Нет, нет, мы уже мирились, опять ссорились — разведите нас.

Он. Да я что... как она... не я подавал.

Судья решает отложить решение дела на три месяца. Кто знает, что решит молодая семья — придут ли Ольга с Николаем в суд снова или будут улыбаться, вспоминая о своем шаге, чуть не ставшем роковым? Кто знает... Но ведь пришли же из-за пустой размолвки — вот что заставляет задуматься.

Следующая пара постарше. Александр Иванович, проходчик, и Нина Егоровна, лаборантка, вступили в брак пять лет назад, у них дочка четыре года. Живут в отдельной квартире.

Подали на развод и здесь она. Нина Егоровна, молодая женщина, преждевременно расплывшаяся, с симпатичным круглым лицом, тянет плаксивым голосом:

— А что он все ругается! Ты, говорит, ленивая, все время спишь. Ну и выпивает, а как выпьет — еще хуже ругается.

— Что же это вы так себя ведете, Александр Иванович! — задают вопрос ответчику.

— Нинка, она баба... извиняюсь, женщина, хорошая. И дочка у нас... Я, конечно, не возражаю, хочет, пусть одна живет. Только дочка жалко.

— Но неужели вы не можете изменить своего поведения?

— И я виноват. Но, товарищ судья, иной раз из-за нее же и выпьюсь. Как ни придю — я в четыре смены работаю, — все время спит. Днем ли, вечером ли, утром. Говорю: «Нинк, поесть дай». «Сам возьмишь, у меня ребенок». Ну, пошурю на кухне, перехвачу да и махну на двор «козла забивать», иногда с ребятами сообразим.

— Ну, а в воскресенье почему бы не взять жене, дочку, не пойти погулять?

— Да разве ее с кровати подыметь?

— Нина Егоровна, разве так хозяйка дома, жена ведет себя?

— А что я такого делаю? — тянет Нина Егоровна.

— Извините, но он же проходчик, у него тяжелая работа, его покормить надо. — Судья Таня Прокофьевна Лебедь уже чисто по-женски разговаривает с истицей. — Это ведь наша женская обязанность.

— Так я готовлю...

— Ну, а почему бы мужа не встретить приврадившись, весело? Вы же всего два часа в день работаете. Может, он тогда и к ребятам бы не пошел. Он же не пьяница, деньги в дом приносит, с дочкой занимается. С вашей-то стороны тоже должна быть любовь и ласка. Не так ли?

— Та-а-а-а-а... — сквозь слезы тянет Нина Егоровна, — только пусть он к ребятам не ходит...

Любопытный, на мой взгляд, случай. С одной стороны, полная, так сказать, эмансипация. На развод подали сама, не боится по жизни идти с четырехлетней дочкой, в мужской опоре вроде бы и не нуждается: «Не те времена, сама прожи-

ву». По всем показателям — прогрессивнейшее явление в «женском вопросе».

Но смотрел я на Нину Егоровну (а ей нет еще тридцати, никаких трагедий в жизни не перенесла, здорова, муж — отличный, работающий парень, имеют ребенка) и думал: а может быть, в этом «прогрессе» некоего консервативного элемента не хватает?

Брак не только радость, но и великое испытание. Это аксиома. Влюбленность восторженна, угловата, вихраста. А любовь? Любовь мужа и жены? Не требует ли она какого-то особого, этикетного, что ли, оформления?

Поясню свою мысль. Наверное, вы, читатель, слышали, что у англичан существует традиция — к обеду переодеваться. Недавно где-то вычитал, что на далеком южном острове, где жители ходят практически без ничего, губернатор, или комендант, или миссионер (не важно кто) ко времени обеда снимает свои засаленные шорты и надевает шорты белоснежные, меняет рубашку и в полном одиночестве садится за свою ежедневную трапезу.

Что это? Причуда? Знаменитый британский консерватизм? Нет ведь ни грама смысла в этом переодевании, — один на всем острове среди голого населения!

А ведь какой огромный, если разобраться, смысл! Переодевание к обеду только по недоразумению можно принять за консерватизм. Этикет, привычка, консерватизм помогают человеку не опуститься. Тут не столько от причуды, сколько от железной самодисциплины.

Нина Егоровна не только не переодевалась к обеду, но, похоже, вообще не одевалась. Слушая ее тягучие, плаксивые вздохи, я вспомнил замечательную работу немецкого профессора Рудольфа Нойберта «Новая книга о супружестве». Цитировать ее заняло бы много места. Но как точно врач и просто человек с богатым жизненным опытом пишет о внешней стороне семейного быта, в частности о необходимости для супругов быть всегда привлекательными друг для друга. «Проза жизни, — читаем в этой книге, — мелкие, постоянно повторяющиеся столкновения часто оказываются более мучительными, чем серьезные разногласия». И далее: «Супруги должны хорошо одеваться, причем не только в том случае, когда они ожидают гостей, но и тогда, когда они в доме совершенно одни. Мужчина должен тщательно бриться не только для своей невесты и возлюбленной, но в первую очередь для своей жены...» Почему, спрашивает автор женщины, вы встречаете мужа непричесанными, в незаштопанных чулках? Ведь именно это ведет к охлаждению, а потом и к драме — разводу.

Эмансипация — это хорошо, это великая победа лучшей половины рода человеческого. Но от собственной природы невозможно же эмансипироваться! И не только от той природы, что предназначила женщину к материнству. Тут наша Нина Егоровна как будто выполняет свои обязанности с завидным рвением. Ребенок у нее на первом месте, ему все — и дай бог, какой отец на это обидится?

Но можно ли эмансипироваться от своей женственности? Ведь, надев брючный ансамбль, женщина все равно не становится мужчиной. И если даже она в три раза больше мужа зарабатывает, она от этого не теряет преимуществ своего пола, равно как и не сбрасывает его тягот.

Обсуждая развод (он, правда, тоже не состоялся, тоже отложен) Нины Егоровны и Александра Ивановича, присутствовавшие высказывали разные суждения. И о том, что «мужик, ежели его заставить, полы вымоет чище бабы», и приводились примеры, как не жена, а муж занимается кулинарией, и вспоминали какого-то чуть ли не капитана дальнего плавания, который любил заниматься вязанием. Чего только не вспомнили!

Все это были бесспорные, проверенные факты. Но из них не вытекало ровню никакой закономерности. Несколько женщин, собравшись в кружок, будут вязать кофты и говорить про детей, а несколько мужчин тут же рядом будут забивать «козла» и обсуждать футбол. В принципе ничто не мешает поменяться ролями — не меняются. Почему же в семейной жизни иногда мы стараемся обязательно поставить все с ног на голову?

Говоря о необходимости некоторого консерватизма в семейной жизни, меньше всего я ратую за домострой. Это было бы бессмысленно. Нет, я целиком за то, чтобы женщина, жена утверждала свое достоинство, чтобы она никогда не надевала на себя цепи рабства, чтобы не считала она себя зависимой от мужа ни в молодости, ни на закате дней своих.

Мне показался несколько необычным один развод. Это была уже пожилая пара. В этом году они должны были отпраздновать «серебряную свадьбу». У них двое взрослых, вполне самостоятельных детей. Подала иск о разводе она (в третий раз «ооа»!).

— Нас связывало, — заявила женщина, — только рождение и воспитание детей. Сейчас уже ничто не связывает. Любовь наша умерла.

— Только эта причина? Может быть, ваш муж пьет? Или у него появилась другая?

— Нет, нет, — сказала женщина, — совсем не в том дело.

И действительно, дело было не в том. Он человек серьезный, без пяти минут доктор наук, занимает солидный пост. С некоторых пор целиком отдался науке, своей диссертации. К нему часто приходили коллеги по работе, что-то обсуждали, о чем-то спорили. Жена? Да, жена была тут же. К ней проявлялся тот минимум внимательности, какой необходим для живого человека, для домохозяйки, например. Зарплата отдавалась, обед съедался, «доброе утро» говорилось.

А она хотела быть женой, спутником жизни, подругой. Нет, она не ревновала мужа к научным занятиям, не требовала выкладки чувств. Она здравая женщина, имеет самостоятельный заработок, свой круг интересов. Но считает, что муж и жена — это супруги, а не сожители под одной крышей.

— Каков ваш заработок? — спрашивают ее.

— Сто тридцать.

— Вы сколько получаете? — вопрос к нему.

— Больше пятисот.

Среди присутствующих уловил шепоток: «Господи, чего бабе надо: не пьет, не гуляет, деньги-ца какие, да другая бы...» Но эта женщина «не другая», ей не надо «денежниц», ей мало, если муж просто не пьет и не гуляет. Она человек и хочет чувствовать себя человеком.

Расписание мытья полов и готовки обедов вовсе не определяет равенства супругов. Можно целыми днями просиживать в ателье, устроить у себя на квартире светский салон, можно при гостях третиговать мужа, наслаждаясь комплиментами подруг по поводу того, что вот сумела запрячь мужа «под каблук». Всего этого можно достичь. А как только супруг радикальным способом решит вылезть «из-под каблука», скажет «Я ухожу к другой», и побегит эмансипированная дама по всем парт- и профорганизациям с требованием «вернуть этого подлеца».

Но это-то и есть состояние рабы! И никакая это не эмансипация, ибо отдельных представителей сильного пола их прекрасные половинки третиговали во все времена, чему можно привести много фактов, даже исторических. Но и из них ведь тоже не вытекало и не вытекает никакой закономерности.

Нет, развод после 25 лет совместной жизни, о котором я рассказываю, явил присутствующим женщину хоть и со слезами на глазах, но полную собственного достоинства, знающую себе цену.

— Как вы относитесь к иску вашей жены? — спросили мужа.

— Возражать я не буду, хотя считаю возможным сохранить семью.

— Вы настаиваете на своем иске?

— Да. Собственно, сохранять нечего. Это не размолвка, не ссора. Наш брак мертвый.

«Развод, — писал Карл Маркс, — есть только установление факта: данный брак есть умерший брак, его существование есть только видимость и обман». По всей вероятности, это был тот самый случай. И было очень печально присутствовать при расторжении союза двух людей, из которых один по крайней мере показал себя поистине независимым и достойным. Какую-то часть мужских денег жена потеряет. Он, мне кажется, потерял то, что не восполнит ни любимая наука, ни другая женщина, сколь бы юна и привлекательна она ни была.

Впрочем, это уже не наша компетенция и не наша забота. Этот последний развод мне хочется сопоставить с тем первым, который я описал, когда совсем молодые разводились после нескольких ссор. Там-то брак не «мертвый»! Там супруги еще не успели выполнить даже своего долга перед рожденным ими ребенком. Тем не менее она, совсем девочка, заваяла:

— Я с ним не хочу жить... Это — мое право. По закону...

Заявление, которое тоже наводит на размышления.

Татьяна Ларина, сказав «другому отдана и буду век ему верна», исходила не только из такого образом понимаемого нравственного долга, из воззрений своей среды, своего воспитания, но и из существовавшего тогда семейного законодательства. Хорошо известно, что это были за законы, и я не буду лишней раз повторять азы. Тогдашнее право делало практически нерасторжимым и «мертвый» брак. Суд времен Татьяны никогда бы не развел молодую пару на том основании, что «не сошлись характерами». Но вот что интересно. Молодая пара никогда бы и не подала на развод! У них и мысль бы не появилась о самой такой возможности. Такой шаг почитался бы просто ненормальным. Зная, что «навек», супруг или супруга, строя свою жизнь, исходили именно из этого непреложного постулата.

Следует ли из сказанного, что те законы были нравственнее нынешних? Конечно, нет. Нужно ли что-то менять в существующих кодексах о браке и семье? Вряд ли. Недавно принятые после широкого общественного обсуждения, эти законы достаточно полно отражают наши нравственные нормы, соответствуют моральной зрелости общества.

Однако даже самое совершенное семейное законодательство не сконструировано семейного счастья. Это — дело двоих. И тут приходится констатировать, что отдельные молодые люди оказываются неспособными воспользоваться своим правом для своего же счастья. Наоборот, право они приспосабливают для прикрытия собственной безответственности.

Понимаю, здесь легко сбиться на прописи: дескать, надо создавать крепкую семью, не спешить с выбором спутника жизни и т. д. Прописи, да еще скучные, конечно, делу не помогут. Только не кажется ли вам, читатель, что молодые люди сами тянутся к «прописям»?

Вспомните английский фильм «Ромео и Джульетта», о котором столь восхищенно говорили и старые и молодые. Или пьесу «Валентин и Валентина», на которую и сегодня не достанешь билета. И еще вспомните целый ряд произведений искусства, где воспеваются не бунт женщины, не ее «право на измену», а чувство любви и долга, где утверждается право на верность до гроба. Мне кажется, что успех этих «простых» и чистых историй самой обыкновенной любви, где мужчина и женщина остаются самими собой, не случаен. Это естественная реакция на ту легковесность в трак-

товке отношения полов, которой грешат, увы, многие произведения литературы и киноискусства.

Да и сама наша жизнь этим «грешит». Как-то в одной из газет появлялась любопытная публикация: о семье, основанной на «новых» началах. Супруги живут порознь — у своих, кажется, мам. В свободное время встречаются, в выходные посещают театр и кино, отпуск проводят в туристских походах. Семья, свободная от быта. Только семья ли?

Конечно, эксперименты — вещь заманчивая. Особенно читать о них любопытно. Но как бы хотелось, чтобы молодые семьи, самые наименее прогрессивные, не забывали и тех проторенных дорожек к счастью, концы топтали наши бабушки и дедушки, тоже, между прочим, в свое время обуреваемые страстями.

Век их, наших дедушек и бабушек, нередко свысока и полупрезрительно называют «сентиментальным»: эпитет скорее негативный. Но так ли уж негативна сентиментальность?

В том же народном суде Фрунзенского района г. Москвы, где происходили описанные выше разводы, я столкнулся, по-моему, с чистой пробой сентиментальности. Во всяком случае, так отзывались в публичке о поведении молодого человека, инспектора ГАИ по должности.

В 1973 году познакомился бравый инспектор с некоей Любой. Встречались ровно десять дней. И, надо сказать, вели себя в высшей степени легкомысленно: в положенный срок у Любы родился ребенок. К тому времени инспектор уже расстался с Любой. О причинах он сказал так:

— Друг друга мы не понимаем, нет у нас личных отношений. И никогда не смогли бы их наладить.

Словом, то самое — «не сошлись характерами». Должен заметить, что никогда эти молодые люди не жили одной семьей, не вели общего хозяйства. Но вот уже в 1974 году оба предстали перед судом — на предмет установления отцовства.

— Чудак, будет платить восемнадцать лет, сам петлю надевает, — говорили знакомые молодого отца.

Верно, по закону, строго говоря, инспектор имел возможность «уйти от ответственности», то есть избежать алиментов. Доказать, что он отец, практически было невозможно. Молодые люди встречались во время отпуска, общей крыши, как уже сказано, у них не было, семейной жизни не вели. Да, собственно, и Люба ни на что не надеялась.

Но как только молодой человек узнал, что родился его ребенок, он пришел к краткосрочной подруге и сказал, что его долг — «дать ребенку отца, пусть и номинального».

— Может быть, при этих обстоятельствах вам стоит подумать о браке? — задали естественный вопрос инспектору. — Чтобы отец был у ребенка и фактически?

— Нет, нет, — убежденно и твердо сказал инспектор, — ничего у нас не получится. А свой долг по отношению к ребенку, — повторил он, — я не выполнить не мог.

Сентиментальный случай!

А впрочем, самый нормальный. К великому сожалению, не могу написать стандартную фразу: «На его месте так же поступил бы каждый». Потому что при бракоразводных делах, увы, меньше встречается сантиментов и гораздо больше расчетливой «прозы жизни».

«Маша + Ваня = любовь». Знакомая формула, которую можно встретить... Что за ней? Знать нам этого не дано. И счастливые и несчастные семьи живут каждая по-своему. Учить жить, давать конкретные «рецепты счастья» — дело, наверное, безнадежное. Но учить быть достойным в счастье и несчастье, быть ответственным за себя и за тех, с кем связала тебя жизнь, — это очень и очень важно.

РАЗВОД

НА ЗАВОДСКОМ ПОЛИГОНЕ.

Алексей ВЛАДИМИРОВ,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

ДОМА

Не так уж часто рождаются в нашем языке новые слова, но почти всегда такое рождение связано с событием незаурядным.

О том, что жилье на Севере — одна из главных проблем, известно даже людям, никогда там не бывавшим. Но при этом куда проще, сидя в кинозале, смотреть документальные ленты, где неистовая пурга заметает по крыши балки и вагончики тюменских буровиков или когда над такими же вагончиками и балками сварщиков северного газопровода в стальном ореоле поднимается розово-ледяное солнце, без всяких синоптиков обещающая и ночи лютую стужу, — куда проще видеть все это в кино и даже, разжигая воображение, представлять себя в этот час вместе с героями экрана, чем самому провести ночь в таком вагончике или балке.

Речь об этом идет в кабинете директора Волоколамского ремонтно-механического завода Александра Антоновича Бажанина. Разговор наш сразу приобретает особую содержательность не потому, конечно, что автор этих строк, эпизодически бывая в северных широтах, знает в некоторой мере об особенностях тамашней жизни, а потому главным образом, что

его собеседник провел в условиях Таймыра на партийной работе тридцать лет и один день, если быть точным.

Взвешивая каждое слово Бажанина, произнесенное с предельной долей знаний и ответственности, нетрудно согласиться и понять, что даже проблемы снабжения продуктами и топливом представляются на Крайнем Севере рядовыми вопросами в сравнении с проблемой жилья. Возможно, именно это обстоятельство и привело ветерана Севера на завод, который по традиции вносит свою лепту в решение этой поистине гигантской проблемы.

Дело в том, что давно уже продукция волоколамского завода — вагончики для жилья — отправляется в самые отдаленные адреса Союза — на Чукотку, Колыму, в Карелию, на Хибинны. Теперь никто уже не возьмется подсчитать, сколько людей на нашей земле приютили и обогрели эти зеленые норобочки на колесах. Но здесь, в небольшом подмосковном городке, а в сущности, на материке, как говорят северяне, люди думали не о заслуженной благодарности, но о том, что теперь, когда степень проникновения жизни и студенным широтам достигла огромных масштабов, нужно не только улучшить и модернизировать традиционную продукцию, а предложить и затем осуществить принципиально новую идею. Впро-

КОМНАТА ДЛЯ ОТДЫХА.

ДЛЯ СЕВЕРА

чем, прийти к этому оказалось не просто.

— Знаете, приятно, когда на завод приходят благодарности, к этому можно привыкнуть.— Мы говорим со старшим инженером производства Адой Трофимовой. — Но нельзя, просто невозможно привыкнуть к тому, когда в отъездах на твою продукцию все чаще слышится, что конструктивные и эксплуатационные особенности вагончиков уже не отвечают современным условиям работы на Крайнем Севере. Это понятно, потому что сегодня людям все чаще приходится, передвигаясь, работать в районах, где жизнь при отсутствии стационарного жилья попросту невозможна. Это понятно, но от этого не легче.

Видимо, так же рассуждали инженеры, которые постоянно испытывают свою продукцию в полевых условиях. Но, живя по нескольку месяцев в вагончиках где-нибудь в районе Надьма или Оймякона, они сталкивались с проблемами на первый взгляд весьма далекими от их непосредственной работы. Так, они поняли, что проблема известной миграции людей с Севера в подавляющем большинстве случаев связана не с условиями работы, а в первую очередь с условиями жилья. Кто-то на заводе перефразировал известную поговорку, и теперь говорят: «Холод не тетка — не пожалеет».

Поговорка поговоркой, но, исходя из всего этого, конструкторы пытались

КОМСОМОЛЬЦЫ-СТОЛЯРЫ ЮРИЙ РАЕВСКИЙ И НИКОЛАЯ КУЗНЕЦОВ.

усилить энергетические узлы традиционного вагончика. Это удалось. Искали новые, более совершенные утеплители. Находили. Но не находили средств защитить вагончик от пурги, которая — как ни крути — заносит квадратную норобку по самую крышу да еще прижмет ее сугробом сверху. И что ни придумывай, а тепловая изоляция щитового прямоугольной формы сооружения не сдержит обычных — увы! — в условиях Крайнего Севера «минус полста».

Как ни парадоксально это покажется, но расчехь заколдованный круг удалось с помощью... круга. Удалось же это сделать московским инженерам Александру Григорьевичу Никульчеву и Сергею Викторовичу Камолу в содружестве с главным инженером волоколамского завода Евгением Александровичем Соколовым. Впрочем, прошло достаточно времени, прежде чем на заводе, а затем и в десятках мест Союза сназали: «Здравствуй, «цубник!»

Итак, ЦУБ на сухом, но выразительном конструкторском языке — цельнометаллический унифицированный блок. Пожалуй, это объясняет многое, и прежде всего саму идею. Однако прежде чем переселиться в новый дом северян, следует сназать несколько слов о заводе, с которого на северные стройки, на БАМ уже отгружено около тысячи «цубников».

КОНСТРУКТОРЫ ДЕРЖАТ СОВЕТ.

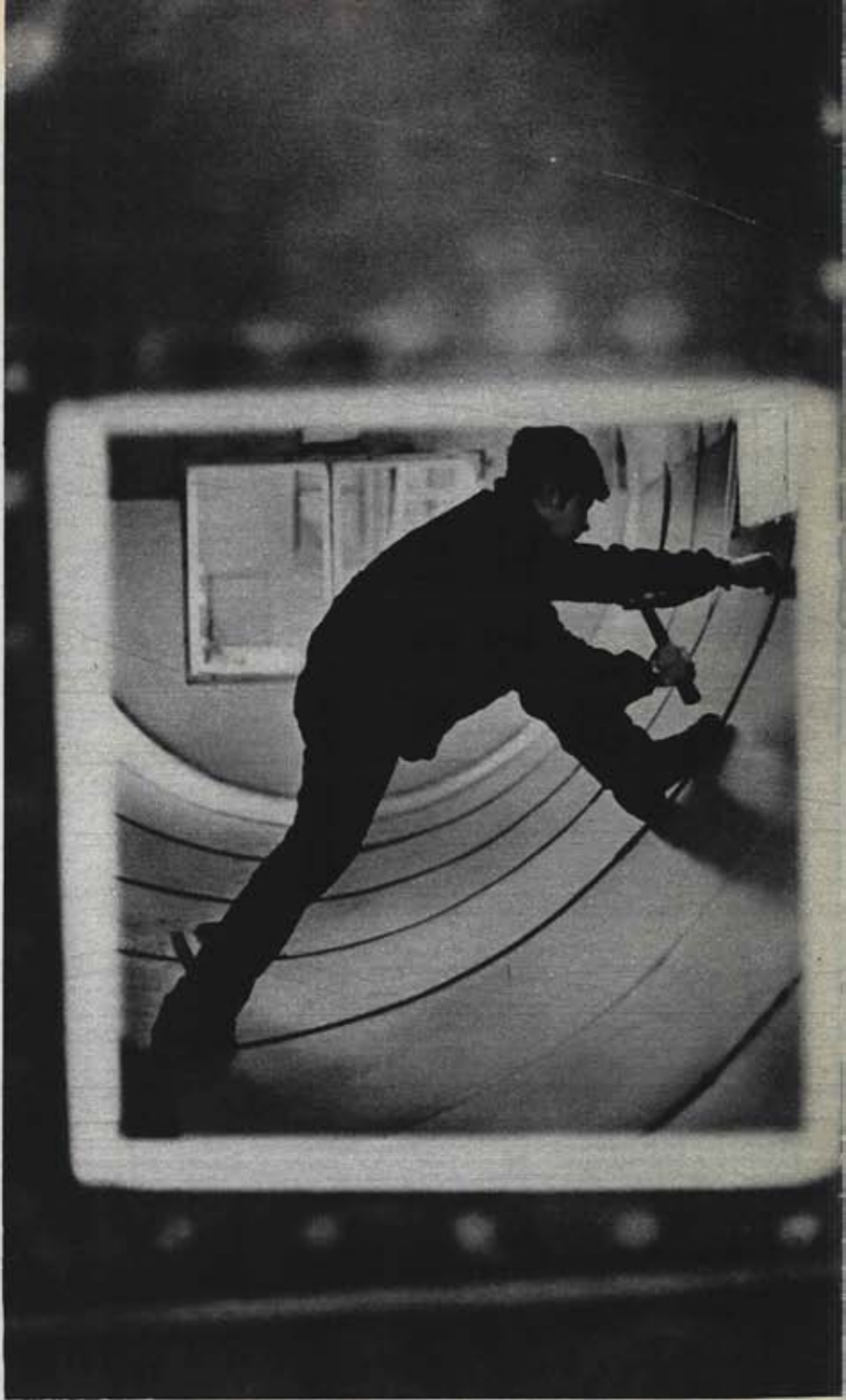
НА СБОРКЕ.

Самое удивительное, что это отнюдь не завод-гигант. Внедрение нового, не говоря уже о вещах принципиальных, всегда сопряжено с трудностями особого рода. Волоколамский завод, истати сказать, единственный в стране, освоивший эту продукцию, не составляет исключения. Трудность состояла в том, чтобы без чьей-либо помощи создать станок, способный гнуть в кольца мощные швеллеры, составляющие каркас сооружения. Казалось бы, чего проще — распределить эти заказы по заводам с более мощной и приспособленной производственной базой. Проще, но лучше ли? Видимо, споры на этот счет было немного, ибо в удивительно короткое время станок был создан, рожден на самом заводе из имеющихся в наличии средств. Честь же его создания принадлежит начальнику цеха металлоконструкций Николаю Петровичу Трофимову, мастерам Юрию Георгиевичу Журавлеву и Виктору Францевичу Норейко. Не случайно на заводе говорят, что если в прошлом году завод сэкономил на рацпредложениях двадцать тысяч рублей, то на долю троих из цеха металлоконструкций приходится двенадцать тысяч.

ГЛАВНЫЙ КОНВЕЙЕР.

И еще одно, о чем нельзя не упомянуть, рассказывая о рождении на заводе «цубина». Надо ли говорить, какое значение имеет в такой работе проблема утепления? Прежде для этой цели применялась древесноволокнистая плита. Но те, кто «пестовал» «цубин» со дня его рождения, решили отказать от этого материала, гигроскопичного по своей структуре и уже потому непригодного в условиях Севера — промерзание и снова холод. Однако просто отказать, труднее найти заменитель. Но на заводе, имевшем небольшую химическую базу, создали опытный участок, и свои химии отправились в поиски совершенного утеплителя. Работа, в которой участвовали немногие, но «боле» весь завод, увенчалась успехом: в качестве утеплителя применен пенопласт. Теплопроводные его преимущества не нуждаются в комментариях, а вес утеплителя «цубинка», составлявший раньше два центнера, уменьшился ровно в десять раз.

Не станем, однако, длить список рационализаторских предложений, внесенных рабочими и инженерами завода в рождение любимого (теперь уже можно так сказать) детища, ибо тогда нам придется «пройтись» чуть

ли не по всей технологии изготовления «цубика», посмотрим на него в том законченном виде, каким приходит домик к своим хозяевам. Даже при беглом взгляде на эти снимки видно, что «цубик» вовсе не похож на дом в привычном нашем представлении. Вытнутый и поставленный горизонтально красно-серый цилиндр напоминает скорее железнодорожную цистерну на колесах (или лыжах — в зависимости от условий транспортировки). Но это не прихоть конструкторов, а зерно идеи, которая полностью решает проблему пурги и гарантирует домик от снежных заносов. Снежные заряды любой плотности и силы свободно обтекают металлический цилиндр, толстые тройные окна которого делают его похожим на глубоководный снаряд с иллюминаторами.

Впрочем, как и внешний его вид, интерьер домика ломает наши традиционные представления о привычном жилье, хотя сохраняет, подчеркивает даже все атрибуты современного комфортабельного дома. Сидя в нем, просто трудно представить, что вокруг, за прочной металлической оболочкой, могут расстилаться бескрайние просторы тундры и завывать пурга. Спальня, холл, кухня с горячей и холодной водой, туалет, тамбур-котельная на твердом (или жидком при небольшой переделье) топливе — не говорит ли все это о том, что мы имеем дело с домом, о котором, вздыхая много лет, мечтали старожилы Севера и который вовсе не представляет себе тот, кто туда только решил отправиться.

Блестящий чистой интерьер, изысканная отделка из современных пластических материалов, умно и удобно сконструированная мебель — все это хорошо. Но как обстоит дело с главным показателем конструкции такого назначения — теплом, манящим и необходимым теплом, так необходимым человеку на Севере? Снажем на это только одно: при испытаниях в условиях Заполярья, когда столбик наружного термометра падал до минус пятидесяти шести по Цельсию, второй термометр — внутри домика — не опускался ниже двадцати трех градусов тепла. Это так. Интересно же то, что при такой теплостойкости вы не увидите здесь торчащих всюду труб и calorиферов, от каких не избавлены и столичные наши квартиры. Вся система отопительных приборов «цубика» размещена под полом, а вентиляционный канал — над потолком. Прибавьте к этому, что в вашем жилище постоянно циркулирует свежий подогретый воздух, и вы будете иметь примерное представление о достоинствах домика и возможности сравнить его с тем, что мы знали до сих пор.

Пока еще не всякому привычно, может быть, вообразить себе его жителей — изыскателей, бурильщиков, сварщиков или одну молодую семью — в обстановке, прямо снажем, нам незнакомой, но тем не менее мы имеем дело со свершившимся фактом, который должен стать нормой условий человеческого жилья на Крайнем Севере. Вот почему со всей искренностью и доброжелательностью мы говорим: «Здравствуй, «цубик»!»

Валентин ЛУКЬЯНОВ

Осень

Солнце рано зарится
На поле в подсолнухах.
Земля раной садится,
Потом подсолена.

Перетрубы в отъезде
Замирают, тонут.
В синем с дрожью воздухе
То и дело стонут.

Небо к югу скошено
Косяками птичьими,
А кругом — из кожи вон —
Лезет лес: настичь бы их.

Старый лист бросается
В осеннее следом.
Стан птиц — касание
Поселений с небом.

Намекает многое
Тот крылатый росчерк,
Увлекает, трогая
И поля и рощи,

Где, затерян скирдами,
Вечным Одиссеем
Вслед гляжу покинуто,
Не владея сердцем.

Вячеслав ЛЕВЫКИН

Ожерелье из желтых кувшинков,
Плоскодонка с потресканным дном,
Чуть насмешливый взгляд
под косынкой
И мельканье луны под веслом.

Неожиданно наше катанье,
Спит таинственный лунный пейзаж.
Полуночное это свиданье
Утром вспомню, как вечный мираж.

Звезды в листьях кустов
зацепились,
Чуть лепечет стеклянный ручей.
Постояли, с ладоней напильки.
Вновь струиться косынке твоей.

У сосны, там, где нить паутинки
От холодной заюкнется звезды,
Ты вдруг вспомнишь, что эти
кувшинки
Обронила у лунной воды.

Серебряный бор

Бор Серебряный,
Литые сосны.
Быль скренивую
Латает солнце.

Глушь наваливается,
Лучась,
Проговариваясь,
Шепча.

В птичьих дикциях.
В травах-ландышах
Набродившись
И наваландавшись,

В дюны падаешь,
Как стоишь...
Зной, апатия,
Сонность, тишь.

И ни города,
Ни подхода,—
И все горькое
И глухое,

Что на сердце
Давило камнем,
Здесь рассеется
В воду канет.

Здесь на части
Неразрываем,
Целен, счастлива,
И, забываваясь,

Шепчешь милые
Звуки немо
Воли, мира,
Любви и неба.

Сергей БОБКОВ

Улыбка

Ты улыбалась во сне...
Поэтому утром сегодня
Улыбку твою повторяют
Живые цветы пробужденья.

Ты улыбалась во сне,
Как будто детство вернулось.
Я звездное видел сияние
Вокруг твоего лица.

Ты улыбалась во сне,
А сон — как известно — бесплотен...
Но многое в мире померкнет
Без этой улыбки спокойной.

Приступ

...и положен всему предел.
Дубрава, и она редет,
и в небе — облачный пробел,
но небо-то не оскудеет!
Когда в груди вдруг пустота,
а сердце

к горлу подкатилось,
и вымолил бы чью-то милость,
да неподатливы уста.
Причины, следствия слились —
по полочкам уж не разложишь!
А сердце забирает в высь
такую,

что мороз по коже!..
Раскрылась книга бытия
на неизведанной странице,
где, точно лезвие, струя
иносказанья серебрится.

Валентин КИРСАНОВ,
Лев ШЕРСТЕННИКОВ (фото)

Когда ее стали называть Галимой? Дайте-ка вспомнить.— Галина Павловна Горенкова чуть призадумалась.— По-моему, после того первенства России, когда она стала второй в многоборье и первой в двух видах упражнений. Было это в 1967 году... До этого мы называли ее Галочкой, Галей, Галиной, а тут она назвала себя кому-то из корреспондентов Галимой, и, знаете, это имя ей очень подошло. Зазвучало, так сказать, значительнее, артистичнее. Так потом и пошло — Галима Шугурова...

Под этим именем ее узнал и запомнил весь спортивный мир. Спустя два года, в 1969-м, Галима Шугурова успешно сражалась с болгаркой Гиговой на чемпионате мира и лишь в последний момент отдала ей «золото», скромно оставив себе «серебро»,— ведь она была дебютанткой. На следующем первенстве мира — в 1971 году — «равновесие» сохранилось. Галиме очень хотелось победить знаменитую болгарку. Два года,

отведенные на подготовку к чемпионату мира 1973 года, Галина Павловна Горенкова, заслуженный тренер РСФСР, считает самыми плодотворными в своем многолетнем содружестве с Шугуровой.

— И победа была прямо-таки в руках, Галима выиграла все виды многоборья, но обруч подвел, и вот... компромисс: на золотом пьедестале рядом Шугурова и Гигова.

Мы разговаривали с ней в кабинете заведующего отделом спортивной и оборонно-массовой работы Омского обкома комсомола А. Сивицкого. Родина Галимы — Омск — не значится среди крупных спортивных центров, и совершенно напрасно: омичами называют себя чемпион мира самбист А. Пушница, серебряный призер мюнхенской Олимпиады фехтовальщик В. Боженов, обладатель серебряной медали чемпионата Европы борец-классик А. Кочнев, олимпийский чемпион велогонщик Г. Комнатов, чемпион мира по акробатике Ю. Зикунов... Да и муж Галимы, серебряный призер первенства мира 1971 года

велогонщик Ренат Шарафулин, тоже коренной омич.

— Когда Галочка впервые пришла в зал, маленький, неудобный, без станков, без нужного освещения, холодный, никто бы, конечно, не подумал, что тут может вырасти чемпионка мира,— вспоминала Горенкова.— Однако девчушки (в том первом наборе их было сто) занимались охотно, полюбили художественную гимнастику, и многие из них стали мастерами спорта, чемпионками...

Говорят — «тяжело в ученье — легко в бою», но сибирским гимнасткам «в бою» оказалось не менее трудно: нужно было преодолеть многолетние привычки, предубежденность знатоков, завоевать, другого слова и не подберешь, авторитет на всесоюзной арене.

«Художницы из Омска? — пожимали плечами некоторые тренеры и судьи.— А кто из известных гимнасток там есть? Кто тренер? Горенкова? Ну, что ж, посмотрим...» И посмотрели. И увидели. На первенстве школьников России в 1966 году Любу Беликину, ставшую победительницей, а

через год — Галию, тогда еще Галию, Шугурову, на равных сражавшуюся с известнейшими в то время сестрами Назмутдиновыми.

— Вот тогда-то о нашем городе и заговорили.— Галина Павловна помолчала, а затем добавила:— А нас перевели в новый зал. Сейчас в Омске художественной гимнастикой занимаются свыше трехсот девочек...

— Как сейчас тренируется Галима? Да никак... Два месяца с группой спортсменов провела в Австралии, в США, а потом приболела. Грипп... Впрочем, завтра должна начать заниматься. Приходите.

...Начали они с ходьбы — в приседе, с поворотами, с выпадами, с прыжками. Потом у станка выполняли танцевальные движения: переходы из одной балетной позиции в другую, пируэты — ординарные и двойные. Работали над гибкостью, над «растянутостью», в общем, надо всем, что делает их изящными, грациозными и физически сильными. Ведь чтобы отлично выполнять упражнение со скакалкой, обручем, лентой или мячом, нужна огромная выносливость, да еще в сочетании с элегантностью, изяществом и легкостью, нужен огромный запас мощности, который набирается изо дня в день изнурительной работой у станка и «прогонами». Прогонами «художницы» называют пяти-, семи-, двенадцатикратные повторения своих упражнений; добавьте к ним десятки, сотни повторов отдельных элементов, порой весьма сложных, и вы согласитесь, что тренировка у девушек не менее насыщенная, чем в любом мужском виде спорта. Вот одно из заданий тренера: стоя лицом к станку, взмахом левой ноги назад достать правое плечо. По-моему, это невыполнимо! Но девочки по десять раз запросто выполняют этот трюк, некоторые достают плечо чуть ли не... коленом.

Так проходят полчаса... час... полтора... Движения сменяют друг друга, вместо четырех их исполняют по восемь, шестнадцать раз подряд. Лица «художниц» розовеют, на лбу появляется ис-

дых» во время исполнения упражнений, как у Галимы, но частенько просто на вдох и выдох. Вот почему на их лицах усталость и пот.

Когда потом, после разминки, мы с Галиной Павловной присели на низкую гимнастическую скамейку и я начал развивать эту свою «теорию», она чуть улыбнулась и сказала:

— Но ведь в таком чувстве движения и состоит мастерство... Однако нам пора наверх...

«Верх» — это огромный зал на втором этаже, где «художницы» уже на ковре работают над своими произвольными комбинациями. Именно тут можно увидеть и понять сегодняшнюю художественную гимнастику. Я не открою ничего нового, сообщив, что в ней мирно сосуществуют со спортом элементы акробатики, балета, цирка... Причем слиты они настолько органично, что выделить какой-то элемент в чистом виде невозможно так же, как, например, невозможно в живописи обойтись лишь двумя красками. Попробуйте из упражнений с лентой исключить мостики, перевороты вперед и назад, различные кувырки, и останется весьма несложный балет, обрамленный зигзагами ленты. Выкиньте из этого же упражнения пируэты, танцевальные шаги и па, и останется простейшая акробатика, оживленная все той же извивающейся лентой. И все же, мне кажется, приоритет искусства в художественной гимнастике бесспорен (недаром ведь она и называется художественной).

Занятия закончились, мы идем с Галимой по парку, в котором разместился спортивный комплекс, и она рассказывает:

— Меня иногда спрашивают, почему я занялась художественной гимнастикой. Если честно: не знаю. Скорее всего потому, что Галина Павловна сумела внушить, что это замечательный вид спорта. Научила любить гимнастику... Ведь когда я начинала, мне было девять лет. Что я могла знать о спорте вообще? Ничего. Правда, мне всегда нравилось смотреть, как спортсмены сражаются за победу, и я всегда за кого-нибудь «боле-

нец-то...» До этого она два года по настоянию родителей училась на факультете иностранных языков.

— Теперь все в порядке.— Галима улыбнулась, но тут же посерьезнела.— Иногда, правда, приходится туго. И сейчас вот предстоит поездка, но хочу отказаться — нужно, наконец, с долгами расквитаться. Даже на кино времени нет.

И, понимая, что эти слова относятся и ко мне, я спешу задать Шугуровой свой последний вопрос:

— Скажите, Галима, а каким видом спорта вы посоветовали бы заняться девятилетней девочке, ну, скажем, вашей сестре?

— Мне нравятся девушки-акробаты. Нет, не прыгуны, а те, что работают в паре с парнем или в тройке наверху.

— Но там ведь нужна значительная сила. Не страдает ли женственность?

— Не обязательно, хотя и не исключено. Но все-таки лучшее занятие для девушек — художественная гимнастика.

— Вы так говорите потому, что она ваша любовь?

— Не только. В художественной гимнастике есть все, чтобы сделать человека, как теперь принято говорить, физически совершенным: акробатика, развивающая ловкость, танцы, воспитывающие пластику движений, упражнения с предметами, делающие девушку грациозной. Я уж не говорю о музыкальном воспитании.

Потом я попросил прокомментировать эти слова Галину Павловну Горенкову.

— Что ж, она абсолютно права... Но художественная гимнастика, по-моему, хороша еще и тем, что доступна сегодня девушкам в большей степени, чем любой другой вид спорта. Она не отпугивает их своей сложностью, безжалостностью, как, скажем, спортивная гимнастика, а, наоборот, внушает уверенность: так, как делают Шугурова и ее подруги, смогут и они... А это очень важно для массового привлечения девушек в спорт... Ну

СИЛЬНЕРЯЧКА

парина, кое-кто уже вздыхает, но Галина Павловна неумолима.

Движения Галимы так же четки и размеренны, как и полтора часа назад, и заканчиваются они в точном соответствии с окончанием музыкальной фразы. Впечатление такое, что упражнения не выглядят у нее никакими усилиями, настолько все выглядит естественным. Глядя на Галиму, я невольно начинаю сравнивать ее с классным гимнастом, «работающим» на перекладине. У него тоже заметно это «безусилие», а всякие там «солнышки», перелеты, соскоки-сальто, вплоть до «лунного», получаются как бы сами собой. Происходит это потому, что гимнаст высокого класса чрезвычайно точно соразмеряет свои усилия с тем движением, которое ему предстоит выполнить. Ни на грамм больше и, что чрезвычайно важно, в самый нужный момент. Смотрю на двух девушек, стоящих рядом с Галимой. Вроде бы все идет отлично. Но прямо-таки физически ощущаешь, сколько они для этого прилагают усилий! Естественно, что не остается времени не только на «от-

ла»... Меня и сейчас волнуют напряженность борьбы, страсти, которые разгораются у хоккеистов, борцов, велогонщиков.

— Но какие же страсти в художественной гимнастике?

— Вам кажется, что их нет? Ошибаетесь. Конечно, они не вырываются так откровенно наружу, как, например, в хоккейных матчах. Они спрятаны внутри каждой гимнастки, но от этого не становятся менее напряженными. Если не наоборот... Конечно, главное в художественной гимнастике — это техника. Впрочем, как и во всех других видах спорта. Но у нас нужны и эмоции. А они даются очень нелегко... Выматывают, пожалуй, сильнее самых сложных элементов. На себе испытала...

Галима взглянула — в который уже раз — на часы и непроизвольно ускорила шаг. А я вспомнил слова ее тренера: «Вы уж, пожалуйста, ее не очень задерживайте. Сейчас ведь идут экзамены». Шугурова — студентка третьего курса Омского института физкультуры, как она сказала: «Нако-

и потом, скажите, сколько можно воспитывать молодежь на хоккее, футболе, других видах спорта, в которых эстетика запрытана в самую глубину? Конечно, мужчинам нужны и сила, и ловкость, и напористость, и смелость, и множество других качеств, но ведь женщина должна быть женственной. Это так естественно...

Перед отъездом из Омска я в последний раз зашел в спортзал. Зашел в самый неподходящий момент — шел творческий спор: Шугурова говорила о том, что ей нужно менять упражнения с лентой, что нужна новая музыка, и как можно скорее. А Галина Павловна, соглашаясь с этим, тем не менее настаивала, чтобы на ближайших состязаниях Галима выступала со старой программой. Ведь до них оставалось две недели.

Но Галима стояла на своем и доказывала, что может тренироваться дважды в день. Чем у них кончился этот спор, ей-богу, не знаю. Они ведь обе с характером — и чемпионка и тренер, — но тем не менее прекрасно ладят друг с другом...

ПОВЕСТИ О МОЕМ ДРУГЕ

Т главные силы противника — Ромка Маркевич, Санька Шутов и Юрка по прозвищу «Тычок» — выдвигались к запасным путям, к водокачке. Ромка, вооруженный длинной затесанной хворостиной, казавшейся ему настоящей трехлинейкой образца 1893 года, шагала впереди, поминутно оглядываясь и озираясь. Тычок подпрыгивал на одной ноге и что-то напевал. Только разведчик — Сенька — шел мрачный, насупившийся.

— Как свистну, — шепотом приказал наш «командарм» (а им, конечно же, был Серега), — налетай на белаяков!..

Я поправил старинный, застиранный картуз: — А коли они нам накладут? Нас-то двое, а их — сляцца...

— Эх ты, красный боец! — покосился на меня командарм. — Иди-ка ты лучше в «дочки-матери» с девчонками играть...

...Вот уже авангард противника поравнялся с водокачкой. Сейчас «красный командарм» Серега гикнет, и наша буденновская ватага даст пятерым «белякам» последний и решительный бой... Все будет по-честному, по-правильному — вчера мы с Серегой играли за белых, и, несмотря на победу, сдались: ведь нельзя, никак нельзя даже в игре одолеть революционную Красную Армию.

— Чего-то они не так идут, — сказал я, присматриваясь к понурому виду «беляков».

— Эй, Серега! — И в это время, сложив руки рупором, Ромка прокричал: — Выходи из за-са-аа-ды!..

Сергей выпрыгнул из-за палисадника.

— Сдаются? — спросил он хмуро.

— У Сеньки до вас дело.

Сенька вышел вперед, взглянул на Сергея и вдруг всхлипнул:

— Серега, мать просила... Венька у нас захворал, а фельдшер в район уехал... Мама сказала: беги к Сергею Антонову, пусть его пионеры дру-гую медицину поклечат.

— Отбой, братва, — негромко, но твердоскомандарм Сергей.

Он бросил свою обструганную шашку в кусты, словно прощаясь с игрой и забавой, подошел к плачущему Сеньке, положил ему руку на плечо:

— Ладно реветь. Придумаем чего-нибудь... Найдем медицину...

Через три минуты все наличные силы «красных» и «белых», включая «обоз» в лице Петьки и «лазарет» — Верки, получили приказ: бежать в депо, рассредоточиться, любыми способами разыскать фельдшера и срочно доставить на Заречную улицу, в дом Шутовых, — можно под конвоем.

Доброта и дружба в этом вихрастом мальце были стержневыми качествами характера.

Сергей растянулся на зеленой, еще не выгоревшей июньской траве. Я сел рядом с ним, не сводя глаз с командарма.

— Слушай, Петруха, дай слово, что никому...

— Что — никому?

— Ну, пока никому не разболтаешь. Тайна...

— Честное пионерское.

Сергей приподнялся на локте и оглянулся:

— Покаялись!

— Да ты что? Я уже дал честное...

— Смотри мне... Я письмо вчера написал. Наркомку.

Он произнес это с таким видом, будто переписка с наркомками была его обычным занятием.

Я разинул рот от удивления. Если бы он сейчас сказал, что отправляется в Германию на помощь бастующим рабочим, я бы и этому поверил — уж слишком спокойно сообщил он о своем письме.

— Какому? — неожиданно в рифму, заикнувшись немного, переспросил я.

— Наркомпути, — торжественно ответил Сергей. Я молчал.

— Так и написал, — вдруг с вызовом произнес Сергей. — Дорогой товарищ наркомпути. Пишет вам незнакомый вам товарищ Антонов Сергей Николаевич, член ЛКСМ Белоруссии, вожатый базового пионерского отряда. Имею к вам просьбу коллективного характера...

Я придвинулся к Сергею, заворожено слушая текст письма.

— ...Всего нас 115 пионеров, — продолжал он, — отберем самых передовых и активных. С коммунистическим приветом...

— Беги на почту! — сказал я, усмехнувшись.

— Куда? — не поняв, переспросил Сергей.

— На почту. Заказное письмо от наркома получать. Беги, а то не успеешь...

Сергей словно не понял насмешки.

— Не веришь? Никто не поверит. А я верю.

— Да ты что?! Да он и читать не будет. Ну, представь себе, сколько детей железнодорожников по всей стране? И всем, что ли, бесплатный литер вот так за здорово живешь присылать?..

— Всем не всем, — рассудительно сказал Сергей, — а тем, кто заслужил, надо бы и послать.

— А мы заслужили?

— Не знаю, — ответил Сергей. — В чем-то да: пионери служим, комсомолу помогаем, учимся на «хорошо» и «отлично».

— Как ты решился-то, Сергей?

А он не знал толком, не мог тогда объяснить, что толкнуло его тайком от всех нас сочинить столь важное письмо, переписать два раза без помарок каллиграфическим почерком, заклеить в конверт и вывести адрес и титул наркома. Может быть, слово «Москва» — таинственное и манящее — на табличках скорого варшавского, пробежавшего мимо городка...

— А ты, — спросил я, — с кем-нибудь посоветовался? Разрешения спросил?

— В том-то и дело, что нет, — вздохнул Сергей. — Спросишь — никто и не разрешит наркомку писать.

— И Николаю не сказал? — уже совсем тихо спросил я.

— Нет.

Я со страхом поглядел на друга. Написать в Москву, не посоветовавшись с Николаем, самим Колей Крустинсоном, вожакком нашей комсомольской ячейки, — явный анархо-синдикалистский уклон.

— Ну и нагорит же тебе, Серега! — сказал я. — Нагорит! — согласился Сергей. — Только если что и берет города — так это храбрость, Петруха.

(Храбр Сергей был до непостижимости: он всегда мужественно смотрел в глаза опасности, никогда не ждал удара от обидчика, хулигана или жулика — был первым. Драться, конечно, нехорошо, но за правое дело — нужно и можно.)

...Через две недели Николай Крустинсон чуть ли не за руку притащил Сергея к Матвею Афанасьевичу Анищенко, секретарю партбюро депо.

— Подожди здесь, — сказал Крустинсон и протиснулся в дверь крохотной дежурки, увешанной плакатами. Сергей из-за плеча Крустинсона заглянул в комнату.

За столом — на нем красовались четыре буквы — НКПС, — положив на стол огромные руки, поросшие черными волосами, с навсегда вьезшимися следами угольной пыли, мазута и металлической стружки, сидел человек в путевой тужурке.

Замасленный ворот был распахнут. Разметавшийся пшеничный чуб то и дело сползал на лоб, и тогда человек, сидевший за столом, взматывал головой, словно норовистый конь, водружая чуб на место.

Каким ветром занесло в гражданскую войну донского красного казака из Первой Конной Матвея Анищенко в белорусский городок, в депо, где после недавней разрухи вдруг загудели, застучали могучими поршнями железные кони — паровозы?..

— Привел чертяку? — не поднимаясь из-за стола, спросил Анищенко.

— В коридоре дожидается...

— Давай сюда писателя...

Сергей вошел в комнату и неожиданно — то ли по выражению глаз Анищенко, то ли еще почему-то — понял, что случилось нечто необыкновенное.

— Надо бы тебя, писателя, выдрать, — сурово начал Анищенко и вдруг не удержался, улыбнулся. — Ну, учудил...

Крустинсон смотрел в окно и кусал губы, стараясь сохранить серьезность.

— Ладно. Стружку мы с тебя снимем, — пообещал Анищенко и подошел к металлическому ящику. Он повернул два раза ручку, дверца ящика мягко подавалась, и Анищенко достал из сейфа пакет с сургучными печатями, штампом и яркой красной бумагой, пришилленной к конверту.

— На, держи. Тебе лично от наркома.

Сергей не выдержал, всхлипнул.

— Ты с какого года? — вдруг спросил Анищенко.

— Девятьсот двенадцатого.

— А на вид взрослый мужик, — покачал головой секретарь партбюро. — Что ж ты, дорогой товарищ, партизанщиной занимаешься?..

— Я не партизанщиной. Я — инициативой...
— В общем, так, — пробасил Анищенко. — За то, что попереки батьки лезешь в пекло, выдрать бы надо. А за инициативу хвалю...

...И вот в июле 1926 года под руководством нашего четырнадцатилетнего вожатого Сергея Антонова, с котомками за плечами, в которых хранились харчи, собранные родителями, в вагоне, специально вымытом и обильно опрысканном карболкой, мы вечером отправлялись, провожаемые взрослыми и детьми, в далекую и неизвестную Москву по бесплатному литеру от наркома.

Прибыли на Белорусский вокзал. Никем, конечно, не встреченные, растерянно топтались на шумящем перроне, огуленные громадным городом.

Чтобы как-то исправить положение, Сергей (все мы понимали, что он был должен предупредить Москву о нашем приезде) громовым голосом закричал: «Делегация пионеров Белоруссии, по два в ряд становись!» И как-то тише стало на перроне, люди, расступаясь, дали нам место, и мы под бой барабана, подняв высоко знамя, врученное накануне нашим парторгом Анищенко, направились на площадь.

В то время налево от вокзала (единственное, пожалуй, здание, сохранившееся с тех пор) стояла триумфальная арка в честь победы над Наполеоном (ныне она восстановлена на Кутузовском проспекте). На площади, гомонливо переругиваясь, толпились легковые и грузовые извозчики, пронзительно трезво переполненный трамвай, и посреди всего этого оглушающего гама и шума стоял милиционер-регуляторщик, который, увидев, что прямо к нему направляется колонна пионеров, остановил движение, что наполнило наши сердца гордостью и сознанием собственной значимости.

Сергей, отдав пионерский салют, поздоровался с милиционером и спросил тоном, не терпящим возражения:

— Объясните, пожалуйста, где здесь у вас располагается московский комсомол?

Милиционер, улыбувшись, ответил:

— Краснопресненский райком — направо.

Сергей на ходу решил исправить свою ошибку и срочно искать спасения и помощи у московских комсомольцев. Эта быстрая его смысленность никогда не имела в первооснове желания получить личное благо. Думаю, окажись он один в столице, не чувствуя ответственности за нас, своих сверстников-пионеров, растерялся бы, как любой мальчишка на его месте. Но долг придал ему силы.

(Это тоже была характерная черта его характера, и он пронес ее сквозь все жизненные испытания.)

Через несколько минут мы были у здания райкома комсомола.

Выстроив свою «полсотню» перед окнами, Сергей приказал сначала бить сильнее в барабан, а потом громко запеть нашу любимую: «Ах, картошка, объедаенье, пионеров идеал», — а сам тем временем скрылся за дверями.

Никто из нас не знал, с кем и о чем говорил Сергей, но когда мы уже оспили, продолжая петь нашу песню минут двадцать, он появился в сопровождении двух комсомольцев — райком прикомандировал их к нам на все время нашего гостевания в Москве. Один из них работал в райкоме, а второй, веснушчатый паренек, с неизменной улыбкой, был комсомольцем-активистом из соседнего железнодорожного депо, случайно оказавшимся в это время в райкоме. (Живы ли эти товарищи? Может, вспомнят, отзовутся?)

На наше счастье, уже наступили каникулы, и по звонку из райкома нас разместили в школе неподалеку.

Девочкам-пионеркам предоставили класс с полным комплектом парт и чистым полом, мальчикам, в другом углу коридора — такое же помещение. Расположившись кто на партах, а кто прямо на полу, начали устраиваться на ночлег. Подушками служили котомки, а вместо простыней Сергей приволок груды старых газет.

Скоро появилась тетя Глаша, которая представилась нам за «главную здесь» (потом выяснилось, что она была сторожихой школы). Узнав, что мы из Белоруссии, аж всплеснула руками:

— Деточки мои родненькие, да вы же мои земляки!

Оказалось, что лет двадцать тому назад какая-то помещица привезла ее в Москву в качестве домашней прислуги. После Октября она вышла замуж за мастерового и с тех пор проживает в Москве. Все это она поведала залпом и тут же начала расспрашивать: «А как там у нас, в Белоруссии?» И хотя были совсем из другой области, чем она, мы обстоятельно отвечали на все ее вопросы.

Сергей посмеивался, слушая наши ответы, и обшаривал с комсомольцами, что можно посмотреть

в Москве за неделю — по расчетам родителей, на это время должно было хватить у нас продуктов.

Программа нашего пребывания в Москве по настоянию Сергея была составлена «оптимальной». В день мы посещали по три, а то и четыре музея, встречались с московскими пионерами, побывали на крупном в те времена заводе «АМО».

В Краснопресненском райкоме РКП(б) мы встретились с ветеранами революции. К концу нашего пребывания, однажды утром выйдя из школы, мы увидели по всей Москве траурные флаги: умер Феликс Эдмундович Дзержинский.

21 июля по нашей просьбе к нам в школу пришел старый большевик, участник Октябрьской революции Иван Петрович Сидоров. Мы попросили его рассказать, как так случилось, что не стало Феликса Эдмундовича Дзержинского. Помнится, он рассказал нам следующее: 20 июля проходил пленум ЦК и ЦКК РКП(б). На этом пленуме с возмущенной и страстной речью, направленной против троцкистско-зиновьевского блока, выступил Ф. Э. Дзержинский. А через 2—3 часа у себя на квартире, в Кремле, он скоропостижно скончался от паралича сердца. Это, после смерти Владимира Ильича, М. В. Фрунзе, была еще одна тяжелейшая утрата нашей партии и государства. А умер он скоропостижно, как нам рассказывал Сидоров, сорока шести лет от роду, потому что тридцать лет вел непрерывную борьбу за наше общее дело — за социализм. Из них одиннадцать лет провел он в тюрьмах, ссылках и на царской каторге.

Был поздний вечер, и шел дождь, но мы его не замечали, потому что в тот вечер с помощью Краснопресненского райкома партии, выстояв несколько часов в огромной очереди на Большой Дмитровке, мы попали в Колонный зал Дома союзов, где в полумраке стоял на высоком постаменте простой красный гроб с телом Ф. Э. Дзержинского. Вокруг была масса венков и густым потоком молча шли люди. А стоявшие у гроба часовые тихо просили: «Пожалуйста, побыстрее», — потому что все улицы кругом были заперты москвичами, ожидавшими многие часы в очереди, чтобы отдать последний долг «железному Феликсу». В почетном карауле мы видели и московских пионеров.

Там встретились и с делегацией белорусских коммунистов, которые возложили три огромных венка из колосьев ржи, белой ромашки и полевых цветов. Нам запомнился венок, сооруженный целиком из винтовок, револьверов и скрещенных шашек. Это было, как мы понимали, олицетворением неугасимого боевого духа товарища Дзержинского.

С помощью товарищей из ЦК КП Белоруссии мы участвовали в траурной демонстрации. На следующий день вечером покидали Москву. Домой возвращались голодные, но возбужденные тем, что нам удалось повидать.

На вокзале Сергея благодарили родители и мы, «путешественники», а потом, подхватив, стали подбрасывать его в воздух, качать. У бедняги Сергея началась рвота. Как оказалось, сам он два дня вообще ничего не ел, отказываясь от своей крохотной пайки хлеба в пользу девочек, а нам всем говорил, что, мол, сыт, в райкоме угостили...

Исчез Сергей из нашего города таинственно, и мы долго гадали, в чем дело: то ли с «секретным заданием» уехал, то ли снова в какую партизанщину ударился? Потом только узнали, что в знак протеста, когда мать вышла замуж за другого, хотя и хорошего человека, тоже железнодорожника, Сергей ушел из семьи и уехал в соседний город. Какими-то сложными путями, через биржу труда он устроился работать на электростанцию. Когда я встретился с ним — мы поклялись быть неразлучными, — он был учеником электромонтера и занимался в вечернем техникуме. (Это детское рыцарство, а скорее даже юношеское — нам тогда шел шестнадцатый год — нелегко далось Сергею: он сразу повзрослел, первая морщинка залегла в углу рта, чаще стал задумываться о природе человеческого характера.)

...Директором электростанции был тогда бывший военнопленный из чехословацкого корпуса Станислав Троян. Сергей ему полюбился, и Троян стал с радостью отдавать моему другу все свои знания и опыт. За какие-то, уж не помню сейчас, крупные рационализаторские предложения Сергея премировали велосипедом марки «Дуглас». Это по нынешним временам вполне можно приравнять к автомобилю.

Своей машиной Сергей неизменно гордился, берег ее, постоянно драил и чистил, но когда просил товарищи — «дай прокатиться», — он сразу же давал, не спрашивая даже: «А умеешь?». Его доброту объясняли «взрослостью», не ведая, что Сергей, поступая на электростанцию, прибавил себе

тройку лет в комиссии по определению возраста «по наружности», а такие комиссии в ту пору существовали.

Вскоре по настоянию Сергея я тоже переехал в тот город и поступил на ту же электростанцию, где он работал (уже электромехаником). Естественно и безропотно я стал его подмастерьем. Этот удивительно трудолюбивый парень мог без устали работать не только сам, но и увлекать окружающих, и бывало часто, особенно в аварийные дни, наша бригада по нескольку суток не покидала электростанцию.

Помню, как однажды ночью дежурила наша бригада и где-то на линии произошла авария. Сергей бросился искать повреждение на главном щите, и надо же было так случиться, что бывший в то время директором старый коммунист и добрейший человек, но по профессии шапочник, не разбирающийся в технических вопросах, именно в это время пришел проверить нашу бригаду.

Видя потное, красное от напряжения лицо Сергея, он спросил, что случилось.

— А случилось то, — не задумываясь, ответил Сергей, — что ампер за ролик залез, вот мы его и ищем.

— Может, вам на помощь главного инженера вызвать? — участливо спросил директор, не поняв толком Сергея.

— Ничего, сами справимся.

И действительно, повреждение через несколько минут было устранено. На этом бы все и закончилось, если б довольный директор не стал расхваливать Сергея в проходной. А там были не только постовые и пожарники, но, на беду, и электрики.

— Смотрите, какой способный у нас парень, этот Антонов. Такой молодой, а сам без помощи инженера нашел ампер, который спрятался за ролик.

На следующий день вся станция гудела от восторга — как здорово Антонов подшутил над директором. Еще через день директора, как технически неграмотного, сняли с работы, а Сергею ввели в горьком выговор по комсомольской линии за «трикачество и необъективную информацию руководства».

Вечером в тот же день по своему почину мы ходили на квартиру к нашему бывшему директору — тихие и пристыженные — хором извиняться «за то, что так все случилось», и написали в горьком партии коллективное письмо с просьбой не обижать его. Вскоре бывшего директора назначили председателем то ли меховой, то ли «кепочной» артели.

...Раздумывая сейчас о нашем столь раннем взрослении, я вспоминал международную ситуацию тех лет: Республика Советов была со всех сторон окружена врагами. Стоило только открыть газету, и в глаза бросались тревожные заголовки: «...ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ». «...КАМПАНИЯ ПРОТИВ СССР В АНГЛИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ». «...ПРОВОКАЦИЯ НА СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ — БАНДИТЫ ОБСТРЕЛИВАЮТ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ...»

Видимо, поэтому в характере моего поколения отложился некая черта «постоянной боевой готовности», решительность, атакующий, так сказать, стиль.

Однако жизнь вносила свои коррективы. Помню, как однажды Сергей поднялся за столом президиума, крытым красным кумачом:

— Объявляю комсомольское собрание открытым.

Сергей уже не раз руководил собраниями. Ему нравилась эта миссия: жестом руки утихомирить зал, оглядеть товарищей и неторопливо, подражая взрослым, произносить привычные, гладкие формулы:

— Предлагается избрать...

— В президиум поступило предложение...

— Прошу голосовать...

В первом ряду на лавке сидел «виновник» — совсем молоденький парнишка из железнодорожных мастерских, обвиненный в «мягкотелом либерализме». Сергей переждал, пока уляжется шум, и начал вступительную речь. Он говорил громко, отчетливо, резко и строго рубил воздух рукой. В конце потребовал:

— Исключить из рядов комсомола.

Раздались редкие, негромкие аплодисменты. Сергей, довольный, опустил на табурет. Никто не решался выступить после него. Тогда, вновь поднявшись со своего председательского места, Сергей сурово сказал:

— Ставлю вопрос на голосование...

Вдруг из задних рядов донеслось:

— Позвольте сказать?...

Сергей не понял вначале, кто просит слова. Но вот уже встал со своего места в последнем ряду и спокойно пошел к сцене пожилой рабочий в пухлой тужурке. Его в городе знал каждый —

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

старый большевик, член партии с 1917 года, машинист Харитонов.

Харитонов остановился на краю сцены, выждал минутку, пока стихнет шум.

— Гляжу я на вас, братки,— начал он,— на молодых наших товарищей, и прямо скажу, не радуюсь — уж больно суровый вы народ. А секретарь ваш,— тут Харитонов резко повернулся к Сергею,— ну, прямо международный прокурор... В зале засмеялись. Сергей покраснел.

— А подумали ли вы, товарищи судьи и прокуроры,— продолжал машинист,— что učinяете вы, исключая из комсомола товарища своего?..

Харитонов прервался и вновь укоризненно поглядел на Сергея.

— Определенного рода политический расстрел. А заслужил ли этого ваш товарищ, сказав что-то и где-то не так, как надо бы?

Харитонов посмотрел на злосчастного паренка и вдруг широко, добро улыбнулся. В зале тоже заулыбались, зашумели. Сергей по привычке хотел было звонить в звонок, одернуть, но Харитонов поднял руку:

— А может, он просто недотепа, оголец этот? За то, в чем провинился, и «на вид», глядишь, многовато...

Харитонов еще шел обратно на свое место, а уже загудела, зашумела враз переменявшая свое мнение комсомолка:

— Верно! На вид поставить! Поработать с ним! Пусть умнее будет. Не понял момента!

Сергей настойчиво, перекрывая шум и крики, твердил:

— Имеются два предложения, товарищи!

За первое — поставить на вид — проголосовали все. За второе, на котором настаивал Антонов — исключить из рядов комсомола, — подвывая руку он один.

Поднял — и сразу же пунцовый от стыда сел на свой председательский табурет.

Вечером, возвращаясь с собрания, он долго молчал, а потом сказал мне:

— Завтра самоотвод попросу.

— Сдрейфил?

— Чего? — удивился он.

— Правды сдрейфил, — пояснил я.

Он оглядел меня, остановившись, и удивленно как-то сказал:

— Ты прав, Петя...

Самоотвода он себе не просил, да мы бы не дали, но урок принял мужественно и на всю жизнь.

Сергей вышел из здания горкома комсомола, нахлобучил шапку, поднял воротник пальто — непогодило, ветер был промозглым.

Только что заворг горкома, невысокий вихрастый паренек в гимнастерке, со шрамом через все лицо, дал ему довольно необычное поручение.

— Значит, так, Антонов, — сказал заворг, — зайдешь к старику Пэну. Хлощев себе в помощники отбери побойчее. Очень нужный нашему городу старик: искусство, понимаешь ли, надо двигать в массы. Комса не поможет — кто поможет? Мы крепко на тебя надеемся. Считай это поручение социальным заказом. Понял?

— Все сделаем, — ответил Сергей как можно

увереннее, но, говоря по правде, сейчас, шагая по осенним улицам, до конца не понимал, в чем суть столь ответственного поручения.

Он прошел по центральной улице, затем свернул в переулок и остановился около большого, покосившегося деревянного здания. Дом этот был известен в городе каждому — целый этаж в нем занимал старый художник Пэн.

Сергей однажды видел его на улице — художник шел семенящей, стариковской походкой, в старомодном пальто, в пестром, как-то по-особому повязанном шарфе, с непокрытой головой. Седые кудри его были похожи на языки белого пламени: так непокорно вздымались они над головой, огромной, словно по ошибке прилепленной к тщедушному стариковскому телу.

Художник Пэн был городской достопримечательностью. Про него рассказывали разное — и про то, как удивил он строгих экзаменаторов в Петербурге, и те открыли перед ним двери императорской Академии художеств — редкая, невероятная удача для еврейского мальчика из заштатного белорусского городка! И как, окончив академию, он отказался от самых блестящих и выгодных предложений, скатал в трубку свои холсты и вернулся на родину, в Белоруссию, и как преподавал в художественном училище, учил ребятшек за гроши, а то и вовсе бесплатно, великому таинству живописи...

Вот к этому человеку и направил Сергея горком комсомола.

Антонов остановился у двери, обитой потрескавшимся дерматином. Над дверью свешивалась груша старомодного звонка. Такие обычно бываю в квартирах частных врачей и адвокатов. Сергей тихо потянул веревку, но звонка не услышал.

Он намотал конец веревки на руку, дернул решительно. Звонок молчал, тишина царил в ателье живописца.

Все почему-то отказывалось служить людям в ту зиму: замерзала вода в трубах, не звонили звонки, неслыханно долго шли телеграммы, опаздывали поезда.

Сергей, поняв, что так он простоят здесь до ночи, постучал. Послышалось старческое шарканье, покряхтыванье, простуженный голос спросил из-за двери:

— Что вам угодно?..

— Мне бы товарища Пэна.

— Кому понадобился товарищ Пэн?

— Горкому комсомола понадобился.

Дверь со скрипом приоткрылась:

— Прошу вас, молодой человек...

Сергей вошел в холодный, темный тамбур. Старик поспешил, чтобы не задуло свечу, захлопнул дверь, накинув засов. Затем протиснулся мимо Сергея и, освещая путь неровным, коптящим пламенем, пригласил следовать за собой.

В просторной комнате, куда они вошли, было так же холодно и неудобно, как и в прихожей. Сергей осмотрелся: на закопченных стенах висели картины — большие и маленькие холсты в неструганных деревянных рамах, а то и вовсе без рам. Картины громоздились в углах, наступали на посетителя со всех сторон; множество холстов, словно древнеегипетские папирусы, свернутых в тугие свитки, стояло в углах.

В центре комнаты грубо сколоченный некрашенный стол был уставлен пыльными пузырьками, банками, коробками с красками. В треснувшем стакане, словно дикий букет, стояли кисти. Возле стола, похожего больше на плотничий верстак, громоздились два грубых кособоких табурета. В углу стоял узкий, с выпирающими пружинами, деревянный топчан, застланный пестрым, сшитым из разноцветных лоскутов одеялом.

Сергей с интересом осматривал комнату — ему еще никогда не приходилось бывать в мастерских художников.

— Ну-с, молодой человек, что привело вас ко мне? — спросил старик. Сергей заметил на столе странное сооружение — спиртовку, на которой подогревался в стеклянной колбе жидкий кофе.

— А дрова-то у вас есть? — неожиданно для самого себя спросил Сергей.

— Дрова мне выделены. Только я хвораю, вот и приходится мерзнуть. Топлю бумагой, сиречь книгами и журналами, молодой человек.

— Я сейчас, — сказал Сергей, — подождите немного, я вернусь.

Он отыскал во дворе соседнего дома несколько сыроватых поленьев, притащил их в мастерскую, разжег огонь в «буржуйке», труба которой выходила прямо в окно ателье. Через несколько минут раздался глухой, уютный, потрескивающий гул пламени. В комнате стало дымно, тепло.

— Вы спрашивали, что меня к вам привело? — спросил Сергей. — Нас к вам привело только то, чтобы вам, товарищ художник, теплее стало жить на этой земле.

— Значит, кому-то еще нужен старый чудак Пэн? — тихо сказал живописец. — Значит, его еще помнят в городе! Значит, он еще может принести пользу кому-то в этом мире!

...В следующий раз Сергей пришел не один — привел с собой всех нас. В горшочке мы получили по ордеру дрова, привезли их, аккуратно сложили поленицу в темном коридоре. Девчата натаскали воды, вымели сор, помыли полы. Расстарились — ввернули сорокасвечовую лампочку под потолок, и мастерская Пэна стала светлой, уютной, просторной.

Художник рассказывал нам о себе, о картинах, о своих работах, но с Сергеем он любил беседовать особенно, и только спустя много лет я понял, что манило старого Пэна к моему однокласснику: умение заинтересованно, вбирающе слушать. Качество это особого рода — чаще ведь человек старается больше говорить, чем слушать других.

Признаться, Сергей поначалу не очень-то много понимал в рассуждениях Пэна о предмете живописи — слишком уж чужды ему были седые, благообразные библейские старцы, теплое синее италийское море и красоты диковиных средиземноморских портов.

А на большую, неоконченную, прикрепленную к подрамнику картину Сергей не мог взглянуть — особенно если вместе с нами приходили к Пэну девчата. С холста пленительно улыбалась нагая черноволосая девушка. Сергей старался не глядеть на нее, но картина точно притягивала его...

Вот так они и подружились — комсомолец и старый мастер живописи. Пэн даже пытался научить Сергея рисунку, но, увы, живописца из Сергея не получалось. Тогда, после бесполезных «живописных» страданий, они заваривали кипяток, Сергей «строил» чай, а старик — кофе. И долго-долго рассказывал Пэн о том, как это прекрасно — живопись, рисунок, поэзия, музыка, искусство...

Как же он говорил тогда — вдохновенно, с жаром и пафосом — старый художник! В те долгие зимние вечера и родилась у Сергея потребность встречи с прекрасным — с картиной и книгой стихов, с музыкой, балетом, театром и кинематографом.

— Все-таки я, старый чудака, дожил до новой жизни, — любил повторять профессор Пэн. — Кто бы мог поверить в это, кто?

Он и вправду многим казался совершенным чудачком: в мастерскую к нему приезжали гости из

Москвы, Ленинграда, бойкие барышни из ВОКСа по-хозяйски показывали его работы иностранцам, но на все, даже самые выгодные предложения он отвечал неизменным отказом. Пэн почти никогда не продавал своих картин — только в случае крайней нужды, когда не на что было купить холст и краски.

Потом реже и реже становились их встречи — появились у Сергея иные дела, жизнь в городе налаживалась, старому художнику жилось легче...

Но однажды утром город облетела страшная весть: старика Пэна, гордость нашего города, зверски убили в его мастерской.

Это было страшное преступление. Отряд милиции оцепил дом Пэна, в ателье старого живописца никого не пускали. Городской фотограф, приглашенный горотделом угрозыска, делал снимки для следователя — восемнадцать ножевых ран насчитали тогда на худеньком теле старого художника.

Хоронил Пэна почти весь город. Тысячи людей, никогда, наверное, и не видевших работ его, шли за грубо сколоченным сосновым гробом.

А к вечеру город облетело новое известие: преступников нашли. Ими оказались родственники старого профессора живописи — сестра и два племянника. Кто-то внушил им, что старик несметно богат, что, мол, в закоулках мастерской прячется золото и драгоценности. И они потребовали у Пэна показать, где лежат сокровища. Им не пришлось в голову, что все свои заработки старик тратил на холст и краски, на книги по искусству да еще на любимый и тогда такой дорогой черный кофе...

Сергея назначили общественным обвинителем на суде. Всю ночь перед началом процесса сочинял он гневную речь. Утром срывающимся от волнения голосом потребовал высшей меры наказания для всех троих участников преступления...

А после объявления приговора комсомольцы решили создать в опустевшей мастерской музей, показать горожанам работы художника, знаменитого их земляка. Когда в горьком обсуждали, кто будет директором музея, выбор пал на Сергея.

Так в восемнадцать лет Сергей Антонов по совместительству стал директором художественного музея.

В этом музее хранилось более двухсот произведений профессора Пэна. Они размещались на трех этажах просторного здания. Война не пощадила искусство — музей Пэна сожгли фашисты, множество произведений бесследно пропало. Но все же в городах Белоруссии в картинных галереях и музеях сохранилось несколько десятков картин Пэна.

— Вы знали Пэна?! Неужели?! Расскажите, пожалуйста, о нем подробнее! — Мой собеседник, прославленный, известный всему миру художник, вдруг потерял интерес к окружающим, отмахнулся от осаждающих его поклонников и, крепко ухватив меня за руку, увел в свой кабинет, усадил в старинное кожаное кресло и начал жадно расспрашивать о профессоре Пэне.

Разговор этот происходил несколько десятилетий после гибели Пэна, в Париже, на весеннем вернисаже.

Художника, так настойчиво расспрашивавшего меня о Пэне, звали Марк Шагал.

Когда-то Шагал был учеником Пэна, затем решил, что учиться ему уже нечему, а потом и вовсе уехал из России, обосновавшись во Франции. И вспомнилось мне, как, бывало, старик Пэн ворчливо говорил Сергею и мне:

— Шагал талантливый, очень даже талантливый, но как бы он там не сбился с пути, в этой Франции, как бы не начал писать на потребу толстосумам всяких там наших козочек в их облаках... Я ведь учил его реализму, я так любил его, я верю в него, до сегодняшнего дня верю — он так одарен от природы, этот мой мальчик, Марк...

...Марк Шагал... Салфетка, на которой он — в шутку или всерьез — оставляет свой автограф, мордочку козы, несколько штрихов городского пейзажа, шуточный рисунок деревни, ценится на «рынке маршалов» в кругленькую сумму. После Пикассо он сегодня, наверное, самый известный и самый дорогой художник на Западе.

Над рабочим столом Шагала висит картина, изображающая знакомые мне с детства горбатые улицы нашего городка, а на подслеповатом домишке — синяя вывеска: «ЛАФКА».

— Почему же через «эф», Марк Захарович? — спросил я его удивленно.

— Молодой человек, пожалуйста, не учите меня, какие были тогда вывески, — по-стариковски ворчливо, с некоторым даже вызовом ответил Шагал, а в глазах его стояли слезы.

Слезы неизбывной ностальгии — тоски по далекой, брошенной в трудные годы родине.

Во время поездок на Запад такие слезы мне приходилось видеть не раз при случайных и неслучайных встречах с людьми, в разные годы и по разным причинам покинувшими Россию...

Жизнь каждого человека подходит к некому водоразделу, за которым пережитое, сформированное человека, подвигает его к новому. Детство сменяется отрочеством, отрочество — юношеством, и это особенно (с моей точки зрения) важная грань в становлении человеческого характера, ибо юноша уже властен над жизнью, а не подвластен ей, как младенец или отрок.

Сергей переступил грань юности рано — да, собственно, в те годы время убыстрилось, темпы сделались иными, и трудности, которые нам приходилось испытывать, лишили нас того инфантилизма, который был свойствен поколению предшущим. Изначенная барственность власть имущего меньшинства, темнота и бесправие голодного большинства, лишение права на общественную деятельность, — все это кануло в Лету после победы революции, когда четырнадцатилетний Аркадий Гайдар был командиром эскадрона, девятнадцатилетний Тухачевский — командиром дивизии, двадцатисемилетний Блюхер — министром обороны Дальневосточной республики.

Огромную роль в нашем раннем возмужании сыграла школа. На смену старой, косной и чванливой гимназии пришли в народное образование, руководимое Анатолием Васильевичем Луначарским и Надеждой Константиновной Крупской, новые принципы. Мораль социализма, базирующаяся на принципах равенства, свободы, дружбы, породила новые взаимоотношения между педагогами и учениками.

На всю жизнь мы с Сергеем Антоновым запомнили, полюбили Александру Афанасьевну Еремееву, еще молодую, но уже со стажем учительницу, которая вела нас до пятого класса. Любили мы ее за знания бездонные, которыми, казалось нам, она располагала, за то, как передавала эти знания, терпеливо и добро переносила наши шалости, влияла на нас лаской, а не криком. Сколько я помню, Александра Афанасьевна всегда выделяла среди нас Сергея. Видимо, ей нравилось, как Сергей на лету схватывал сказанное на уроке, как испустило любил он книги, как не по-детски серьезно относился к заданиям в школе. Только благодаря недюжинным способностям и тому, сколько внимания уделяла ему наша учительница, Сергей за один год смог окончить два класса. Нам, его сверстникам, — чего греха таить! — конечно, было завидно, но авторитет Сергея после такого «рыска» неизмеримо возрос. Помню, как после окончания третьего класса за «успеваемость и примерное поведение» Александра Афанасьевна на последнем уроке торжественно вручила Сергею роскошную книгу. «Гектор — моя собака». На приобретение этой книги, как мы узнали позже, Александра Афанасьевна потратила свое двухнедельное жалование, а жилось тогда трудно, ох, как трудно.

Бывало, неделями, а то и месяцами в школе не топили, — не хватало дров, — но никто не пыл, в классы все являлись аккуратно, кроме тех, кто лежал дома с температурой. Когда заболела «техничка» тетя Настя, мы сами убирали классы,

мыли полы; девочки возились с тряпками, а мы, мальчишки, таскали воду с соседней колонки.

Помню, как в конце одного особенно холодного и голодного года Александра Афанасьевна взяла на свое иждивение совершенно отошедшего Сергея и поселила его у себя в комнатухе при школе; учительница сама голодала, но талантливую мальчишку поддерживала, как могла.

Учебников у нас не хватало, не было и тетрадей. Поэтому уроки мы готовили по пять человек вместе, писать приходилось на всем, что попадало под руку, вплоть до старых газет, а писать нам, говоря откровенно, очень хотелось, и это объяснимо: дети неграмотных родителей, мы очень гордились тем, что Стране Советов нужны кадры ученых, интеллигентов, строителей, обладающих знаниями.

Но, помимо знаний — мы чувствовали это, — Родине нужны кадры военных (впрочем, без серьезного объема знаний в ту эпоху, не говоря уж об эпохе нынешней, военному человеку грош цена). Поэтому, начиная с восьмого класса, все свободное от работы и учебы время мы отдавали Осоавиахиму — отцу нынешнего ДОСААФа.

Окончив школу, мы с Сергеем уже имели дипломы танкистов, хотя танка в нашем Осоавиахиме не было — сначала мы обучались вождению «боевых машин» на фанерном макете, а потом на разболтанном стареньком «газике», однако, как показала события последующие, наши осоавиахимовские наставники обучали нас мастерски.

...Но главным, верно, водоразделом детства, юности и зрелости по праву считают любовь.

Будучи человеком по натуре скрытным, когда дело касалось его личной жизни (даже о том, почему он ушел из дому, от матери, я узнал много позже), Сергей, казалось, интересовался только тем, что было известно всем нам: службой на электростанции, директорством в музее художника Пэна, активной работой в Осоавиахиме и горюком комсомола.

Но однажды наших комсомольцев как тожом жибануло: девятнадцатилетний Сергей Антонов женится!

Свадьбу мы справили по тем временам замечательную: в его девятиметровую комнатуху набилось человек тридцать; Маришка, наша подруга, жена, восемнадцати лет от роду, пир устроила на славу — угощение было разложено на подоконниках и в коридоре на трех табуретках, гости стояли, как на дипломатическом «файф-о-клоке» — ни одного стула у молодых не было, Сергей имел только раскладушку, чемодан и стол на кухне.

Маришка, став женой Сергея, дружбе нашей не мешала, но однажды случилась история довольно занятная.

Сергей и после женитьбы, столь ранней и неожиданной, привычкам своим не изменил, продолжал отдавать всего себя работе, а тут еще, вчитываясь в тревожные газетные сообщения о ситуации в Европе, он стал заниматься парашютным спортом.

— Пригодится, — сказал он мне, — фашистов десантом будем бить в их же берлоге.

Мы начали ездить в городской парк, там была парашютная вышка: каждое воскресенье — пробный, тренажный прыжок.

И — о таинственная непостижимость женской натуры! — наша Маришка заподозрила неладное: молодой супруг перестал бывать дома даже в воскресенье. Не появилось ли у него какое увлечение: парень видный, любимец молодежи, организатор труда и отдыха, — все может случиться!

И однажды, когда мы в очередной раз пошли в городской парк прыгать с вышки и когда Сергей сиганул вниз, все услышали протяжный женский крик — Маришка с ужасом смотрела на мужа, который падал с двадцатиметровой высоты.

— Все, — сказала Маришка, — теперь я тоже буду ходить сюда с вами и прыгать.

И ведь настояла на своем, и я заметил в глазах Сергея гордость за свою подругу.

Помню, как летом тридцать девятого года мы приехали за город, на летное поле, и гремел оркестр, и гуляла толпа, и мы втроем — Сергей, Маришка и я (нам тогда всем вместе было пятьдесят пять лет) — выполнили показательные прыжки. Первым, как водится, прыгал Сергей. Вторым — я. Врач пощупал пульс: у Сергея — 65, у меня — 85. А когда прыгала Маришка, отделившись крохотной точкой от крыла «У-2», врач удивленно покачал головой: у внешне спокойного Сергея пульс был 150.

— Ну и выдержка! — сказал врач. — Завидую, молодой человек, завидую...

Как награду, нам вручили на трюках плитку шоколада — тогда, летом тридцать девятого, мы впервые в жизни узнали его вкус.

Свадьба

Биамбо

Андрей БАТАШЕВ

СКАЗКА ДЛЯ МАМ

В одном зоопарке жил слоненок Биамбо, а ухаживал за ним сторож дядя Паша. У дяди Паши не было детей, и он любил Биамбо, как родного сына. Попул ему шоколадки, гладил его за ушами и приговаривал: «Эх, сынок... Каково тебе, несмышлянышу, без родителей? Да...» А Биамбо замигивал глазами и помахивал ушами.

Однажды в субботу вечером дядя Паша разговаривал вот так с Биамбо. Он протянул ему на ладони несколько бананов и сказал:

— Да, сынок... Жили бы мы с тобой вместе. Ты бы помогал старику, готовил бы ужин, ходил бы в магазин, а я бы полеживал да почитывал газетку...

Дядя Паша, конечно, не ожидал, что Биамбо ему ответит. Просто он привык разговаривать со слоненком. Но тот вдруг проговорил:

— Да и мне не хочется с тобой расставаться. И я с удовольствием помогу тебе по хозяйству. Ведь это совсем нетрудно.

Дядя Паша очень удивился. Он даже ушпнул себя, чтобы проверить, не спит ли он, но слоненок сказал:

— Зачем же щипать себя? Это больно.

— М-да, — протянул дядя Паша. Он хотел спросить, да разве могут слоны разговаривать и когда же это Биамбо выучился человеческой речи, но вместо всего этого только еще раз сказал: — М-да...

А потом подумал: мало ли чего не бывает на свете, — и представил себе, как хорошо будет, если вечером они вдвоем с Биамбо будут пить чай, смо-

треть телевизор... Может быть, они даже будут болеть за одну хоккейную команду!

И дядя Паша сказал:

— Но как же ты выйдешь из зоопарка? Тебя не выпустят сторожа! — А ты дай мне свою старую куртку, — сказал слон. — Брюки. Вообще-то мне нравятся тефасы, но, боюсь, они мне будут малы. Да, еще чуть было не забыл. У тебя есть зеленая шляпа. Она мне очень нравится. Очень. И купи мне, пожалуйста, сигару. Если я буду курить сигару, никто не догадается, что я слон. Ведь слоны не курят сигар.

— Верно, — сказал дядя Паша. — Как это я сам не сообразил насчет сигары?

Он отдал Биамбо свою куртку и брюки. А сам остался в рабочей одежде, а потом сбегал и купил Биамбо самую большую сигару.

Слоненок быстро оделся. И видел бы вы, какой серьезный и солидный человек вышел вечером из зоопарка! Он курил дорогую сигару. И все сторожа, конечно же, пропустили его, потому что подумали: это, наверное, или сам директор зоопарка, или его заместитель, а может быть, какой-нибудь важный иностранец.

Дома у дяди Паши Биамбо подмел пол, включил телевизор и заварил таяной вкусный чай, что дядя Паша выпил шесть стаканов.

Утром Биамбо и дядя Паша отправились в зоопарк, а вечером снова вернулись домой. Дядя Паша так привык к Биамбо, что шагу не мог без него ступить. Иногда у дяди Паши болела спина, и он посылал Биамбо в аптеку за скипидарной мазью. Биамбо растирал ему поясницу, и дядя Паша удивительно кряхтел:

— О-ох, хорошо! О-ох, хорошо! Ой-

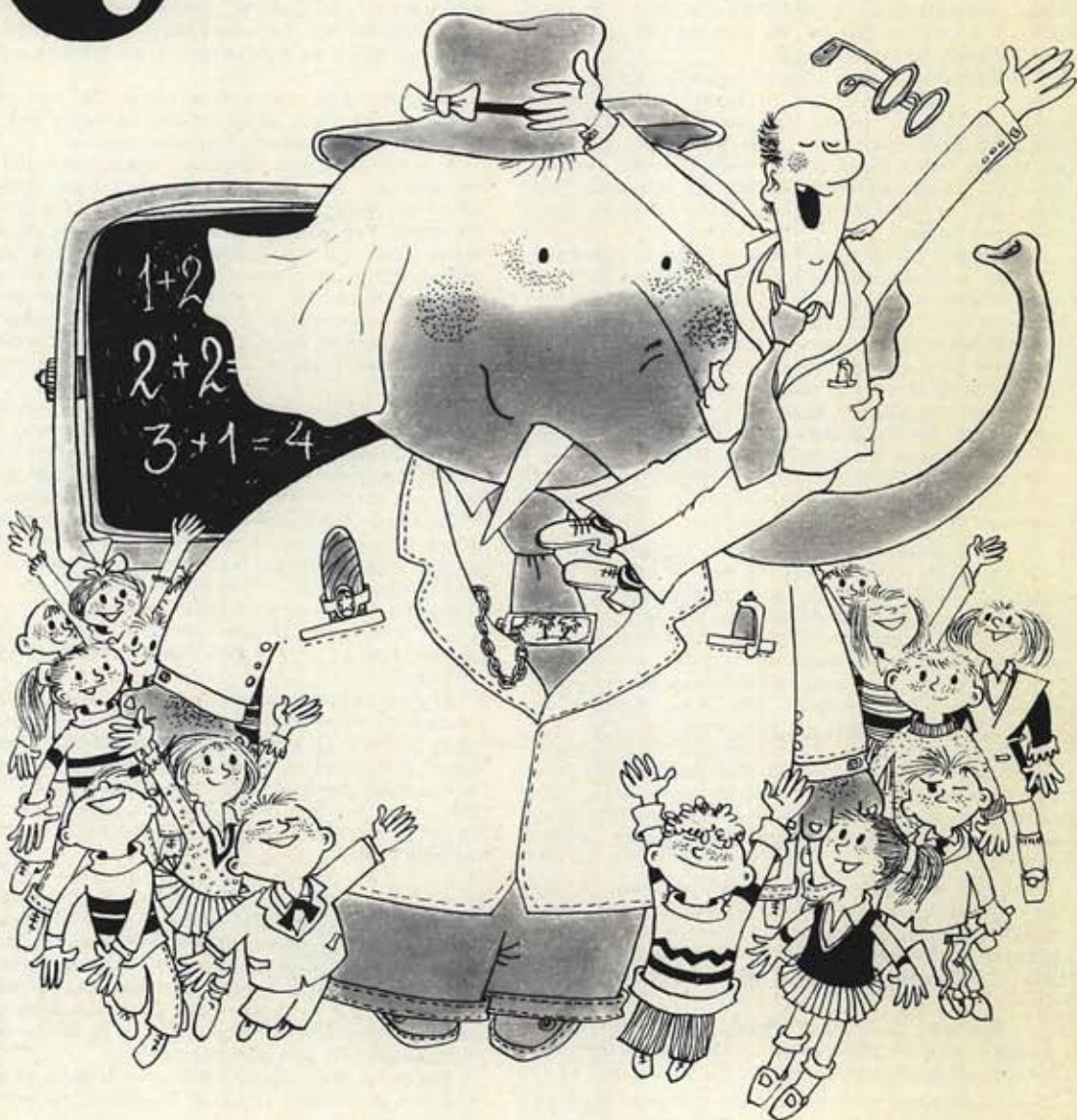

Рисунок Евгения ШАБЕЛЬНИКА

Продолжение в № 7.

ой-ой! Потеше! У меня же не слоно-
вая кожа!

А потом пил чай, приготовленный
Бимбо, и говорил:

— Эх, сынок, я жалею только об
одном, почему ты не играешь в хок-
кей? Если бы ты был хоккеистом и иг-
рал бы в «Спартак» или хотя бы в
ЦСКА, мне было бы совсем хорошо.

Правда, тогда мы не могли бы вме-
сте с тобой смотреть хоккей. Да... То-
гда уж лучше пусть все остается по-
прежнему.

Однажды вечером, придя домой,
Бимбо сказал дяде Паше:

— Знаешь, мне так хочется стать
учителем. Учить детишек читать и
писать, рассказывать им про жаркие
страны, про крокодилов и обезьян...

— Но как это сделать, сынок? —
ответил дядя Паша. — Во-первых, ты
должен каждое утро являться в зоо-
парк, а во-вторых, где ж это видано,
чтобы слоненок работал учителем?

— Дядя Паша, а ты пойдешь к дирек-
тору и скажи ему, что ты уже три-
дцать лет работаешь в зоопарке. И
что тебе очень хочется, чтобы я жил
у тебя. Может быть, директор и со-
гласится. А потом я надену самый
лучший костюм, и, вот увидишь, ме-
ня примут на работу в школу.

Когда директор зоопарка услышал
просьбу дяди Паша, он очень уди-
вился.

— Подарить слоненка? Ну, конечно,
вы наш старейший работник, и я вас
прекрасно понимаю, но почему имен-
но слоненка? Ведь он очень тяжелый
и может проломить пол у вас в ком-
нате. Может быть, подарить вам кро-
кодильчика, он отлично будет жить
у вас в ванной...

— Нет, — сказал дядя Паша, — кро-
кодильчик слишком зубаст. Мне это
не нравится.

— Ну, тогда, может быть, ослика?
Он тоже серый, как и слон.

— Видите ли, — замямля дядя Па-
ша, — я бы не хотел обижать это жи-
вотное, но согласитесь сами. Осел
все-таки есть осел...

— Да-да, конечно, — заторопился ди-
ректор. — То есть я не имею ничего
против. Слон так слон. Раз вы так хо-
тите, мы подарим его вам за безуп-
речную службу.

И вот в один прекрасный день на
торжественном собрании дяде Паше
подарили слоненка, а директор, рас-
строганный еще больше, чем дядя Па-
ша, роняя слезы, сказал:

— Дядя Паша — пример для всех
нас. Все мы должны так же любить
животных, как любит дядя Паша, раз
мы трудимся на зоологическом фронте.
Я сам мечтаю, чтобы на старости
лет мне за отличную работу тоже по-
дарили накого-нибудь маленького
бегемотика.

Тут директор заплакал. И все бро-
сились его утешать. И сказали, что
он и сейчас работает очень хорошо
и что ему уже сейчас можно подари-
ть маленького гиппопотамчика. Но
директор ответил, что сейчас не на-
до, потому что и нему как раз вчера
приехала погостить тетя и он не зна-
ет, понравится ли ей бегемотик.

Как бы то ни было, а в тот вечер
Бимбо навсегда ушел из зоопарка.

На другой день Бимбо отправился
в школу устраиваться на работу. Он
надел белую рубашку и переливаю-
щийся синий галстук. В новом сером
костюме он был очень хорош...

В кабинете директора школы было
много разноцветных телефонов.
Они непрерывно звонили. И, разгова-
ривая с Бимбо, директор говорил
сразу по всем этим телефонам:

— Алло! Ваш сын вчера получил
двойку! Да, я думаю, детям это будет
интересно! Что? Нет, это не зубная
поликилиника! Какие еще жирафы,
обезьяны? Чтобы завтра родители бы-
ли в школе! Учебники? Нет, только с
картинками. Яркими и обязательно
цветными! А вы что здесь сидите? —
повернулся он к Бимбо. — Завтра же
приступайте к работе! В первом клас-
се «А»!

На следующий день Бимбо пришел
на свой первый урок. Он так интерес-
но рассказывал, что в классе все пе-
рестали играть в перышки и даже
самые озорные мальчишки ни разу
не дернули девочек за косички. А под
конец урока Бимбо достал из своего
глубокого кармана крошечных пти-
чек колибри, и они стали летать так
быстро, что, казалось, цветной бес-
шумный вихрь закружился в классе.

Потом все колибри сели на руку
нового учителя. Он убрал их в кар-
ман и вытер пот со лба. Прозвенел
звонок, и все повскакали со своих
мест. Мальчишки закричали, девоч-
ки захихикали. Мальчишки кричали,
что новый учитель, наверное, мастер
спорта — вон какие у него широкие
плечи, — а может быть, даже чемпион
мира!..

Хотя Бимбо оказался очень стро-
гим, все ребята учились хорошо. Все,
кроме одного мальчишки Вовки, кото-
рый не хотел делать уроки, обижал
маленьких и вечно ходил весь выма-
занный чернилами. Однажды на пере-

мене Вовка пристал к одному малень-
кому мальчику и повалил его на пол.
В это время в класс вошел Бимбо.
Когда он все это увидел, он очень
рассердился и, не думая ни о чем,
схватил Вовку хоботом, высоко под-
нял его и стал трясти. Из Вовкиных
карманов высыпались рогатка, оло-
вянные солдатки, две конфеты, ко-
торые он утащил у девочек, и не-
сколько марок.

Вовка очень испугался. Он болтал
ногами и кричал:

— Ай-ай-ай! Ой-ой-ой! Пустите! Бо-
юсь-боюсь! Ой!

Наконец Бимбо поставил его на пол.
Тут уж, конечно, все поняли, что их
новый учитель — слон.

— А я всегда знала, что слоны —
тоже люди, — сказала одна девочка.

— Они очень добрые и сильные, —
сказала другая.

— Наверное, он знает самые заме-
чательные африканские сказки, —
предположил кто-то из ребят.

— Ой, как же нам повезло, что у
нас такой справедливый, такой не-
обыкновенный учитель! — закричали
все.

Но прозвенел звонок, и ребята сели
за парты.

А Вовка побежал к директору жало-
ваться. Директор, как всегда, говорил
сразу по нескольким телефонам.

— Да... Нет... не знаю... приходите
завтра...

— А наш новый учитель... — захны-
кал Вовка.

— Что новый учитель? — спросил
директор.

— Наш новый учитель — слон!

— Что?

— Слон, настоящий слон!

Директор быстро вскочил, нацепил
очки и помчался по коридору. На по-
воротах он спотыкался, скользил, пе-
ревернул две урны и влетел в класс,
залыпавшись так, как будто за ним
гнались разбойники.

— Ммммм... — сказал он, уставив-
шись на слоненка, — ммммм.

— Сядьте, пожалуйста, за парту, —
сказал ему Бимбо, — и послушайте,
как дети будут отвечать.

А дети, которые очень полюбили но-
вого учителя, старались отвечать как
можно лучше. Они красиво писали на
доске буквы, быстро решали трудные
задачи и наизусть рассказывали сти-
хи.

И директор заулыбался.

— Какие послушные мальчики! —
шептал он. — Какие дисциплиниро-
ванные девочки! Какой в классе отлич-
ный порядок!

В это время как раз отвечала одна
маленькая девочка. Бимбо поставил
ей пятерку, и тогда она сказала:

— А можете вы меня немножечко
покатать?

— А ты не испугаешься? — спросил
Бимбо.

— Нет.

— Ну, пожалуйста.

Бимбо осторожно поднял ее хобо-
том и тихонечко поначал.

— Ой, как здорово! — закричала
девочка. — Как высоко! Как будто я
лечу на самолете!

Тут все ребята стали просить пока-
тать их. Но Бимбо сказал, что будет
катать только тех, кто хорошо выучил
уроки. А так как все получали в тот
день только четверки и пятерки, то
Бимбо пришлось катать всех, кто вы-
ходил к доске.

Тогда директор встал и сказал:

— Ой, как мне тоже хочется пока-
таться!

Но тут же спохватился: не может же
директор вести себя, как какой-нибудь
первоклассник, — и добавил:

— Мне важно это знать как педа-
гогу, более того, как директору учеб-
ного заведения, может быть, это на-
кане каким-то особым образом влия-
ет на успеваемость? Вы меня поняли?

Но слоненок уже подхватил его и
поднял под потолок.

— Ой-ой-ой! — закричал директор.
Он хотел сказать, что ему так хорошо,
как будто он летит на самолете, но
он решил, что это не солидно, и за-
молчал.

И тут он вспомнил:

— А как же мой кабинет? Как же
мои телефоны?

Бимбо опустил директора на пол.
Тот поднял брови, нацепил очки,
сказал Бимбо спасибо, улыбнулся ре-
бяткам и помчался в свой кабинет.

Вечером, когда Бимбо пришел
домой, дядя Паша спросил его:

— Что это ты, сынок, такой весе-
лый сегодня?

— Да видишь ли, — ответил Бим-
бо, — я все время болел, что ребята
меня разлюбят, если узнают, что я
слон. А сегодня они это узнали и,
наоборот, еще больше полюбили ме-
ня. Я так рад... Ведь у меня теперь
так много друзей...

— Вот видишь, — сказал дядя Па-
ша, выпивая чай, который приготовил
Бимбо. — Как хорошо, что ты послу-
шался меня и не стал хоккеистом.
Всегда слушайся дядю Пашу, и тогда
все будет отлично!

Юрий КОРТНЕВ

Утверждение

Время делим на капли,
чтоб хоть часть удержать.
Наше время в накате —
потолок блиндажа.
Сбережет
или сплющит!..
Вроде глохнет налет...
И секунды все гуще,
и надежда растет...
Но грохочет фугас.
И трещит потолок.
И, как время,

на нас
истекает песок...
Время было измерено
и размер позабыт.
Время было из нервов,
из разvedок и битв.

Мы не стали поддакивать
в диалоге с судьбой.
Наше время в атаке
закрывали собой.
И в последнем горении,
даже падая ниц,
оставляли во времени
бойницы глазниц.
Было время опасным
под распадом ракет.
Было время прекрасным,
как и всякий рассвет.
Не героем парадным
для грядущих былии —
наше время снарядом
полетело в Берлин!
И в ликующем гуле
уцелевших людей
наши годы шагнули
на простор площадей.

Было время прогорклым
в бесконечном поту.
Было время пригорком
для разбега в мечту.
И в салютном горении
победивших штыков
утвердились во времени
мы

на веки веков!

Осколок

Ах, как пела труба
в наступательном раже!
Никакому оркестру такого
не спеть.

Мы лежали в снегу,
перед нами овражек.
Переход за него караулила
смерть.

Это будет начало
или, может, итог!
А трубе отвечает
командирский свисток.
А в груди закипело,
а наружу «Ура!».
Это значит — за дело! —
потому что пора.

Сколько злобы и воли
в малиновом звоне!
От земли отрывает и гонит взашей.
Вот бы славно
сейчас постоять в обороне
под надежной стеной
застывших траншей.

И сигнал, словно стон.
И в телах сотни тонн.

Раз велела труба,
значит, надо подняться.
Распрячься навстречу
свинцовой косе.

На глазах у врагов
ничего не бояться.
На глазах у своих
быть таким, как и все.

Это было давно
и ушло за года.
Но «тогда» все равно
что «сейчас» для солдат.
Отголосок трубы,
как осколок в ушах:
«Хочешь жить»,
хочешь быть —
сделай шаг!

Первый шаг!
Еще шаг!

Бригада имени журнала «Смена»

В течение 1974 года, определяюще-
го года пятилетки, комсомольско-мо-
лодежные бригады доменщиков Дне-
провского металлургического комби-
ната имени Дзержинского в честь 50-
летия журнала «Смена» боролись за
право называться бригадой имени
журнала ЦК ВЛКСМ «Смена». В ре-
зультате развернутого соревнования
за досрочное освоение проектных
мощностей победителем вышла бри-
гада № 1 доменной печи № 8 Станис-
лава Лютого [очерк Анатолия Бара-
нова о бригаде напечатан в № 24
журнала «Смена» за 1974 год].

Решением редакционной коллегии
журнала комсомольско-молодежной
бригады № 1 доменной печи № 8
Днепропетровского металлургического за-
вода имени Дзержинского, победив-
шей в социалистическом соревнова-
нии за досрочное освоение проек-
тных мощностей, присвоено звание
бригады имени журнала ЦК ВЛКСМ
«Смена».

Редколлегия журнала сердечно поз-
дравляет товарищей:

МАКАРЕНКО Анатолия — мастера пе-
чи, ЛЮТОГО Станислава — 1-го гор-
нового, СТЕПАНОВА Григория — 2-го
горнового, ОДУЩЕНКО Василия —
2-го горнового, ВОРОБЬЕВА Петра —
2-го горнового, ТОРИЧНОГО Дмит-
рия — 3-го горнового, БЕКЛЕШОВА
Александра — 3-го горнового, ЧЕКА-
ЛОВА Валерия — 3-го горнового, БЕ-
ЛОВА Владимира — машиниста вагон-
весов, СТАДНИЧЕНКО Николая — ма-
шиниста вагон-весов, ЦЫГАНКА Гри-
гория — газовщика печи, МУХИНА
Геннадия — водопроводчика, РОГОВ-
СКОГО Виктора — помощника газ-
овщика — и желает им новых трудовых
успехов в завершающем году девя-
той пятилетки.

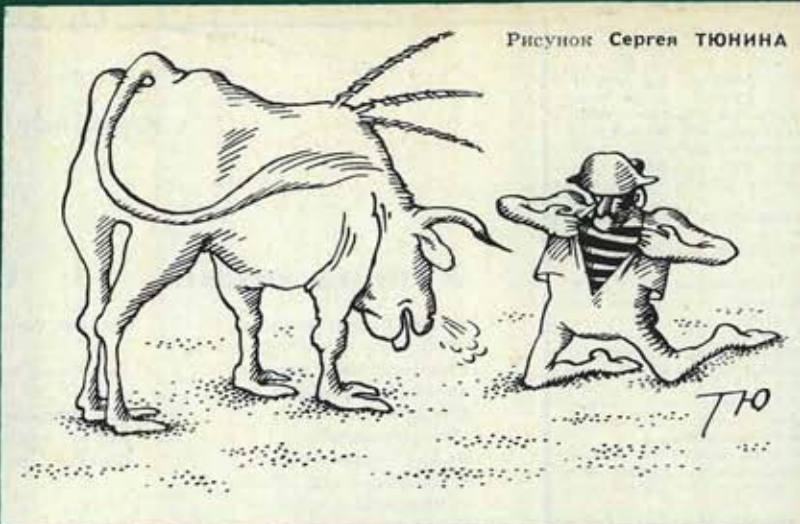

Рисунок Сергея ТЮНИНА

Рисунок Валерия СУДАРЕВА

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунок Леонида НЕМИРОВСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией мастера Виктора ЛЮБЛИНСКОГО **ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ**

Второй тур

АНОНИМНО ИЛИ ОТКРЫТО?

НАСТАВ!

Вниманию читателей, участвующих в нашем шахматном конкурсе (см. «Смена» № 1), предлагаются задания второго тура. Напомним, что конкурс состоит из трех туров (заключительный мы опубликуем в апреле). За правильное решение каждого задания присуждается обусловленное количество очков. По результатам конкурса участникам, выполнившим установленные классификационные нормативы, будут высланы справки о присвоении того или иного спортивного разряда по шахматам.

Не забудьте в правом верхнем углу первой страницы своего письма на второй тур четко указать свой конкурсный регистрационный номер. Это поможет жюри более оперативно подвести итоги нашего заочного шахматного соревнования. Срок отправления (по почтовому штемпелю) писем в редакцию с решениями задач и разбором фрагмента, которые помещены ниже, с 20 марта по 10 апреля 1975 года.

ных. Игравший белыми Клован умелыми тактическими операциями в центре и на королевском фланге прочно захватывает инициативу.

19. h3-h4! e5-e4 20. Ke2-f4 Kc6-e5 21. Фg4-h3 Фb6-c6 22. Лf1-e1 Лd8-d6 23. b2-b3! Kf5-e7 24. c3-c4 d5:c4 25. Лd1:d6 Фc6:d6 26. Сс2:e4 Ke7-f5 27. h4-h5! Этой скромной крайней пешке удастся не только расшатать оборонительные рубежи вокруг неприятельского короля, но и сыграть чуть ли не решающую роль в его пленении.

27. ...g6-g5 28. Сс4:f5 g5:f4 29. Сс1:f4 Фd6-d4 30. Cf4-e3 Фd4-d5 31. h5-h6! Cg7-f6 32. Cf5-e6 Фd5-a5 33. Le1-e2 c4-c3. В завязавшихся тактических осложнениях успех сопутствует белым, чья атака увенчивается эффективной комбинацией, связанной с жертвой ферзя.

34. Ce3-d4! c3-c2 35. Le2:c2 Фа5-e1+ 36. Kpg1-h2 Fe1-e4 37. Фh3-f5 Фе4:d4 38. Фf5:f6+, и черные сложили оружие.

ЭТЮД БОТВИННИКА

Несколько интересных этюдов составил экс-чемпион мира М. Ботвинник. Вот посмотрите на его изящную композицию (диаграмма V), впервые опубликованную в 1944 году.

Белые добиваются победы серией тонких маневров, которые найти не так-то легко. Может быть, тайну этюда гроссмейстера раскроют читатели «Смены»?

ИГРА НА «СТАВКУ»

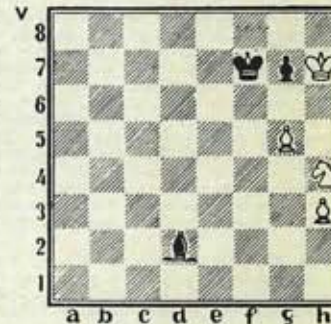
Выдающийся русский композитор и музыкальный деятель С. И. Танеев (1856—1915 гг.) был большим любителем шахмат. В своих воспоминаниях он рассказывает о встречах за шахматной доской в Ясной Поляне в 1895 и 1896 годах с Л. Н. Толстым. Великий русский писатель, как известно, страстно любил шахматы и нередко посвящал им часы своего досуга. Игра Танеева с Толстым проходила с переменным успехом.

Любопытно заметить, что игра между ними шла на своеобразную «ставку»: в случае проигрыша Танеев исполнял на фортепиано по выбору Толстого какое-нибудь произведение, а когда проигрывал Толстой, то он, в свою очередь, читал вслух что-либо из своих сочинений.

НЕУТОМИМЫЕ ПРАПОРЩИКИ

Увлекательными шахматными схватками отличался последний командный чемпионат Вооруженных Сил, на котором победный кубок завоевала сборная Ленинградского военного округа. Среди лидеров команд лучшего индивидуального результата добился прапорщик из Прибалтийского военного округа Ян Клован. Мы уже рассказывали читателям об этом талантливом шахматном мастере, когда в минувшем году он стал чемпионом Дружественных армий. Ниже следует фрагмент его партии с первым номером команды Балтийского флота мастером Б. Рытовым.

На диаграмме IV изображена позиция, создавшаяся после 18-го хода чер-

Со стр. 17

ПЛАТЬЕ-ПАЛЬТО И КЛЕТАЧТОЕ ПЛАТЬИЦЕ ИЗ ШЕЛКА ДЛЯ РАБОТЫ И ДНЯ ВЕЧЕРА.

ВОТ ОНА, «УСТАРЕВШАЯ» ТКАНЬ БОЛОНЬЯ В НОВОМ АССОРТИМЕНТЕ.

— У нас в институте разработана группа моделей платьев из отечественного трикотажного полотна без рисунка. Чтобы сделать композицию интересной, берут различные по цвету полотна и создают изящную и пластичную модель, ведь трикотажное это полотно тем и хорошо, что оно прекрасно передает льющиеся формы — клеши, фалды, складки. Вот, например, два модных в нынешнем сезоне цвета: оранжевый и синий, и комбинируется платье, совершенно похожее на юбку с кофточкой и верхней жакецией. Юбка оранжевая, жакетик синий и внизу оранжевый свитерок. Это лишь одна из комбинаций, самая простая. Если говорить еще о каких-то новых проявлениях моды по сравнению с весной-74, то это увеличение объема рукава, юбки, длины ее и ширины, что потребовало увеличения и пальто. Модны объемные, мягкие пальто и накидки, которые не сомнут ни одно самое роскошное по форме платье.

Шарф используется с утра до вечера: днем с пальто — вязаный длинный, широкий либо из материала пальто, вечером — легкий или маленький — дополнение к платью. Отмечу, что юношам в этом сезоне позволено галстук заменять платочком, носышкой...

— А как с брюками? Неужели...
— Нет, нет. Брюки плотно вошли в гардероб, но умеренны по ширине. Носите их тогда, когда вам удобно или когда просто они идут к вашей фигуре...

Для вечерних, нарядных, праздничных платьев возвращается тафта и «жесткие» ткани, но наряду с ними очень современно и изысканно выглядят длинные платья из крепдешина с мягким воротником, длинным, полным рукавом с узкой манжетой и падающей фалдами юбкой...

И если составить примерный весенний деловой гардероб, то это будут, пожалуй, удлиненная расклешенная юбка плотной тандовой ткани (хорошо пестротканой), блуза — батист, маринизет, свободный объемный жакет или полудлинное пальто с подчёркнутой талней, большая добротная сумка на ремне (комбинированная, лоскутная, многоцветная), чтобы можно было «загрузить» ее и учебниками и небольшими покупками для дома, туфли на небольшой «платформе», которую постепенно вытесняет очень высокий каблук, и, как мы сказали выше, шарф, который можно быстро связать из любого цвета шерсти, маленькая вязаная шапочка, — берет, с полями, плотно облегающая голову.

— Каковы украшения весеннего сезона-75?
— Для праздничного туалета мы рекомендуем длинные бусы или металлические цепи различных оттенков, любые «композиции» — дерево, кость, пластмасса, металл, что угодно... Однако хочу предупредить девушек, что блестящие бусы или цепи хороши только для вечера. Днем этот блеск выглядит слишком притязательно...

Можно приколоть бунетик цветов и воротнику платья, полсу, рукаву...

В нынешнем сезоне популярны тона, хотя и достаточно чистые, но все же несколько приглушенные, сдержанные. Юношам и девушкам мода «разрешает» броские, яркие цвета, иррасочные, жизнерадостные сочетания, и думается, весенняя наша улица будет радовать нас нынче разнообразной и полной гаммой цветов и оттенков — от нежно-сиреневого и строгого беж до солнечно-оранжевого и изумрудно-зеленого.

Все равно мы никуда не уйдем от истинно волшебных красок природы, которая позволяет нам черпать из ее необозримых кладовых тайн цвета.

